Сергей Нечаев

БАЛЬЗАКОВСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Возраст любви

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«За ночь любви не жаль отдать жизнь», «Любовь — наше второе рождение», «Кто в силах управлять женщиной, может править государством» — так говорил Оноре де Бальзак, которого по праву величают «знатоком женского сердца» и которому мы обязаны такими понятиями, как БАЛЬЗАКОВСКИЙ ВОЗРАСТ и БАЛЬЗАКОВСКИЕ ЖЕНЩИНЫ.

А был ли сам он счастлив в любви? Насколько обширен его «донжуанский список»? Что за роковые женщины разбивали ему сердце, заставив написать эти горькие слова: «Любовь — фальшивомонетчик, превращающий не только медяки в золото, но зачастую и золото в медяки», «Никто не становится другом женщины, если может быть ее любовником», «Чтобы высечь огонек страсти из женщины-кремня, нужен мужчина с характером твердым, как сталь». Удалось ли самому Бальзаку раздуть этот огонь любви? Завоевал ли он руку и сердце своей избранницы? И кто она, та единственная, за ночь с которой «не жаль отдать жизнь»?

- Сергей Нечаев
  - Предисловие, или что такое женщина бальзаковского возраста
  - Глава первая. Непонятый ребенок
  - Глава вторая. Гений с мансарды
  - Глава третья. Мадам де Берни
  - Глава четвертая. Фабрикапо производству романов
  - Глава пятая. Герцогиня д’Абрантес
  - Глава шестая. Дамба прорвана
  - Глава седьмая. Утраченные иллюзии
  - Послесловие
  - Использованная литература
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Сергей Нечаев
Бальзаковские женщины. Возраст любви

Предисловие, или что такое женщина бальзаковского возраста

Бальзаковский возраст — это когда замуж уже не зовут, а в гроб еще рано.

Неизвестный автор

Возраст для женщины не самое главное: можно быть восхитительной в 20 лет, очаровательной в 40 и оставаться неотразимой до конца своих дней.

Коко Шанель

Как видно из подобранных эпиграфов, отношение к бальзаковскому возрасту может быть самым разным. Так что же это такое и откуда появился этот весьма неоднозначный термин?

Любой филолог вам скажет, что термин «бальзаковский возраст» стал общеупотребительным после появления в 1831 году романа Оноре де Бальзака «Тридцатилетняя женщина». Героиня этого романа отличалась независимостью, самостоятельностью суждений и свободой в проявлении своих чувств. В результате в первые годы после выхода романа в свет это выражение употреблялось иронически по отношению к женщинам, которые были похожи или стремились походить на героиню бальзаковского произведения.

К сожалению, позднее это значение термина забылось. Более того, термин приобрел какое-то шутливо-ироническое звучание, порой очень даже обидное для женщин. В результате бальзаковским возрастом стали называть возраст от 30 до 40 лет. Причем употреблялся этот термин не только по отношению к независимым женщинам, свободным в своих чувствах, но и ко всем женщинам примерно этого возраста.

Это выражение активно используется в кино, книгах и СМИ. Достаточно назвать популярный телефильм «Бальзаковский возраст, или Все мужики сво…», который содержит около сорока серий. Но в настоящее время многое изменилось со времен Бальзака. Прежде всего, если в XIX веке к 30 годам женщина уже должна была иметь детей юношеского возраста, то сейчас 30 лет — это для многих только возраст вступления в брак. Да и

современная косметология стала творить такие чудеса, что понятие «бальзаковский возраст» еще более сдвинулось — в сторону 40–45 лет. Типичный пример — известная поговорка: «В сорок пять — баба ягодка опять!»

Разные люди вкладывают в эту фразу совершенно различный смысл. Одни считают, что женщина бальзаковского возраста — это женщина, имеющая жизненный опыт и свое собственное суждение о многих житейских и не только ситуациях. Другие уверены, что это женщина в самом расцвете, уже не девочка, но еще не начавшая увядать.

А что же Бальзак? Он прекрасно умел использовать женщин, которые любили его и были старше по возрасту. Сам он родился 20 мая 1799 года. Его первая женщина, Лора де Берни, родилась 23 мая 1777 года, то есть была на 22 года старше.

Герцогиня Лора д'Абрантес родилась в 1784 году, и она была на 15 лет старше Бальзака.

Зюльма Карро родилась в 1796 году, и она была всего на 3 года старше Бальзака.

Маркиза де Кастри тоже родилась в 1796 году, и она была на 2,5 года старше Бальзака.

Эвелина Ганская родилась в 1801 году, и она была моложе Бальзака.

А графиня Гидобони-Висконти вообще родилась в 1804 году.

Что это за женщины? Это вы узнаете, прочитав книгу. Но одно точно — все они сыграли очень важную роль в жизни великого писателя. Более того, именно они помогли ему стать великим писателем.

Как видим, разница в возрасте Бальзака и его очередной женщины снижалась. Но все они были типичными женщинами «бальзаковского возраста». Самый типичный пример — Лора де Берни. Когда они познакомились, Бальзаку было 23 года, а ей — 45 лет.

Лора д'Абрантес была моложе Лоры де Берни. Но с Бальзаком они познакомились, по разным данным, в 1825 или в 1829 году. То есть герцогине тогда был или 41 год, или все те же 45 лет.

Анриетта де Кастри была еще моложе, но когда Бальзак начал встречаться с ней, ей было 36 лет. С Зюльмой Карро он начал переписываться, когда той исполнилось 33 года, Эвелине Ганской, ставшей потом женой Бальзака, когда писатель повстречался с ней, было 32 года, да и графине Гидобони-Висконти, когда они познакомились, был 31 год.

Итак, мы видим, что и в биографии самого Бальзака значимым для него женщинам было от 31 года до 45 лет. И это в момент, когда они знакомились, ибо потом, в процессе общения,

все они становились только старше. И это удивительно, ведь в те времена женщины старше 30 лет уже просто обязаны были быть замужем (тогда девушки выходили замуж в 14–18 лет). Поэтому считалось, что 30-летняя женщина уже вроде бы как и не имеет права на любовь…

Впрочем, как уже говорилось, к середине прошлого столетия временные рамки бальзаковского возраста уверенно сдвинулись к 40 годам, а потом и еще дальше.

Почему все эти женщины так привлекали Бальзака? Потому что они были взрослыми, опытными, вполне сложившимися натурами. Ему нужно было что-то брать от них, и он брал. У кого-то — деньги, у кого-то — полезные советы или знакомства. Короче, он их использовал в своих собственных интересах. А что возьмешь с 18-летней дурочки? Да, она может быть прекрасной, как цветок, но чем она может помочь, поддержит ли в трудную минуту…

Ну а с чисто социальной точки зрения сегодня бальзаковский возраст женщины означает для нее полную свободу. Она уже многое имеет, дети (если они есть) подросли, и женщина может вновь подумать о себе. Она может распределять день по своему собственному усмотрению и посвящать больше времени своим любимым занятиям. Женщина в этом возрасте становится мудрее, она уже научилась разбираться во многих вопросах. Ведь в ее распоряжении — огромный жизненный опыт, которого просто не может быть у 18-летних.

И главное, женщину бальзаковского возраста уже меньше беспокоит плохое поведение мужа, ведь в 40–50 лет многие мужчины уже имеют приличный животик и злоупотребляют алкоголем. А порой и гуляют на стороне… И если для 18-летней девушки это катастрофа, то женщина бальзаковского возраста на это смотрит уже совсем по-другому. Она же личность, ее жизненные интересы давно обрели четкость, и она способна радоваться жизни самостоятельно. Как говорится, «что-нибудь из двух: вас любят или не любят. В обоих этих крайних случаях ревность оказывается совершенно бесцельной». Кстати, знаете, кто это сказал? Между прочим, Оноре де Бальзак.

Американские психологи, проводившие опрос среди женщин бальзаковского возраста относительно их жизнеощущения, с удивлением для себя узнали, что почти все женщины в этот период жизни живут беззаботнее и свободнее, чем раньше, и только теперь могут по-настоящему наслаждаться жизнью.

Да и опросы в нашей стране показывают, что женщины бальзаковского возраста более уверены в себе и более независимы. В большинстве своем они не думают о старости, не

записывают себя в старухи. Пока здоровье позволяет, они наслаждаются окружающим миром и жизнью. Ведь человеку именно столько лет, на сколько он себя ощущает.

Сейчас даже русские женщины, которым давно надоело останавливать на скаку коней и входить в горящие избы, научились любить себя. И посмотрите, кто сейчас в основном заполняет тренажерные залы, посещает выставки и ездит на экскурсии… Закрасить седину сейчас — не проблема. Сбросить пяток лишних килограммов — тоже. И нормальная женщина бальзаковского возраста уже не позволит себе быть «разведенной» каким-то юнцом из провинции, она сама кого угодно «разведет», особенно молодого и неопытного. И использует она его так технично, что мужчина при этом будет уверен, что это он ее использовал…

А, кстати, вы заметили, что термин «бальзаковский возраст» не употребляется в отношении мужчин? И это потому, что современные мужчины в 40–50 лет в большинстве своем представляют собой весьма жалкое зрелище. А на некоторых и в 30 лет без смеха не взглянешь. Это и понятно, ведь путь к их сердцу лежит через желудок, и молчаливы они лишь потому, что им нечего сказать, и от мальчишек они отличаются лишь стоимостью своих игрушек. И пусть вести здоровый образ жизни модно, но они-то за модой не гонятся…

И что удивительно, именно такие вот мужчины очень любят говорить про женщин бальзаковского возраста с оттенком презрения, связывая его с физическим и психологическим увяданием и развивая в женщинах комплексы по поводу собственного возраста.

А что тут комплексовать? Ведь «женщина всегда на семь лет моложе, чем утверждают ее подруги, и на пять лет старше, чем дают ей мужчины». Это Джина Лоллобриджида сказала, одна из красивейших женщин на свете, секс-символ 50-х гг. Она, кстати, родилась в 1927 году, и ей сейчас далеко за восемьдесят…

Правда, есть и иные мнения. Например, вот такое:

«И вот, нежданно-негаданно, ты становишься женщиной среднего возраста. Никто не замечает тебя. Ты обретаешь удивительную свободу — свободу человека-невидимки».

А это слова английской писательницы Дорис Лессинг. Но она, между прочим, родилась в 1919 году, а Нобелевскую премию по литературе получила в 2007 году, то есть в 88 лет. Так что правы те, кто считает, что в пятьдесят жизнь только начинает заканчиваться. Ну и, конечно, «каждая женщина имеет тот возраст, какого заслуживает». А это уже слова знаменитой Коко Шанель, которая умерла в 1971 году в возрасте 87 лет.

А что же Бальзак? Да, он использовал женщин бальзаковского возраста. Он стал тем, кем стал, во многом именно благодаря им. Но, кстати, последняя его женщина, Эвелина Ганская (практически наша, между прочим, соотечественница), когда Бальзак умер 18 августа 1850 года, печалилась недолго. Сначала она нашла утешение в объятиях молодого литератора Жюль-Франсуа Шамфлёри, изучавшего жизнь и творчество Бальзака, а затем, в 1852 году, стала любовницей художника Жана Жигу. Ей тогда был 51 год, а умерла она в возрасте «за восемьдесят», прекрасно подтвердив тезис о том, что хороши женщины, не скрывающие своего возраста, но еще лучше те, которым и незачем это делать.

И кто после этого скажет, что после пятидесяти женщина оказывается на излете своей сексуальной привлекательности, за порогом своего женского счастья…

А вот Лора де Берни умерла в 1836 году в возрасте 59 лет. Она так и продолжала любить Бальзака, а он в это время веселился с другой женщиной. Да, он любил Лору, но по-своему. Слишком уж «по-своему». Она стала ему больше чем матерью. Она всегда поддерживала его словом и делом. Она думала о нем даже в последние минуты своей жизни.

В психологии это называется «якориться». Под этим подразумеваются события или люди, когда-то вызвавшие у человека сильные эмоции, а потом зафиксированные его бессознательным и многие годы спустя вызывающие схожую эмоциональную реакцию.

«Якориться» неправильно, а порой и весьма опасно. «Заякоренную» эмоцию можно и нужно перебивать другой сильной эмоцией или, в конце концов, каким-то делом. Недаром же меньше всего депрессий бывает у людей в деревне, ведь им надо и корову подоить, и дрова наколоть, и печь растопить, и за водой сходить — короче, куча дел, переживать некогда. А в городе «не якориться» женщинам помогает карьера, а также такое универсальное средство, как дети и внуки, в которых многие, став мамами и бабушками, растворяются практически полностью.

Но проблема Лоры де Берни была гораздо сложнее, ведь Бальзак был на 22 года ее моложе. Это для женщин бальзаковского возраста нередко становится вопросом непреодолимым. Тут очень часто происходит трансформация ума и характера, ибо увядающая женщина проецирует на значительно более молодого партнера свою, как ей кажется, последнюю любовь.

Дело в том, что молодая женщина всегда сексуально одаривает молодого мужчину (я молода и красива, и тем самым я

уже есть счастье) и требует за это благодарности. А вот женщина бальзаковского возраста уже понимает, что и ее возлюбленный в равной мере осчастливливает ее. Если он намного моложе, то он дарит ей свою мужскую силу, свое тело, свое внимание. И она учится принимать этот дар, учится быть за него благодарной. Она становится мудрее…

И хорошо, когда между молодым мужчиной и женщиной бальзаковского возраста в главном имеет место некий паритет: она — ему, а он — ей. И плохо, когда этот паритет нарушается. К сожалению, большинство мужчин откровенно не ценят опыт и душевное богатство той, которая «уже достигла вершины своей горы жизни и начала спуск в долину женского забвения». Их этому просто не научили. А ведь любовь уже стареющей женщины может стать исключительным счастьем для мужчины. У таких женщин любовь — как лебединая песня. И тут ценится все… Как в последний раз… И любой пастушок может показаться принцем. А если женщина бальзаковского возраста опытна и мудра, она, конечно же, видит, что никакой это не принц, но… она так рада обманываться…

О первой любви много всего написано. О последней — гораздо меньше. А между тем именно последняя любовь женщины, женщины мудрой и опытной, — это любовь исключительная, ибо стареющая женщина умеет мужчину любить. Умеет его ценить. Умеет быть ему благодарной. Жаль только, что не все мужчины понимают это. Вот и Бальзак сменил женщину, которая была на 22 года его старше, на ту, что была старше «всего» на 15 лет. А потом — на два-три года… А потом нашел себе тех, кто помоложе. Но вот стал ли он от этого счастливее…

Глава первая. Непонятый ребенок

Мои страдания состарили меня… Вы едва ли можете себе представить, какую жизнь я вел до двадцатидвухлетнего возраста.

Из письма Бальзака герцогине д'Абрантес

Департамент Тарн расположен в южной части Центрального Французского массива. Спросите любого француза, какая первая ассоциация возникает у него в связи со словом «Тарн», и почти все скажут: овцеводство и обработка овечьих шкур. Собственно, ничего иного от них нельзя и требовать. Ну нет там ничего больше и никогда не было. Однако именно в этом богом забытом департаменте, в деревушке Ля-Нугейрье, жила семья неких Бальсса (Balssa). И жила бы она, как и многие другие крестьянские семьи, безвестно, если бы в 1746 году в ней не появился на свет мальчик, которого назвали Бернар-Франсуа.

Этот Бернар-Франсуа Бальсса оказался отнюдь не лишенным тщеславия малым и вдруг начал похваляться перед всеми, что его предками будто бы были представители весьма знатного и известного во Франции дворянского рода де Бальзак. Конечно, это была полная ерунда, просто корень «Бальс» на лангедокском наречии означает «крутой утес», и поэтому на юге Франции жило множество таких же «дворян», носивших фамилии Бальссак, Бальзак, Бальсса, Бальзан и т. п. Понятное дело, к дворянам все они никакого отношения не имели.

Биограф Бальзака С. Цвейг[1] по этому поводу пишет:

> «Отец его просто в шутку, да и то в самом тесном домашнем кругу, похвалялся весьма сомнительным и весьма отдаленным родством с древнегалльской рыцарской фамилией Бальзак».

Но Бернар-Франсуа был не только большим шутником, он еще был очень настойчив, и вскоре односельчане привыкли и стали называть его Бальзаком. Так благодаря крестьянскому упрямству отца (а Бернар-Франсуа — это отец знаменитого писателя Оноре де Бальзака) Бальзаком стал и главный герой нашего повествования.

Итак, Бернар-Франсуа Бальсса сам «отредактировал» свою

фамилию. И сделал он это не просто так. С раннего детства он — старший из одиннадцати детей своих родителей — спал на тюфяке с соломой и помогал отцу пасти овец, но мечтал он совсем не о такой жизни. Он мечтал о карьере нотариуса и переезде не в какой-нибудь Альби или Монтобан, а в Париж. Шансов на это было немного, но жить с сознанием своего высокого происхождения и предназначения, согласитесь, гораздо интереснее.

С. Цвейг характеризует Бернар-Франсуа так:

> «Сельский священник обучил его грамоте и даже немного латыни. Но крепкий, жизнерадостный и честолюбивый юнец вовсе не собирается выбрить себе тонзуру и дать обет безбрачия. Некоторое время он еще остается в родной деревушке, то помогая нотариусу переписывать бумаги, то трудясь на родительской овчарне и на пашне; но вот, достигнув двадцати лет, он уезжает из родных краев, чтобы не возвратиться более. С упрямой напористостью провинциала, великолепнейшие образцы которой опишет в своих романах его сын, он обосновывается в Париже, поначалу действуя неприметно и втихомолку, — один из бесчисленных молодых людей, которые жаждут сделать карьеру в столице, но не знают еще, каким образом и на каком поприще».

Он начал службу рассыльным в одной адвокатской конторе. Ее хозяин — добрый старик — познакомил его с основами общего права, с судебными процедурами и составлением нотариальных актов.

Другой известный биограф Бальзака А. Моруа[2] пишет о его отце:

> «Когда он подался в Париж, все его имущество составляли только подкованные железом башмаки, крестьянская куртка, цветная безрукавка да три рубахи грубого полотна; но в придачу он был наделен безграничным честолюбием и энергией, которой хватило бы на троих».

Хватка провинциала, всего добивающегося трудом и упорством, сослужила Бернар-Франсуа хорошую службу, и он стал быстро продвигаться по ступенькам служебной лестницы. Сначала он подвизался на второстепенных ролях, потом попал в Королевский совет, где начал готовить доклады по самым

различным вопросам, помогая Жозефу д'Альберу, который взял смышленого парня себе в секретари. После этого он стал личным секретарем министра морского флота Бертрана де Мольвилля, а это уже означало возможность иметь дело со знатными вельможами.

Бернар-Франсуа мечтал присоединить к своей фамилии дворянскую частицу «де» и уже был близок к этому (по крайней мере, в глубине собственного сознания), но тут грянула революция, и это на определенное время стало неактуальным.

По слухам, оппортунист по натуре, он помогал роялистам — своим прежним покровителям и друзьям. Поэтому, когда начался революционный террор, от греха подальше, ему посоветовали уехать из столицы.

Он нашел прибежище в Валансьене, где начал работать в службе снабжения Северной армии. Там он ведал провиантом, фуражом, топливом и свечами, и что удивительно, находясь на такой «хлебной» должности, не только не был посажен сам, но и отличился тем, что не был задержан ни один из его подчиненных.

Кристальная честность на подобных постах не пользуется особой популярностью, следовательно, Бернар-Франсуа Бальзак был человеком умным, осторожным и изворотливым. Во всяком случае, не будучи богатым, он жил в свое удовольствие, щеголяя в красивом синем мундире, расшитом серебром. Как говорится, у него все было, а ему за это ничего не было.

Через некоторое время Бернар-Франсуа снова «вынырнул» в Париже в качестве первого секретаря банкирского дома Даниэля Думерка.

В 1796 году, то есть в возрасте пятидесяти лет, оборотистый и пышущий здоровьем клерк обратил взор на дочь одного из партнеров своего начальника. Ее звали Шарлотта-Лора Салламбье, и она была на целых тридцать два года моложе своего суженого. Поговаривали, что партию эту составил для своего служащего сам Даниэль Думерк, но четких доказательств этому нет. Очевидно одно: мнением девушки по этому поводу никто и не поинтересовался.

Семейство Салламбье принадлежало к числу весьма уважаемых в парижском квартале Марэ, где жили аристократы и богатые коммерсанты. Во всяком случае, отец Шарлотты-Лоры, Клод-Луи Салламбье, в свое время был секретарем виконта де Бона, бригадного генерала королевской армии, и происходил из почтенной буржуазной семьи суконщиков, которой принадлежала большая фабрика позументов под звучным названием «Золотое руно». В рассматриваемое нами время он был директором парижских домов для престарелых и имел с банкиром Думерком

немало общих интересов.

Период ухаживаний продолжался недолго, и свадьба Бернар-Франсуа Бальзака и Шарлотты-Лоры Салламбье состоялась в Париже 30 июня 1797 года.

Дальше события стали разворачиваться по сценарию, который весьма метко определил С. Цвейг:

> «Едва связав себя брачными узами, Бальзак-отец счел ниже своего достоинства и к тому же весьма неприбыльным оставаться простым клерком. Война под водительством Наполеона представляется ему куда более быстрым и богатым источником дохода».

Но непосредственно на войну он не пошел (все-таки война — это дело молодых), а при содействии генерала де Померёля стал помощником мэра в городе Туре и попечителем местных богоугодных заведений (тут явно не обошлось без протекции тестя). Семейство Бальзаков стало жить на широкую ногу.

* * *

20 мая 1798 года, через одиннадцать месяцев после свадьбы, Шарлотта-Лора Бальзак родила сына, которого она пожелала кормить грудью сама, но младенец, которого назвали Луи-Даниэль, прожил всего тридцать два дня. Мать так тяжело переживала смерть сына, что даже не пошла на похороны. Все-таки перенести подобное в двадцать лет — это и врагу не пожелаешь. Потрясенная этой драмой, она стала замкнутой, словно внутри себя пыталась найти причину своего несчастья. А может быть, там она искала опору, которой не находила в муже, постоянно пропадавшем на работе.

Вот почему, когда 20 мая 1799 года в семействе Бальзаков родился второй ребенок, названный Оноре, она предпочла поручить его кормилице — жене жандарма из селения Сен-Сир-сюр-Луар. Так что фраза «впитал с молоком матери» к нашему герою не будет иметь никакого отношения.

А жаль. Дело ведь не только в химических свойствах материнского молока, у кормилицы эти свойства могут быть ничуть не хуже. Гораздо важнее то, что если мать радостно и охотно кормит своего малыша, она как бы передает ему свою любовь, питает его радостью, формирует положительное отношение к миру и людям, к себе самому. Недаром же говорят, что материнское молоко — это ее материализованная нежность. Ни одна кормилица, какой бы доброй она ни была, этого ребенку

не даст.

Первый близкий контакт ребенка с другим человеком — это контакт с матерью, и именно мать отвечает за то, чтобы он оставил радостное впечатление об этом на всю жизнь. От этого во многом зависит, как сложится в дальнейшем его судьба.

Именно поэтому Бальзак оказался лишен не только молока матери, но и физической и духовной общности с ней. Вместо этого он с первых дней жизни находился в смятении, а когда он начал немного соображать, это смятение преобразовалось в обиду и отчуждение.

* * *

Турский нотариус 21 мая 1799 года сделал в своей регистрационной книге короткую и ясную запись:

> «Сегодня, 2-го прериаля VII-го года Французской Республики, ко мне, регистратору Пьер-Жаку Дювивье, явился гражданин Бернар-Франсуа Бальзак, проживающий в здешнем городе, по улице Итальянской армии, в квартале Шардонне, в доме № 25, дабы заявить о рождении у него сына. Упомянутый Бальзак пояснил, что ребенок получит имя Оноре Бальзак и что рожден он вчера, в одиннадцать часов утра, в доме заявителя».

Как видим, никакой дворянской частицы «де» в данном документе нет. Собственно, нет ее и в других дошедших до нас документах — в свидетельстве о смерти отца, в объявлении о бракосочетании сестры и т. д. Следовательно, как пишет С. Цвейг, «вопреки всем генеалогическим изысканиям Бальзака, она является плодом чистейшей фантазии великого романиста». Ну и его отца, конечно.

* * *

Еще через год той же кормилице отдали и сестренку Оноре, Лору, появившуюся на свет 29 сентября 1800 года.

* * *

К моменту рождения Оноре Бальзаки уже считались людьми состоятельными и были приняты в самых богатых домах Тура.

Они имели собственный дом, карету и массу слуг. Несмотря на свое низкое происхождение и туманное прошлое, Бернар-Франсуа Бальзак стал вполне респектабельной личностью. Все-таки правильно говорят, что революция — это эпоха смешения всех слоев общества, лучшее время для молниеносных карьер.

Однако Бальзак-сын вряд ли был счастлив в этой семье. Он так никогда и не смог простить матери то, что она удалила его от себя. Впоследствии он писал:

> «Каким физическим или духовным недостатком вызвал я холодность матери? Чему я обязан своим появлением на свет? Чувству ли долга родителей или случаю? Не успел я родиться, как меня отправили в деревню и отдали на воспитание кормилице; семья не вспоминала о моем существовании в течение трех лет; вернувшись же в отчий дом, я был таким несчастным и заброшенным, что вызывал невольное сострадание окружающих»[3].

Мать Бальзака. Шарлотта-Лора Бальзак

В действительности же мадам Бальзак ничего не имела против сына, просто, напуганная смертью первого ребенка, которого она целый месяц сама кормила грудью, она на этот раз решила подчиниться распространенному в те времена обычаю. Но Бальзаку от этого не было легче. Он считал, что его — еще грудного младенца — выдворили из родного дома, точно прокаженного. Его доверили заботам кормилицы, его редко посещали родители, ему не дарили игрушек. Мать не склонялась над его постелью, когда он болел. Ни разу не слышал он от нее доброго слова.

Бальзак никогда не простит матери этого. Много лет спустя

он доверит мадам Ганской душераздирающее признание:

> «Если бы вы только знали, что за женщина моя мать. Чудовище и чудовищность в одном и том же лице. Она ненавидит меня по многим причинам. Она ненавидела меня еще до моего рождения. Я хотел было совсем порвать с ней. Это было просто необходимо. Но уж лучше я буду страдать. Это неисцелимая рана. Мы думали, что она сошла с ума, и посоветовались с врачом, который знает ее в течение тридцати трех лет. Но он сказал: „О нет, она не сумасшедшая. Она только злюка…“ Моя мать — причина всех моих несчастий».

В этих словах, в этом вопле души, вырвавшемся через столько лет, слышится отзвук бесчисленных тайных мук, которые испытал Бальзак в самом нежном, самом ранимом возрасте именно из-за того существа, которое по законам природы должно было быть ему дороже всех на свете.

* * *

Но с другой стороны, холодная сдержанность родителей привела к тому, что его братские чувства к сестре Лоре стали особенно нежными. Позже она вспоминала:

> «Я была моложе Оноре, родители относились ко мне так же, как и к нему; мы воспитывались вместе и горячо любили друг друга; с раннего детства я запомнила, как нежно он был ко мне привязан. До сих пор не забыла, с какой быстротой прибегал он всегда на помощь, боясь, что я ушибусь, скатившись с трех неровных высоких ступенек лестницы без перил, которая вела из комнаты нашей кормилицы в сад! Его трогательная опека продолжалась и в отчем доме, там он не раз позволял наказывать себя вместо меня, не выдавая моей вины. Когда я успевала сознаться в совершенном проступке, он требовал: „В другой раз ничего не говори, пусть лучше бранят меня, а не тебя!“»

Сестра Бальзака

Биограф Бальзака А. Труайя[4] пишет:

> «Пребывание в чужом доме сплотило детей: они вместе ели, играли, спали, мечтали, их поцелуи заменяли материнскую ласку, которой они были лишены».

* * *

В четыре года Бальзака вернули в Тур, под родительский кров. Вернули и его сестру. Но мать так и не сумела вызвать у детей любовь к себе. А любила ли она их сама? Сказать, что не любила, не повернется язык. Но любила по-своему. Просто она считала, что судьба обошлась с ней несправедливо, и испытывала к ним определенную зависть. Ведь у них вся жизнь была впереди, а в ее жизни уже ничего нельзя было изменить. Своего старого и вечно отсутствующего мужа она не любила, прячась в панцирь строгости, дававший ей иллюзию защиты. Она не признавала ни ласк, ни поцелуев, всех этих простых радостей жизни, она не умела (или не хотела) создать для своих близких счастливый семейный очаг. Пристрастие к роскоши, желание нравиться и не ударить лицом в грязь еще больше портили ее характер.

С. Цвейг пишет о ней:

> «Она отличается пренеприятной способностью постоянно чувствовать себя ущемленной и уязвленной. В то время как муженек весело и беззаботно наслаждается жизнью, нисколько не сокрушаясь и не унывая по поводу мнимых недомоганий и капризов своей благоверной, ее всегда терзают воображаемые хвори, и все ее ощущения неизбежно приобретают истерический характер. Вечно ей кажется, что близкие недостаточно ее любят, недостаточно ценят, недостаточно почитают. Она вечно жалуется, что дети слишком мало признательны ей за великое ее самопожертвование».

Заботу о детях Шарлотта-Лора Бальзак понимала так: главное — не давать им ни малейшей свободы, не спускать с них глаз, всегда следовать за ними по пятам. Но именно эта назойливая и неусыпная заботливость, эти унылые попечения о так называемом благе своей семьи, вопреки самым добрым ее намерениям, парализовывали весь дом.

Много лет спустя, давно уже став взрослым, Бальзак будет вспоминать, как в детстве он вздрагивал всякий раз, заслышав ее голос. Сколько натерпелся он от этой вечно чем-то разгневанной и вечно надутой матери, холодно отстраняющей нежность своих добрых, порывистых и страстных детей, можно понять из слов, вырвавшихся у него в письме:

> «У меня никогда не было матери».

А. Моруа, тонкий психолог, отмечает:

> «Эти уж слишком горькие слова написаны Бальзаком

в минуту гнева. Однако дети тяжело переживают обиды, и какое имеет значение, страдаем мы от действительного или мнимого горя, если нам оно представляется настоящим? Некоторые дети, рожденные в законном браке, чувствуют себя отверженными, не признанными своими родителями, хотя и не понимают, чем вызвана такая немилость. Они больше других жаждут успеха и славы, стремясь таким путем вознаградить себя за тоску, которая гложет им душу».

* * *

Вторая сестра Бальзака, Лоранс, родилась 18 апреля 1802 года. Обстановка в доме от этого только ухудшилась. А. Моруа об этом периоде жизни Бальзака рассказывает так:

«Оноре, Лора и Лоранс были доверены попечению грозной гувернантки, мадемуазель Делаэ; они жили в страхе перед пристальным взглядом темно-синих глаз матери и лживыми обвинениями гувернантки, которая утверждала, что Оноре ненавидит родительский дом, что он неглупый, но скрытный ребенок. Она насмехалась над тем, что мальчик мог подолгу, не отрываясь, смотреть на звезды».

А началось все с того, что мадемуазель Делаэ спросила мальчика:

— О чем ты думаешь, Оноре?

— Ни о чем, — ответил он.

— Ни о чем? У тебя такой отсутствующий вид, будто ты где-то на Луне.

— Да, я был на Луне.

— Вот как! Что-то ты слишком много времени проводишь на этой своей Луне. Встряхнись, вернись на Землю. Возьми себя в руки.

Оноре демонстративно обхватил себя руками.

— Вот, мадемуазель…

— Не смешно, Оноре! Ты несносный мальчишка.

Этой мадемуазель Делаэ было лет под пятьдесят, и этим было все сказано. Дети, оторванные от матери, которую они видели только утром, когда с ней здоровались, и вечером, когда желали ей спокойной ночи, находились под ее неусыпным контролем. Им постоянно приходилось сидеть подле этого грозного стража, ибо гулять и играть одним она им не разрешала. Как тут было не

ожесточиться даже самому доброму детскому сердцу?

Самым примечательным событием первых лет жизни Бальзака было короткое путешествие в Париж. Дедушка и бабушка Салламбье пожелали познакомиться с внуком. Мадам Бальзак повезла сына к ним, и старики оказались просто без ума от хорошенького мальчугана, которого они осыпали поцелуями и подарками.

Сравнение добрых бабушки и дедушки с родителями было явно не в пользу последних. По этому поводу А. Труайя пишет:

> «Возвратившись к родному очагу после проявлений столь горячей привязанности, Оноре ощущал себя еще более несчастным: отец вовсе не интересовался им, мать едва замечала, когда он вдруг попадался ей на глаза, лицо ее каменело».

Через несколько месяцев после этой поездки, 22 мая 1803 года, дедушка Оноре скончался от апоплексического удара. То было большое горе для мальчика. Немного позднее мадам Салламбье (урожденная Софи Шовэ) переехала жить к своей единственной дочери. У нее была рента, приносившая 5000 франков в год, но она совершила непростительную ошибку, доверив капитал зятю, который вскоре поместил его в рискованное предприятие, представлявшееся ему «блистательным». Лучше бы он этого не делал.

Мадам Салламбье охотно баловала своих внуков. Для них бабушка Софи была кем-то вроде доброй феи. Только с ней они были счастливы: она им разрешала абсолютно все, искренне считая, что любить ребенка — это означает баловать его.

Всему мешала суровость ее дочери. Оноре буквально трепетал, когда мать говорила, что ей все надоело и теперь она сама займется его образованием. Отец был не такой: он очень любил слушать его пышные тирады и забавные остроты, хотя и не понимал практически ничего. Ему просто нравилось смотреть на этого неунывающего человека.

* * *

Когда Бальзаку исполнилось восемь лет, родители решили определить его в Вандомский коллеж — только бы с глаз долой, только бы он жил в другом месте, в чужом городе. Надо сказать, что на это у них была причина: как раз в это время (21 декабря 1807 года) у них родился еще один сын, которого назвали Анри. Поговаривали, и не без оснований, что этот мальчик не был

ребенком Бернар-Франсуа, а стал плодом любовной связи мадам Бальзак с неким Жан-Франсуа де Маргонном. Понятно, что «разборок» в семье было не избежать, и присутствие при них уже все понимающего восьмилетнего ребенка было крайне нежелательным.

Жан-Франсуа де Маргонн был женатым человеком, но влюбился в Шарлотту-Лору с первого взгляда и пользовался столь явным расположением этой дамы, что не смог устоять. Бернар-Франсуа, конечно, был возмущен всей этой историей, но потом предпочел закрыть на все глаза, решив, что в его годы надо быть терпимым к определенным и неизбежным сердечным вольностям своей молодой супруги.

Вандомский коллеж был одним из самых известных и при этом одним из самых своеобразных учебных заведений Франции. Основали его монахи-ораторианцы, которые по примеру иезуитов решили посвятить себя воспитанию молодого поколения, но слыли либералами, что не могло не понравиться Бернар-Франсуа. И в самом деле, люди, руководившие коллежем в годы, когда там учился Бальзак (это были Лазар-Франсуа Марешаль и Жан-Филибер Дессень), активно участвовали в революции, были женаты на родных сестрах, но при этом сохранили католическую веру и поддерживали в своем заведении строжайшую дисциплину.

Воспитанники коллежа, размещавшегося в угрюмом замке, окруженном рвом, никогда не уезжали домой на каникулы, они даже не имели права совершать прогулки по городу. Они сами стирали свою униформу и прибирались в комнатах, а по воскресеньям надзиратели проводили тщательную проверку и наказывали их за любую провинность. К тому же специальный цензор коллежа распечатывал все письма, которые получали или отправляли дети.

А. Моруа так характеризует нравы, царившие в Вандоме:

> «Удары колокола, а не барабанная дробь возвещали о начале и конце уроков, а также о других занятиях, входивших в распорядок дня. Лицейские правила обычно предписывали громкое чтение какой-либо книги во время трапез. Таким путем стремились предупредить брожение умов. Но наставники-ораторианцы разрешали ученикам разговаривать в столовой. Если им ставили в укор такое послабление, они возражали:
>
> „Помилуйте! Ради воспитания добрых нравов, ради поддержания дисциплины, ради сохранения благотворного влияния на учеников в течение всего года

мы отказываемся от каникул, лишая себя отдыха, который они нам сулят, и от экономии средств, которую они дают. А теперь нас упрекают за то, что мы доставляем воспитанникам скромные удовольствия!“»

К этим «скромным удовольствиям» относились редкие загородные прогулки парами под наблюдением педагогов и главного воспитателя. Очень редко и только за особые отличия в учебе воспитанникам разрешали поиграть в мяч или понаблюдать за жизнью животных на соседней ферме.

Как видим, жизнь в коллеже была суровая.

Применялись тут и телесные наказания: провинившихся били по пальцам линейкой, обтянутой кожей, и это было весьма болезненно. А особо непослушных надолго запирали в карцере под лестницей (эту каморку ученики именовали «альковом»).

* * *

Когда Бальзак поступил в младший класс Вандомского коллежа, он был толстощеким и румяным мальчуганом, но молчаливым и грустным. О пребывании в родительском доме у него сохранились самые печальные воспоминания, поэтому и в коллеж он принес с собой какую-то тягостную настороженность, держась с окружающими как затравленный зверек. Он и сам чувствовал свою неуклюжесть, а от этого еще больше робел.

Юному Бальзаку трудно было добиться уважения у других воспитанников. По милости своей предусмотрительной мамаши он почти не имел карманных денег и потому не мог участвовать в общих мероприятиях. Родители других воспитанников приезжали в Вандом в дни раздачи наград за успехи; его же родители никогда при этом не присутствовали. За шесть лет мать, по словам Бальзака, только дважды посетила его, видимо не желая отступать от духа, царившего в коллеже. В течение всех этих лет и сам Бальзак почти не бывал дома.

До нас дошло одно из писем будущего писателя, адресованное 1 мая 1809 года мадам Бальзак. В нем десятилетний мальчик писал:

«Любезная матушка,

я думаю, папа был огорчен, когда узнал, что меня посадили в „альков“. Прошу тебя, успокой его, скажи, что я получил похвальный лист при раздаче наград. Я не забываю протирать зубы носовым платком. Я завел себе толстую тетрадь и переписываю туда начисто все из

своих тетрадок, и у меня хорошие отметки, надеюсь, это доставит тебе удовольствие. Обнимаю от всей души тебя и всех родных, а также всех, кого я знаю.

Бальзак Оноре, твой послушный и любящий сын».

Единственным человеком в коллеже, который относился к Бальзаку более или менее ласково, был отец Лефевр, наставник пятого класса. Он верил в чудеса, и в этом у него было много общего со странным учеником, который, считая себя изгоем на земле, похоже, ждал чудес от неба. В обязанности отца Лефевра входило приведение в порядок громадной библиотеки коллежа (около трех тысяч книг), которая была составлена во времена революции, когда «голодные и рабы» громили окрестные замки. Отец Лефевр должен был давать Бальзаку дополнительные уроки по математике, однако этот добрый священник был скорее поэтом и философом, нежели преподавателем, и охотно разрешал мальчику читать в часы, отведенные для приготовления уроков. Между нами был молчаливо заключен своего рода договор: Бальзак не жаловался на то, что ничему не учился, а отец Лефевр молчал по поводу того, что он брал книги. Впрочем, ничему не учился — это неверно. Как раз именно это чтение, скорее всего, и стало самым полезным из того, что Бальзак почерпнул в коллеже.

Вот мнение по этому поводу А. Моруа:

> «Мальчик уносил из библиотеки множество книг, а отец Лефевр никогда не проверял, какие именно произведения выбирает юный Бальзак, который на переменах усаживался под деревом и читал, между тем как его товарищи резвились. Часто он намеренно старался попасть в карцер, чтобы там без помехи читать. Постепенно в нем развилась настоящая страсть к чтению».

С. Цвейг с ним совершенно согласен:

> «Грандиозный фундамент всесторонних познаний Бальзака был заложен в эти часы чтения украдкой».

А. Труайя отмечает и еще одно важное последствие этого запойного чтения:

> «Оноре без разбору поглощал все, что попадало под руку, впрочем, явно отдавая предпочтение книгам поучительным… Следствием этой неистовой и

безрассудной страсти стало желание походить на авторов, которыми он восхищался».

Ребенок будто чувствовал, что в нем зреют мысли, которые нужно было научиться выражать, ибо они достойны того, чтобы быть изложенными. Впрочем, в свое предназначение верил только он сам. В глазах же наставников и товарищей юный Бальзак так и остался весьма заурядным человеком.

В коллеже Бальзак начал писать стихи. Увлеченный этой несвоевременной страстью, он даже начал пренебрегать уроками. В насмешку воспитанники, обращаясь к нему, постоянно повторяли фразу из создаваемой им трагедии: «О, Инка, король злополучный, несчастный!» Им казалось, что это очень остроумно. А ведь мальчик действительно был очень несчастен, но ничто не могло его исправить. Однако руководство коллежа отнюдь не было склонно поддерживать в подростке подобное увлечение, смешанное с гордыней.

В результате, как утверждает А. Моруа, никакого взаимопонимания между ними не было:

> «Так он дошел до предпоследнего класса. Неумеренное чтение, видения, которые оно рождало в его мозгу, дни одиночества в карцере — все это привело к тому, что он впал в какое-то странное состояние полной отрешенности, болезненного оцепенения, и это тем более беспокоило наставников, что они не понимали причин такого состояния. А отрешенность эта была вызвана тем, что мысли его были далеко, что он пребывал в иных мирах, навеянных прочитанным. По мнению ораторианцев из Вандомского коллежа, Оноре Бальзак был нерадивым учеником — занимался он мало, и то, что с ним происходило, не было умственным утомлением. Мальчик исхудал, зачах и походил на лунатика, спящего с открытыми глазами; большей части обращенных к нему вопросов он попросту не слышал, и, когда его неожиданно спрашивали: „О чем вы думаете? Где витают ваши мысли?“ — он растерянно молчал».

Буквально все в коллеже ощущали в этом мальчике некое тайное противодействие. Никто не пытался понять его, все видели только, что он постоянно читает и учится не так, как следовало бы молодому человеку из приличной семьи.

Если словесные убеждения не давали эффекта, то на это у монахов-ораторианцев был свой особый метод, как добиться от детей почитания старших и воспитания смирения. У С. Цвейга по

этому поводу читаем:

> «Учителя считают его тупым или вялым, строптивым или апатичным, ведь он не может тащиться в одной упряжке с другими — то отстает, то одним скачком всех обгоняет. Как бы там ни было, ни на кого не сыплется столько палок, как на него. Его беспрерывно наказывают, он не знает часов отдыха, ему задают бесконечные дополнительные уроки в наказание, его так часто сажают в карцер, что на протяжении двух лет у него не было и шести свободных дней. Чаще и ужаснее, чем другие, величайший гений своей эпохи вынужден испытывать на собственной шкуре „ультима рацио“ — последний довод суровых отцов-ораторианцев: наказание розгой».

Но и это не помогало. В конце концов в коллеж была вызвана мадам Бальзак. Ей прямо с порога заявили:

— Ваш сын обладает массой всевозможных качеств, но, к сожалению, не теми, которые нам подходят. Мы ничего не можем поделать.

В результате в апреле 1813 года, в самый разгар занятий, странный воспитанник коллежа был увезен домой в Тур. Через месяц ему исполнилось четырнадцать лет.

* * *

Состояние ребенка испугало родственников. Сестра Лора нашла его «исхудалым, тщедушным, будто впавшим в оцепенение». Обожавшая Бальзака бабушка даже горестно воскликнула:

— Вот в каком виде возвращаются к нам из коллежа красивые и здоровые дети, которых мы туда посылаем!

Вид Бальзака в то время С. Цвейг описывает следующим образом:

> «Четырнадцатилетний подросток, собственно говоря, впервые в жизни вступает под отчий кров. Родители, которые в прошедшие годы видели его только во время мимолетных посещений и которым он казался чем-то вроде дальнего родственника, поняли вдруг, что он совершенно преобразился — и внешне и внутренне. Вместо толстощекого добродушного крепыша в отчий дом вернулся измученный монастырской муштрой, щуплый, нервозный отрок с широко раскрытыми

испуганными глазами, как у человека, испытавшего нечто чудовищное и непередаваемое».

Однако, заметив, что перемена обстановки, свежий воздух и общение с родными начали возвращать мальчику живость, свойственную его сверстникам, все вскоре успокоились. Суровой матери же веселость и разговорчивость сына даже стала казаться чрезмерной.

И все-таки какое это удивительное и сильное впечатление — вновь вернуться в родную семью после шестилетнего отсутствия! И на людей, и на вещи смотришь новыми глазами.

* * *

Тем временем у Бернар-Франсуа Бальзака начались серьезные неприятности. Его друг генерал Померёль был смещен со своего поста. Бернар-Франсуа, лишившись покровителя, тоже вскоре подвергся преследованиям со стороны нового префекта, барона де Ламбера. Его обвинили в злоупотреблениях, допущенных при надзоре за больницами.

Хотя ничего не было доказано, обстановка вокруг главы семьи Бальзак накалилась, однако Бернар-Франсуа ни при каких обстоятельствах старался не утрачивать хорошего расположения духа. Втайне же он предпринимал кое-какие меры, чтобы покинуть Тур. Как говорится, от греха подальше…

Молчаливый и насмешливый от природы, Оноре внимательно наблюдал за домашними.

Бабуля — так внуки называли бабушку Салламбье — была полна жизни, но постоянно жаловалась на недомогание, чаще всего без всякой причины. То у нее болела голова, то неровно билось сердце. Понятно, что этим она старалась привлечь к себе внимание дочери. Но напрасно, суровая и надменная Шарлотта-Лора Бальзак по-прежнему не проявляла к близким никакой нежности, строжайшим образом следуя заведенным когда-то правилам.

Старшая сестра Лора здорово подросла. Девочку нельзя было назвать красивой, но она пленяла блеском своих живых глаз, милым выражением лица, трепетом жизни во всем существе. Лоранс, которую старшие дети называли толстушкой Лорансо или миледи Плумпудинг, была очень естественна и непосредственна. Младшего же брата Анри он вообще видел впервые в жизни, и тот ему страшно не понравился.

Биограф Бальзака П. Сиприо[5] пишет:

> «Младшего брата все холили и лелеяли, прощая, как бы несносно он себя ни вел. Старшему брату так и хотелось его прибить».

Под «всеми» П. Сиприо подразумевает, конечно же, не Бернар-Франсуа Бальзака, вряд ли он «холил и лелеял» ребенка, рожденного его женой от постороннего мужчины. Все восторги и нежности шли от матери, ибо мальчик напоминал ей о Жан-Франсуа де Маргонне, которого Шарлотта-Лора так любила и, без сомнения, продолжала любить. Никто просто не осмеливался перечить этой женщине.

Но как лекарство не достигает своей цели, если доза слишком велика, так и любовь матери, когда она переходит всякую меру справедливости. Человека вообще надо баловать не чаще одного раз в месяц, иначе это войдет в привычку. Тут Шарлотта-Лора явно «переборщила»: из любимого Анри вырастет сущий бездельник, которого отправят за океан и который возвратится из Индии без гроша в кармане и с женой, старше его на пятнадцать лет. Он умрет в нищете в военном госпитале на одном из островков Коморского архипелага.

Это даст повод Бальзаку в 1849 году ехидно написать матери:

> «Богу и тебе известно, что с момента моего появления на свет ты не осыпала меня ни ласками, ни нежными заботами. Ты поступила правильно. Если бы ты меня любила так же сильно, как любила Анри, я бы разделил его участь. В этом смысле ты была мне хорошей матерью».

В родительском доме Оноре поместили на самом верхнем этаже, он донашивал все ту же скромную одежду, в которой приехал из коллежа. Сестра Лора впоследствии писала:

> «Наша матушка считала труд основой всякого воспитания и, как никто, дорожила временем; вот почему она следила, чтобы у ее сына ни одна минута не пропадала даром».

Сначала по ее настоянию Бальзака отправили в Париж, где он несколько месяцев был пансионером учебного заведения Безлена и Ганзера, потом она вернула его в Тур, опасаясь, что войска союзников могут войти в столицу. Действительно, наступил 1814 год, близился конец Наполеоновской империи, и в провинциальном Туре явно было спокойнее, чем в столице.

С марта по июль 1814 года Оноре жил у родителей, брал

частные уроки и даже сделал заметные успехи в латыни.

* * *

В пятнадцатилетнем возрасте, в июле 1814 года, Оноре был зачислен экстерном в Турский коллеж, чтобы заново пройти курс предпоследнего класса.

Но и там, по словам А. Моруа, Бальзаку было плохо:

> «В Турском коллеже, как и в Вандомском, мальчик страдал от нелепого скопидомства матери, которая была расточительна в крупных тратах, но расчетлива в мелочах. Его товарищи лакомились чудесной свининой, которую приносили из дому, а юный Оноре грыз сухой хлеб. „Тебе что, есть нечего?“ — насмешливо спрашивали товарищи. Даже много времени спустя один из них продолжал называть его „бедняга Бальзак“. Глубоко задетый и униженный, мальчик давал себе клятву в один прекрасный день ослепить их своею славой. Но на каком поприще? Этого он еще не знал, однако ощущал в себе нечеловеческую силу».

Однажды он заявил:

— Вот увидите, в один прекрасный день ваш Оноре удивит мир!

На это мать лишь проворчала:

— Ты, должно быть, сам не понимаешь того, что говоришь.

Вместо ответа он лишь улыбнулся, насмешливо и добродушно. Мадам Бальзак сочла это молчаливым протестом, что вывело ее из себя. Ее вообще раздражало постоянное присутствие этого проницательного подростка, который все видел и обо всем имел собственное суждение.

* * *

Между тем Наполеоновская империя пала, во Францию вернулись Бурбоны, а вместе с ними начался новый передел сфер влияния. Теперь Бернар-Франсуа Бальзак стремился как можно скорее покинуть Тур. По счастью, Огюст Думерк, приятель Бернар-Франсуа (он был сыном его первого патрона), сохранил прежнее влияние и добился для него должности интенданта первого военного округа в Париже. И в ноябре 1814 года вся семья, включая бабушку Софи, поселилась в квартале Марэ, этой

колыбели семейства Салламбье, в доме № 40 по улице Тампль.

Когда семья переселилась в Париж, Бальзака определили в пансион Жан-Франсуа Лепитра, который был некогда дружен с Бернар-Франсуа. Теперь месье Лепитр был директором учебного заведения, готовящего подростков к предстоящим экзаменам. Однако и в этом пансионе, где царил роялистский и католический дух, мальчика, жаждущего любви, преследовало ощущение одиночества и заброшенности.

Отец совсем не давал ему денег. Родителей вполне устраивало положение, что их сын одет и напичкан латынью и греческим.

Это заведение А. Моруа описывает так:

> «Учебное заведение Лепитра помещалось в старинном дворянском особняке Жуайез, в доме номер девять по улице Тюренна. Швейцар, „сущий контрабандист“, смотрел сквозь пальцы на самовольные отлучки и поздние возвращения воспитанников и снабжал их запретными книгами; у него всегда можно было выпить кофе с молоком — такой аристократический завтрак был доступен лишь немногим, ибо при Наполеоне колониальные товары стоили очень дорого. Оноре, вечно сидевший без гроша, нередко бывал в долгу у этого человека».

Бальзак и здесь — очевидно, вследствие ставшего привычным для него внутреннего противодействия — не зарекомендовал себя «хорошим учеником». Разгневанные родители перевели его в другое учебное заведение. Но и тут дела пошли не лучше. В латыни он был на тридцать втором месте из имеющихся тридцати пяти. Результат этот все более укреплял мать в мнении, что Оноре — «неудачный ребенок».

* * *

Когда в 1816 году Оноре без всякого блеска закончил курс обучения, он, вернувшись в родительский дом, вновь не обнаружил там никаких перемен.

Отец по-прежнему тщательно следил за своим здоровьем и «душевным спокойствием», а мать «портила себе кровь» по любому поводу или даже без оного. Сестры Лора и Лоранс воспитывались в пансионе для юных девиц, где их обучали английскому языку, игре на фортепьяно и шитью. Лора была первой ученицей в классе. Анри, любимчик матери, менял

пансионы как перчатки, учился из рук вон плохо, но, несмотря на это, «мамаша души в нем не чаяла».

Марэ, как и раньше, оставался одним из самых степенных кварталов Парижа — здесь ложились спать в девять вечера, и улицы рано погружались во тьму. Здесь можно было жить в свое удовольствие, располагая десятью тысячами франков годового дохода. Примерно такой доход и был у семейства Бальзак. По соседству обитали многочисленные друзья, принадлежавшие к средней буржуазии, коммерсанты, еще занимавшиеся торговлей или уже удалившиеся на покой.

Семейство Бальзак поддерживало дружбу с дочерью старика Думерка Жозефиной Деланду, женой генерального поставщика провианта и скота, женщиной весьма обеспеченной и влиятельной. Запомним это имя, эта женщина еще сыграет немаловажную роль в судьбе Бальзака.

А еще был дядюшка Теодор Даблен, старый холостяк, бывший торговец скобяными товарами (на вывеске его лавки был изображен золотой колокол), богатый коллекционер и большой любитель книг.

В одном доме с Бальзаками жили их нотариус, мэтр Виктор Пассе, и старинная приятельница бабушки Салламбье, мадемуазель де Ружмон, женщина острого ума, хорошо помнившая старый режим и лично знавшая Пьер-Огюстена Карона, более известного как Бомарше. Оноре любил слушать ее рассказы о блестящей жизни этого человека.

А. Моруа пишет:

> «Оноре любил этих славных людей. Позднее, как и все художники его времени, он станет высмеивать „буржуа“ и описывать пороки этого класса — своего класса, хотя будет при этом испытывать к ним „глубокую нежность и тайное восхищение“».

Мэтр Пассе выразил согласие взять Оноре к себе в помощники, а позднее сделать его своим преемником. С точки зрения родителей, что могло быть лучше? И тут же на семейном совете, где правила мадам Бальзак, было принято решение незамедлительно приобщить старшего сына к судейскому сословию.

* * *

В результате в семнадцать лет, в ноябре 1816 года, Бальзак без всякого желания со своей стороны поступил в Школу права.

Впрочем, поступил — это не то слово, его туда буквально «запихнули» родители.

Однако С. Цвейг видит в этом определенный парадокс:

> «Это 4 ноября 1816 года, по справедливости, следует назвать концом рабства и зарей свободы юного Бальзака. Он может теперь, как все другие, заниматься без всякого принуждения, а в свободное время предаваться праздности — во всяком случае, использовать это время по собственному усмотрению».

И Бальзак начал использовать это свободное время по собственному усмотрению: он стал посещать лекции в Сорбонне и приступил к занятиям литературой. В то время в Сорбонне читали лекции известные профессора Франсуа Гизо и Виктор Кузен.

А кроме того, любознательный Бальзак часто ходил в Музей естественной истории, где читал лекции знаменитый Жоффруа Сент-Илер, зоолог и специалист в анатомии, участник Египетской экспедиции Наполеона.

Однако родные не желали восторгаться этим и считали, что Оноре не должен иметь свободного времени. Он обязан зарабатывать себе на жизнь.

С. Цвейг пишет:

> «Он должен служить! Не теряя времени, делать карьеру! И, самое главное, не тратить ни единого лишнего су! И вот студент Бальзак вынужден гнуть спину над конторкой у адвоката Гийонне де Мервилля».

Таким образом, юноше пришлось три года проработать у друга семейства Бальзак Жан-Батиста Гийонне де Мервилля: то был превосходный юрист и весьма образованный человек, любивший литературу. Годы ученичества у Гийонне де Мервилля оказались весьма плодотворными для Бальзака. Он изучил судопроизводство, а в апреле 1819 года успешно окончил Школу права и получил степень бакалавра. Но юриспруденция, как мы знаем, не привлекала его, и он объявил родителям, что хочет стать литератором.

* * *

Надо сказать, что 1819 год внес большие перемены в жизнь семейства Бальзак. Граф Дежан, начальник Бернар-Франсуа

Бальзака, неожиданно предложил своему подчиненному, которому исполнилось уже семьдесят три года, подать в отставку. В подобном возрасте такие предложения не обсуждаются, но размер выделенной ему пенсии (всего 1695 франков в год) буквально «нокаутировал» человека, привыкшего одного только официального жалованья получать в пять раз больше.

Итак, доходы семьи сильно уменьшились, и продолжать жизнь зажиточных буржуа в квартале Марэ стало невозможно. У Бальзаков были свои представления о достоинстве, и они не желали ронять себя в глазах соседей. Уж лучше поселиться где-нибудь за городом, сказав всем, что на свете нет ничего полезнее свежего воздуха. Да и жилье, провизия и слуги — все там будет стоить не так дорого, как в столице.

А раз так, семья переселилась в небольшой городок Вильпаризи, что в двадцати трех километрах от Парижа.

Городок этот насчитывал примерно пятьсот жителей. Побеленные известью дома без особых украшений вытянулись вдоль главной улицы, которая была частью шоссе Париж — Мец. Отсюда в разных направлениях уходили дилижансы. Тут же — несколько зеленых скамеек и стайки местных старушек, как воробьи на жердочках. Типичная провинциальная идиллия…

В числе местных знаменитостей были: граф Жан-Луи д'Орвиллье, весьма скромный «замок» которого стоял против дома Бальзаков, Габриэль де Берни с семьей (парижане, приезжавшие сюда только на лето) и какой-то полковник в отставке.

Двухэтажный дом Бальзаков имел пять окон по фасаду и увенчивался мансардой. В саду, не испытывавшем недостатка влаги, так густо разрослись кусты, что за ними не видно было плодовых деревьев и огорода. На втором этаже были три отапливаемые комнаты, где жили бабушка Софи, мадам Бальзак и Лора. Лоранс спала в кабинете, расположенном рядом с комнатой Лоры.

Когда Оноре приезжал домой, его помещали в мансарде.

Обитатели Вильпаризи радушно встретили своих новых живописных соседей, самым колоритным из которых был глава семейства.

А. Моруа описывает его жизнь в новых условиях следующим образом:

> «Бернар-Франсуа все еще одевался по моде времен Директории, обладал завидным здоровьем, ужинал в пять часов вечера, причем меню его состояло главным образом из фруктов (один из пресловутых рецептов

долголетия!), а спать ложился с курами. Его комнату украшал книжный шкаф, ключ от которого он всегда носил при себе; выйдя на пенсию, старик целыми днями читал».

Казалось, по крайней мере внешне, что он абсолютно счастлив. А ведь выход на пенсию для человека очень часто является кризисным событием, стрессом. Многие при этом испытывают растерянность, обиду, чувство недооцененности своих заслуг. Возможно, Бернар-Франсуа Бальзак тоже считал так же, но не таким он был человеком, чтобы показывать это окружающим.

* * *

Итак, отец целыми днями читал, но когда сын заявил, что хочет стать литератором, он вдруг воспротивился. В отношении сына у Бернар-Франсуа были совсем иные планы. С его точки зрения, было бы гораздо уместнее все же стать помощником нотариуса месье Пассе, а когда мэтр состарится и умрет, унаследовать его контору и тем самым упрочить пошатнувшееся благосостояние семьи. При этом следовало бы жениться (разумеется, не на бесприданнице) и нарожать кучу детей, старший из которых унаследовал бы потом дело отца.

Можно сколько угодно иронизировать на эту тему, но для недавних обитателей квартала Марэ успех в жизни выглядел именно так: сын-нотариус, прочно стоящий на ногах, плюс дочери, выданные замуж за молодых выпускников Политехнического училища, а если повезет, то и за дворян.

Но в ответ на это в груди юного Бальзака вдруг вспыхнуло годами подавляемое пламя мятежа. В один прекрасный день он взял и оставил «перспективную» работу у мэтра Пассе. Как говорится, окончательно и бесповоротно.

Причина подобного поступка может быть только одна: он сыт по горло этим своим существованием. В результате он впервые в жизни поступил наперекор воле родителей и объявил им, что не желает быть ни адвокатом, ни нотариусом, ни судьей. Он вообще не намерен быть каким бы то ни было чиновником! Он решил стать писателем, ибо только это занятие может принести ему материальную независимость и славу.

И чего это вдруг подобная мысль пришла ему в голову? Возможно, все дело в том, что он слишком много читал, а отец слишком увлекательно рассказывал ему о головокружительной

карьере Бомарше.

Но одно дело — благосклонно относиться к изящной словесности и держать в книжном шкафу творения классиков, и совсем другое дело — самому заниматься литературой и пытаться этим составить себе состояние.

Бернар-Франсуа Бальзак говорил сыну:

— Каждый знает, что писатели, за редкими исключениями, которых можно по пальцам пересчитать, живут впроголодь и вообще — голодранцы. Нанизывать на строки слова в уединенной тиши кабинета — это роскошь, которую может себе позволить благородный человек, но делать это профессией — это странность, если не сказать сумасшествие.

С отцом Бальзака трудно не согласиться — во все времена писательство было делом весьма сомнительным. Но при этом во все времена находились люди, которые бросались в этот омут и не могли уже выбраться оттуда. Его сын еще не видел своего имени на обложке свеженапечатанной книги, но вирус писательства, который отделяет автора от так называемых «остальных» и побуждает его совершать бессмысленные с точки зрения нормальных людей поступки, уже мощно прогрессировал в его мозгах.

Глава вторая. Гений с мансарды

Я был жертвой чрезмерного честолюбия, я полагал, что рожден для великих дел, — и прозябал в ничтожестве…

Бальзак. Шагреневая кожа

В августе 1819 года Бальзак поселился в Париже в маленькой мансарде на улице Ледигьер с четко оформившимся желанием стать писателем. О реакции на это его родителей догадаться нетрудно: неожиданное заявление двадцатилетнего юноши, что он хочет стать человеком творческой профессии, а отнюдь не юристом, — это было как гром среди ясного неба.

Сын решил отказаться от надежной и благопристойной карьеры? Конечно, это его право. В двадцать лет человек уже может принимать серьезные решения. Но ради чего? Ради такого сомнительного ремесла, как сочинительство? Но где тут гарантии? Где уверенность в стабильном доходе? С этой точки зрения, заниматься литературой — это то же самое, что бегать нагишом среди пчелиных ульев. Тут может быть лишь одна гарантия — гарантия того, что тебя покусают. Отец даже сказал Бальзаку, что по сравнению с писательством игра на скачках — более солидное и надежное в финансовом плане занятие. А тем, о чем мечтает он, могут себе позволить заниматься только всякие там графы и виконты типа месье де Шатобриана или месье де Ламартина.

Сам Бальзак думал иначе. Для себя он твердо решил, что согласится выйти на работу в нотариальную или адвокатскую контору лишь в том случае, если обнаружится, что у него совершенно нет таланта к сочинительству.

Пока мать возмущалась, поддерживаемая дядюшкой Дабленом, бывшим торговцем скобяными товарами, который, по словам А. Моруа, «слыл оракулом в своем кругу, где его считали образцом просвещенного человека, обладавшего тонким вкусом», отец, человек жесткий и решительный, заявил:

— Коль скоро наш сын утверждает, что у него есть литературный талант, пусть докажет это на деле.

— Каким же это, интересно, образом? — удивились все остальные родственники.

— А вот каким: дадим ему возможность попробовать свои силы. Срок — два года, ни днем больше. Такого срока вполне

достаточно, чтобы понять, что это: ответственное решение мужчины или обыкновенная мальчишеская блажь.

С. Цвейг по этому поводу пишет:

> «После жестоких и затяжных сражений, сражений, продолжающихся с утра до ночи, стороны приходят к весьма деловому компромиссу. Под великий эксперимент подводится солидная база. Пусть Оноре поступает как хочет — ему будет дана возможность стать великим, прославленным писателем. Как он этого добьется — это уж его дело. Семейство, со своей стороны, принимает участие в этом ненадежном деле, вкладывая в него определенный капитал. Во всяком случае, в течение двух лет оно готово субсидировать в высшей степени сомнительный талант Оноре, за который, к сожалению, никто не может поручиться. Если в течение этих двух лет Оноре не станет великим и знаменитым писателем, то он должен будет вернуться в нотариальную контору, иначе семейство снимает с себя всякую ответственность за его будущность».

Между отцом и сыном тут же был заключен письменный договор, в котором были четко прописаны размеры необходимого Бальзаку прожиточного минимума, сын обязывался серьезно трудиться, а отец — выдавать ему вплоть до осени 1821 года 120 франков в месяц, или 4 франка в день. С. Цвейг очень образно называет эту сумму «субсидией на конкистадорский поход в бессмертие».

Оноре де Бальзак в молодости

А. Моруа не может скрыть своего восхищения решением отца Бальзака:

> «Такое предложение свидетельствовало о великодушии. Сумма эта составляла немалую часть доходов семьи, и ее выделяли молодому человеку не для продолжения занятий, суливших ему надежное положение в обществе, а для того чтобы он писал драмы или романы».

С другой стороны, сумма эта была не такой уж и большой. Аренда убогой каморки в мансарде на улице Ледигьер, дом № 9, стоила 60 франков в год, или 5 франков в месяц. Кроме того, ежедневно нужно было платить 3 су за масло для лампы, 2 су —

за прачку и 2 су — за уголь. Это равнялось еще примерно 10–11 франкам в месяц. Остальное можно было тратить на себя: на еду, на одежду, на писательские принадлежности и т. д. В результате выходило так, что Бальзак вообще не завтракал, а на обед ограничивался лишь чашкой молока, в которое он макал сухари, стоившие намного дешевле свежего хлеба. Ни о каких предметах «роскоши», типа зеркала или зонтика, начинающему писателю и мечтать не приходилось.

Конечно, жилье на улице Ледигьер было типичной конурой, которая у любого нормального человека могла вызвать лишь отвращение к писательскому ремеслу, не способному обеспечить что-либо более приличное. Может быть, на этом и строился расчет родителей Бальзака: мальчик помыкается какое-то время, поймет, что погорячился, и вернется домой? Может быть, его дурацкий выбор будущей профессии сам собой пройдет, как мимолетный каприз? Может быть, он раскается в своей глупости, и тогда никто и не узнает об этой его нелепой эскападе, которая, если вдуматься, может лишь повредить его доброму имени и распугать потенциальных клиентов?

Но Бальзак, как ни странно, даже в таких условиях чувствовал себя счастливым. Теперь он жил сам по себе, своей собственной жизнью, был сам себе хозяином, мог работать по своему усмотрению, а главное — он мог вволю заниматься любимым делом. О своей жизни на улице Ледигьер он впоследствии написал:

> «Не могло быть ничего более омерзительного, чем эта мансарда с желтыми грязными стенами, пропахшими нищетой… Крутой скат косого потолка… Сквозь расшатанную черепицу просвечивало небо… Я не припомню, чтобы за этот долгий период работы я хоть раз прошелся по мосту Искусств или же купил у водовоза воды: я ходил за ней по утрам к фонтану на площади Сен-Мишель. В течение первых десяти месяцев моего монашеского одиночества я пребывал так — в бедности и уединении; я был одновременно своим господином и слугой, я жил с неописуемой страстью жизнью Диогена».

Сами родители стыдились признаться своим друзьям, что их сын живет в Париже в подобных условиях и «ничего не делает». Поэтому было решено говорить всем, будто Оноре по причине слабого здоровья живет на юге у одного из своих кузенов. Поэтому он должен был поменьше показываться на людях и выходить на улицу только после того, как стемнеет. Связь между молодым человеком и Вильпаризи поручили поддерживать

дядюшке Даблену. Тот, по словам А. Моруа, «изредка поднимался на шестой этаж с тем, чтобы надавать своему юному другу кучу советов, сообщить о том, что происходит в недоступном ему мире, и рекомендовать его вниманию обитателей третьего этажа, у которых была прехорошенькая дочка».

Этот период жизни Бальзака его биограф П. Сиприо характеризует следующим образом:

> «В сущности, он не был создан для той жизни, какую вел. Будучи гурманом, вынужденно ограничивал себя в еде; он любил бродить по городу, но был прикован к креслу; обожал сюрпризы, но из месяца в месяц жизнь его текла, словно река по плоской равнине; зная толк в приятной беседе, он ни с кем не встречался».

* * *

С сестрой Бальзака Лорой все обстояло значительно проще: ей было почти двадцать лет, родители мечтали выдать ее замуж «за приличного человека», и сама она мечтала о том же. Но где в захолустном Вильпаризи было найти достойного мужа?

К счастью, в октябре 1819 года она познакомилась с неким инженером месье Сюрвиллем, занимавшимся неподалеку строительством канала на реке Урк.

Эжен Сюрвилль родился в 1790 году в Руане. Он был внебрачным ребенком провинциальной актрисы Катрин Аллен, взявшей себе в театре псевдоним Сюрвилль и дебютировавшей с ним в 1785 году. Его отец, Эжен-Огюст Миди де ля Гренере, не признал мальчика своим ребенком. Однако в феврале 1791 года богатый руанец Луи-Эмманюэль Миди д'Анде заявил, что младенец является сыном его умершего брата, Эжен-Огюста Миди де ля Гренере. В акте, составленном тремя нотариусами, указывалось:

> «Желая обеспечить будущее ребенка и принимая во внимание трудности, с которыми сталкивается мадемуазель Аллен при воспитании сына, а также стремясь возместить ущерб, каковой могло ей причинить знакомство с месье Миди де ля Гренере, месье Миди д'Анде посредством дарственной записи назначает годовую ренту в тысячу двести ливров побочному сыну своего брата и незамужней матери ребенка».

После этого некий руанский журналист Жан Мильсан,

сожитель мадемуазель Сюрвилль, назначенный решением окружного суда в Руане опекуном маленького Эжена, ходатайствовал о том, чтобы мальчику разрешили носить имя отца, и добился, чтобы в метрическое свидетельство ребенка внесли соответствующую поправку. В результате маленький Эжен был признан «побочным сыном покойного Эжен-Огюста Миди де ля Гренере, имеющим право в качестве такового считаться наследником своего отца».

Однако юный Эжен продолжал называть себя Сюрвиллем, под этим именем он и был принят в 1808 году в Политехническое училище. На вступительных экзаменах он был одним из лучших. В 1810 году способный юноша поступил в Императорское училище по строительству мостов и дорог, потом в качестве лейтенанта инженерных войск участвовал в кампании 1814 года. В 1817 году Сюрвилль был направлен на строительство обводного канала на реке Урк и выбрал Вильпаризи местом своего жительства. Там-то он и познакомился с красавицей Лорой.

Поначалу Лора посчитала Сюрвилля слишком мелкой для себя сошкой. Она писала:

> «В ту пору я еще жила в царстве мечты: вдруг я в один прекрасный день разбогатею, вдруг я выйду замуж за лорда, вдруг, вдруг, вдруг!»

На Новый год он явился с шампанским и конфетами, но все напрасно. Его банальные подарки были встречены достаточно холодно. Однако, узнав об «аристократическом происхождении» поклонника, Лора смягчилась, а вскоре и вовсе увлеклась, взглянув на молодого человека совсем другими глазами. Лора Миди де ля Гренере-Сюрвилль — звучало очень пристойно.

Имя, пожизненная рента, диплом инженера — нет, такими женихами не бросаются! К тому же в провинциальном Вильпаризи.

18 мая 1820 года Лора вышла замуж за Эжен-Огюста Миди де ля Гренере-Сюрвилля. Венчание происходило в Париже в церкви Сен-Мерри в присутствии всего клана Бальзаков — Салламбье. В брачном контракте мать жениха была названа «Катрин Аллен-Сюрвилль, супруга покойного Миди де ля Гренере, ныне его вдова»; свидетелем со стороны жениха выступал его опекун Жан Мильсан, названный «литератором».

А. Моруа вынужден констатировать:

> «Приличия были соблюдены, и Эжен-Огюста Миди де ля Гренере-Сюрвилля можно было считать лицом, вполне подходящим для роли зятя. Лицом? Да,

разумеется. Личностью он был менее выдающейся».

Что имел в виду знаменитый писатель? Да хотя бы то, что вскоре выяснилось, что он, в общем-то, вполне заурядный инженеришка, и жалованье у него соответственное — всего 260 франков в месяц. Это было гораздо меньше того, на что рассчитывала честолюбивая Лора.

* * *

А тем временем Бальзак занимался тем, чтобы хоть как-то приспособить свое унылое пристанище для жизни и для работы. Не имея денег на рабочих, он собственноручно побелил потолок, оклеил обоями обшарпанные стены. Чтобы укрыться от сквозняка, проникавшего в окно и дверь, он смастерил некое подобие ширмы из плотной синей бумаги, купленной за шесть су. Посреди комнаты он поставил небольшое бюро, покрытое коричневым сафьяном, и кресло, в дальнем углу за дверью расположил кровать. Деревянная балка, поддерживавшая матрас, была сломана, и он скрепил ее веревкой. Потом он сходил в библиотеку и принес оттуда несколько книг. Их некуда было поставить, и он положил книги на пол (потом он об них постоянно спотыкался). Купленную писчую бумагу он разложил аккуратными стопками на бюро.

С. Цвейг, описывая этот период его жизни, не может скрыть иронии:

> «Потом он очиняет самым педантичным образом перья, покупает свечу, подсвечником для которой служит пустая бутылка, запасается маслом для лампы — она должна стать ночным солнцем в беспредельной пустыне его трудов. Теперь все готово. Недостает только одной, правда довольно важной, мелочи, а именно: будущий писатель еще не имеет ни малейшего представления о том, что, собственно, станет он сочинять. Поразительное решение — забраться в берлогу и не покидать ее, прежде чем шедевр будет завершен, Бальзак принял совершенно инстинктивно. Теперь, когда он должен приступить к делу, у него нет никакого определенного плана, или, вернее, он хватается за сотни неясных и расплывчатых прожектов. Ему двадцать один год, и у него нет ни малейшего представления о том, кем, собственно, он является и кем хочет стать — философом, поэтом, сочинителем романов, драматургом или ученым мужем.

> Он только ощущает в себе силу, не ведая, на что ее направить».

В надежде найти хоть какую-то зацепку Бальзак начал лихорадочно перелистывать свои заметки. Все это были какие-то фрагменты, ни одна тема не была закончена, ни одна мысль не казалась ему достойным трамплином «для прыжка в бессмертие». На одной тетрадке было написано: «Заметки о бессмертии души». Бред какой-то… Конспекты времен коллежа тоже не содержали в себе ровным счетом ничего, кроме каких-то имен и дурацких рисунков на полях. Про «Инку, короля злополучного, несчастного» не хотелось и вспоминать.

Но время шло, и с чего-то все же нужно было начинать. Но с чего? Понятно, что даже самое хорошее начало ничего не значит без достойного завершения, но сейчас речь шла о том, что и с началом у Бальзака наблюдались проблемы, причем немалые. От этих мыслей с каждым днем, с каждой минутой он становился все менее уверенным в себе.

В отчаянии он начал листать принесенные из библиотеки книги: отчасти чтобы отыскать там подходящий сюжет, отчасти — чтобы «заразиться» духом какого-либо писателя, его техникой, манерой изложения и подачи материала.

С. Цвейг рассказывает:

> «Юный Оноре то и дело достает и лихорадочно просматривает десятки книжек из „кабинета для чтения“. Полцарства за сюжет!»

Сам Бальзак в одном из писем сестре Лоре так описывал свою жизнь:

> «Я только и делал, что изучал чужие творения и шлифовал свой слог, пока мне не показалось, что я теряю рассудок».

А еще он писал ей:

> «Кребийон успокаивает меня, Вольтер — приводит в ужас, Корнель — восхищает, Расин — заставляет бросить перо».

Сравнивать себя с великими опасно, это может отбить всякую охоту чем-либо заниматься. С другой стороны, правильно говорят: ставь перед собой цель покрупнее — не промахнешься.

Примерно два месяца ушли у Бальзака на тщетные поиски и

опыты. Писать философский трактат было глупо — это трудно и вряд ли принесет большой доход. Рассказ? Но это слишком мелко и вряд ли заинтересует издателя. Сочинить роман? Но юный Бальзак чувствовал, что для этого он еще недостаточно опытен. Оставалась драма, что-то такое душещипательное, само собой разумеется, в стихах и на историческую тему. Во-первых, это было модно; во-вторых, не нужно было самому придумывать сюжет: история сама выдавала такие сюжеты, какие не придумал бы ни один, даже самый талантливый автор.

Итак, выбор сделан.

6 сентября 1819 года Бальзак сообщил сестре Лоре:

> «Я остановил свой выбор на „Кромвеле“. Он мне представляется самым прекрасным лицом новой истории. С тех пор как я облюбовал и обдумал этот сюжет, я отдался ему до потери рассудка. Тьма идей осаждает меня, но меня постоянно задерживает моя неспособность к стихосложению…
>
> Трепещи, милая сестрица: мне нужно, по крайней мере, еще от семи до восьми месяцев, чтобы переложить пьесу в стихи, чтобы воплотить мои замыслы и затем чтобы отшлифовать их…
>
> Главные мысли уже на бумаге; там и сям разбросаны несколько стихов, но я семь или восемь раз до основания изгрызу ногти, прежде чем мне удастся воздвигнуть свой первый монумент. Ах, если бы ты только знала, как трудно создавать подобные произведения! Достаточно тебе сказать, что великий Расин два года шлифовал свою „Федру“, предмет зависти всех поэтов! Ты только подумай: два года, целых два года!»

Образ полководца Оливера Кромвеля, выдающегося деятеля английской революции XVII века, очаровал Бальзака. Король Карл I из династии Стюартов безраздельно правил в своей стране, но вот в Шотландии вспыхнуло восстание, Карл бежал из Лондона, власть в стране захватил парламент, началась гражданская война. Армию восставших возглавил Кромвель. Карл попал в плен и принял все требования победителей. Кромвель въехал в Лондон как триумфатор и захватил власть в стране. Суд приговорил короля Карла к смертной казни. Как это все походило на то, что совсем недавно происходило во Франции!

Кстати сказать, образ Кромвеля привлекал в те годы не только юного Бальзака. Через несколько лет (в 1827 году) драму «Кромвель» напишет Виктор Гюго, и предисловие к ней станет литературным манифестом французских романтиков.

Ну что ж, тема выбрана, но это лишь полдела. Теперь все это нужно еще грамотно изложить на бумаге. Бальзак как-то признался сестре:

«Если у меня нет гениальности, я погиб».

Этим он не оставлял себе путей к отступлению. Для себя он вывел такую формулу: талант на одну треть состоит из чутья, на одну треть — из ясности ума, на одну треть — из силы воли. Нужно быть гениальным, следовательно, он должен им быть. Бальзак поставил перед собой цель, а теперь бросил в дело всю свою непреодолимую волю. А там, где действует эта воля, сопротивление бесполезно. Бальзак знал: он обязательно завершит своего «Кромвеля», потому что он хочет его завершить и потому что он должен его завершить. В письмах сестре он словно убеждал самого себя:

> «Я решил довести „Кромвеля“ до конца во что бы то ни стало! Я должен что-то завершить, прежде чем явится мама и потребует у меня отчета в моем времяпрепровождении».

И Бальзак бросился за работу с яростью одержимого. День и ночь сидел он за письменным столом, по несколько дней вообще не покидал свою мансарду, спускаясь вниз лишь затем, чтобы купить себе хлеба, немного фруктов и обязательного свежего кофе, так чудесно подстегивавшего его утомленный организм. Наступила зима, но и холод не заставил Бальзака сдаться. Укутав ноги в старый шерстяной плед, он продолжал работать. Он лишь попросил у матери связать ему шерстяной колпак, но та ему его так и не сделала. Тогда, чтобы не мерзнуть, он стал целый день оставаться в прогретой телом постели, продолжая сочинять свою трагедию и лежа записывая наиболее удачные мысли.

А. Моруа, всегда с уважением относившийся к поставленной цели и предостерегавший от потерь драгоценного времени, пишет:

> «Труд писателя вовсе не казался ему легким. Оноре делает любопытные статистические подсчеты. В трагедии должно быть две тысячи стихов; стало быть, потребуется от восьми до десяти тысяч усилий мысли».

Ничего себе — десять тысяч усилий мысли! Если на каждое тратить хотя бы по пять минут, это получится 833 часа, или 35 дней непрерывных усилий мысли. А ведь от одной лишь мысли об

этом уже можно было сойти с ума. Но ничто не могло сломить волю Бальзака. Он работал день и ночь. Собственно, ему было безразлично — день сейчас или ночь. Эх, если бы еще масло для лампы не стоило так дорого! Он отказывал себе во всем, не ходил по ресторанам и кофейням, не позволял себе ни малейшей разрядки после чудовищного напряжения. Лишь когда уставали глаза, добровольный отшельник с улицы Ледигьер разрешал себе прилечь на кровать, но даже закрыв глаза, он продолжал думать о Кромвеле.

Труд писателя — это каждодневная каторга. Если хочешь добиться многого, тут нельзя допускать расхлябанности. С другой стороны, это как наркотик. Тот, кто отведал его, уже никогда не сможет добровольно оставить это занятие. И как тут избежать шараханья: от блаженства самого процесса работы до полного отчаяния, чувства ненужности всего, что тебе так дорого, и собственной бездарности? А потом обратно. И так по несколько раз в день. Как на качелях: туда — сюда, туда — сюда…

Бальзак писал и писал. «Кромвель» должен был быть завершен в самое ближайшее время.

А. Моруа констатирует:

> «Оноре похудел, побледнел, глаза у него ввалились, отросла борода, и вид был такой, точно он вышел из больницы или играет роль в мелодраме. Он страдал от сильной зубной боли, но лечиться не хотел, заявляя, что „волки никогда не обращаются к дантистам, и люди должны следовать их примеру“».

«А хватит ли у меня таланта?» Эта мысль неотступно преследовала Бальзака. Работу необходимо было закончить, и он закончит ее, в этом он не сомневался, но достаточно ли у него способностей, чтобы сделать работу хорошо? Не окажется ли все это сизифовым трудом? Ведь литературное ремесло — это не питье хорошего бордосского вина и не курение сигары: здесь важен не только процесс, но и результат. Это не хобби, не собирание бабочек и не разведение цветов на подоконнике. Неуспех в литературе равносилен полному поражению.

В одном из писем к сестре Лоре, единственному человеку, с кем он имел возможность советоваться, он заклинал ее не вводить его в заблуждение, не расточать из чувства сострадания незаслуженных похвал:

> «Заклинаю тебя твоей сестринской любовью, никогда не убеждай меня, что мое произведение хорошо! Указывай мне только на недостатки. Похвалы оставь при

себе».

Контуры «Кромвеля» начали с грехом пополам вырисовываться. Полный и подробный план трагедии был послан сестре в ноябре 1819 года. К нему прилагалась записка:

> «Проникнитесь почтением, мадам: к вам обращается Софокл. Милая сестра, по тем маленьким, очаровательным, забавным планам, которые рождаются в твоей маленькой, очаровательной, забавной головке, можешь судить сама, какого труда требуют театральные сочинения, где обязательно соблюдать три единства, где недопустимо неправдоподобие и так далее и тому подобное… Если тебя осенят какие-нибудь счастливые мысли, сообщи их мне. Но пусть они будут прекрасны, мне нужно только возвышенное. Я хочу, чтобы моя трагедия сделалась настольной книгой королей и народов, я хочу начать с шедевра или же свернуть себе шею».

Чем ближе к завершению был «Кромвель», тем мучительнее становился для Бальзака вопрос, чем окажется его стихотворная драма — шедевром или пустышкой?

По этому поводу С. Цвейг сожалеет:

> «Но, увы, у бальзаковского „Кромвеля“ нет особых надежд оказаться шедевром. Не знающий своего внутреннего пути, не ведомый опытной рукою, неофит избрал ложный путь. Не могло быть ничего, столь несоответствующего строптивому таланту двадцатилетнего юнца, еще не знающего света и условностей сцены, чем сочинение трагедии, а тем более трагедии в стихах».

Но юный Бальзак этого не знал, и к январю 1820 года его «Кромвель» в общих чертах был готов, а в апреле молодой человек появился в родительском доме — с рукописью в чемоданчике и с намерением огласить ее. Настало время решить сакраментальный вопрос: обрел мир нового гения или нет?

Семейство ожидало своего отпрыска с нескрываемым любопытством и нетерпением.

Финансовое положение семьи за это время несколько улучшилось, и в доме воцарилось более благодушное настроение, чем раньше. Связано это было с тем, что Лора, любимая сестра Оноре, как мы уже знаем, вышла замуж за месье де Сюрвилля.

Несомненно, на всех произвело впечатление и то неожиданное обстоятельство, что Оноре выполнил свое обязательство и при этом не задолжал ни единого су. Что бы за этим ни последовало, это доказывало, что юноша обладал характером и незаурядной силой воли.

С. Цвейг пишет:

> «Готовая рукопись в две тысячи стихов! Уже одно количество исписанной бумаги свидетельствует о том, что он нисколько не лентяйничал, что не пустая блажь заставила кандидата в нотариусы пренебречь солидной карьерой».

Чтению, которое должно было показать, является ли Бальзак настоящим писателем, был придан характер семейного торжества. Гостиная была торжественно убрана. В креслах восседали исполненные ожидания Бальзак-отец, многоопытный потомок крестьян из Ля-Нугейрье, суровая мать, бабушка Софи Салламбье, сестра Лора со своим молодым супругом, восемнадцатилетняя сестра Лоранс и двенадцатилетний брат Анри.

По словам С. Цвейга, перед этой не слишком компетентной аудиторией за маленьким столиком сидел, «нервно листая рукопись своими белыми руками, на сей раз, в виде исключения, вымытый и принаряженный, новоиспеченный автор — тощий юнец двадцати одного года, с могучей, „гениально“ отброшенной назад гривой». Текст Бальзак знал наизусть, и его маленькие черные глаза с некоторым беспокойством посматривали то на одного, то на другого, то на всех сразу. Мать сидела поджав губы и явно была настроена против всего, что бы она ни услышала. Бабуля ласково улыбалась, сестры уставились в пол, а брат Анри, улучив момент, показал ему язык. Заметно робея, Оноре начал чтение: «Акт первый, сцена первая…»

Собравшиеся, конечно же, не были идеальными критиками зачитанного им произведения и не смогли толком ничего сказать, поэтому Эжен Сюрвилль, муж Лоры, предложил показать «Кромвеля» своему знакомому профессору Франсуа-Гийому Андриё, преподававшему литературу в Политехнической школе и самостоятельно сочинявшему незамысловатые комедии. Чтобы услышать авторитетное суждение, мадам Бальзак с дочерью совершили паломничество в Париж и вручили аккуратно переписанную Лорой пьесу польщенному «специалисту», который охотно позволил себе напомнить, что он, собственно, сам является неплохим литератором и, уж во всяком случае, имеет право судить о качестве работы других.

После первого же прочтения профессор Андриё объявил произведение Бальзака практически безнадежным. На письменном столе лежал листок с его замечаниями, навеянными чтением «Кромвеля». Лора незаметно завладела этим листком и передала его брату. Там содержалось достаточно суровое суждение о его литературном таланте:

> «Мне не хотелось бы отбить у Вашего сына охоту писать, но полагаю, что он с большей пользой мог бы употребить свое время, нежели на писание трагедий и комедий. Если он сделает мне честь и посетит меня, я сообщу ему, как, по моему мнению, следует изучать изящную литературу и какие преимущества можно извлечь из нее, не делаясь профессиональным поэтом».

Бальзак мужественно встретил этот приговор, он не дрогнул, не склонил головы, ибо не считал себя побежденным.

— Просто трагедия — не моя стихия, вот и все, — гордо объявил он.

Несмотря на провал своего «Кромвеля», он чувствовал себя «поэтом по призванию», и некий таинственный инстинкт подсказывал ему, что труд, к которому он имел склонность, слишком всепоглощающ и безмерен, чтобы заниматься им «не делаясь профессиональным поэтом», то есть после основной работы в какой-нибудь нотариальной конторе. Своей сестре он сказал:

— Лора, пойми, если я поступлю на должность, как того требуют родители, я пропал. Я стану приказчиком, машиной, цирковой лошадкой, которая делает свои тридцать-сорок кругов по манежу, пьет, жрет и спит в установленные часы. Я стану самым заурядным человеком. Разве это называется жизнью?

В принципе, Лора была согласна с братом, но возражали отец и мать. Тогда Бальзак заявил, что обговоренный «контрактом» его двухлетний испытательный срок еще не миновал, что у него есть еще больше года в запасе и он хочет использовать оставшееся время. А затем, непреклонный и неумолимый, с еще большей решимостью, чем прежде, он вернулся в свое добровольное заточение на улице Ледигьер.

* * *

Итак, с «Кромвелем» было покончено. Но время еще оставалось, и Бальзак решил написать что-нибудь получше. Скорее за работу! Впрочем, сокрушительный удар, полученный от

какого-то там месье Андриё, все же несколько охладил его тщеславие.

Настроение Бальзака в это время С. Цвейг характеризует так:

> «Двадцатилетний юноша хотел одним махом завоевать славу, честь и свободу. Теперь для поверженного драматурга творчество имеет, прежде всего, практический смысл. Только бы не возвращаться в зависимость от родителей. Шедевры и бессмертие временно сняты с повестки дня. Прежде всего, литературным трудом заработать деньги, деньги, во что бы то ни стало. Только бы не кланяться отцу, матери и бабке за каждое су, словно за неслыханное благодеяние».

Теперь Бальзак решил написать нечто, способное принести быстрый и громкий успех. А чем его всегда можно было добиться в выбранной им области? Только романом, романом, полным приключений, потрясающих, возбуждающих, погружающих читателя то в бездны ужасов, то в море чувственности. Публика во все времена любила романы, щекочущие нервы, яркие, авантюрные, экзотические. О чем? Совершенно не важно! Главное, чтобы было побольше непорочных дев и безжалостных пиратов, реками лились кровь и слезы, а подлые измены чередовались с проявлениями мужественного благородства. Бальзак был уверен, что из подобного крутого теста несложно испечь пирог, который, если его еще и помазать сверху леденящим душу кремом из призраков и кошмаров, вполне мог бы привлечь многочисленных читателей.

Взять хотя бы англичанку миссис Энн Рэдклифф. Вот уж кто сумел сколотить на этом приличный капиталец. В те времена, наряду с бывшим священником Чарльзом Мэтьюреном, она считалась основательницей жанра так называемого «черного» романа. Ее «коктейли» из тайн и ужасов, насыщенные экзотикой, фантастикой, призраками и вампирами, роковыми страстями и загадочными преступлениями, были в большой моде. Все они были переведены на французский язык, и Бальзак в ранний период своего творчества просто не мог пройти мимо выработанных ею формул и штампов.

А ведь ее рецепт не представлял собой ничего особенно сложного. К известным готическим атрибутам, любимым предшественниками, миссис Рэдклифф добавляла детали, способствовавшие созданию у читателей ощущения безмерного ужаса. Несколько мрачных деталей типа цепочки кровавых следов на лестнице в старинном замке или глухих стонов из подземелья — и очередное «произведение» готово. Писала миссис Рэдклифф

быстро, широкими и яркими мазками, никогда не вдаваясь в мелкие детали, ее романы изобиловали неточностями в географии и истории, полным отсутствием логики, но читателям было все равно. Они жаждали ужасов, и они их получали. Одни названия ее романов говорили сами за себя: «Тайны замка Удольфо», «Сицилийские тайны» и т. п.

Конечно, благородные рыцари Вальтера Скотта и меланхолические паши и корсары лорда Байрона стояли на более высокой ступени литературного искусства, но зарабатывала в пересчете на единицу потраченного времени миссис Рэдклифф явно больше их.

А еще были забавные романы Пиго-Лебрена, и они тоже пользовались бешеным успехом. А взять, например, Дюкре-Домениля: его роман «Дитя тайны» был продан тиражом в несколько тысяч экземпляров. В те времена это считалось великолепным результатом, ведь первый тираж обычно составлял 800–1000 экземпляров, и за них автор мог получить до 1000 франков. Эх, как не помешала бы в тот момент Бальзаку такая вот тысяча…

Вот что пишет по этому поводу А. Моруа:

> «Ненасытная публика жадно поглощала все это чтиво, а также множество занятных романов Пиго-Лебрена и Поля де Кока. Целая когорта издателей-книгопродавцев, обосновавшихся в Пале-Рояле и в квартале Марэ, искала авторов. Плодовитость ценили больше таланта. Великую тень Байрона использовали как прикрытие для беспардонной торговли».

Поль-Шарль де Кок (плодовитый романист, комедиограф, писавший романы со сложной, запутанной интригой, по определению Белинского, «не поэт, не художник, но талантливый рассказчик, даровитый сказочник»), автор легких романов Гийом Пиго-Лебрен — кто сейчас вспомнит об их существовании? А ведь в свое время их имена гремели так, что им завидовали только начинающие свой литературный путь Бальзак и Гюго. От творчества того же Пиго-Лебрена до наших дней дошел лишь один афоризм, который звучит так: «Те, кто хвалит женщин, знают их недостаточно, те же, кто их ругает, не знают их вовсе». Смешно… А ведь этот человек написал несколько десятков романов, которыми в свое время зачитывалась вся Франция. Да уж, если кому-то и написано на роду стать знаменитым, то судить об этом следует только после его смерти.

Поразмыслив, Бальзак решил создать роман а-ля Рэдклифф и тут же приступил к делу. Первым таким «произведением»,

вышедшим из-под его пера, стал роман «Фальтурна». Ниже мы приведем содержание пары романов, написанных Бальзаком в это время, чтобы стало понятно, до какой же степени это была ерунда. Действие романа «Фальтурна» происходило в Неаполе. В этом романе Бальзак воплотил «магическую силу» в образе необыкновенно красивой девушки громадного роста, наделенной сверхчеловеческими возможностями. Роман якобы сочинил итальянец, некий аббат Савонатти, чей возвышенный образ был навеян Бальзаку произведениями Вальтера Скотта и Рабле; его переводчиком значился некий месье Матрикант, школьный учитель. Савонатти, рыцарь духа, противопоставлялся Матриканту, своего рода Санчо Панса, охотнику до благ мирских. Эти Савонатти и Матрикант как бы олицетворяли две стороны натуры самого Бальзака.

К сентябрю 1820 года им был вчерне набросан и второй роман «Стенио, или Философские заблуждения». Это уже было нечто в стиле Руссо. Завязка романа была такова: Жакоб дель Риес, двадцатилетний юноша, после долгих странствий возвращался в город Тур, где жила подруга его детских лет, его молочная сестра Стенио де Формозан. Повествование начиналось мужественным поступком героя: Жакоб вытаскивал из Луары двух тонущих кузенов Стенио. Затем выяснялось, что во время отсутствия Жакоба родители выдали Стенио замуж за вандейца де Планкси. Узнав об этом, Жакоб едва не умер от горя, но пришел в себя в объятиях Стенио. Увы, она больше не была свободна. Молодые люди совершили романтическую прогулку, но об этом узнал де Планкси, и это привело к скандалу. Дальше все было очень навороченно и брутально (тут уж Бальзак особо постарался): молодая женщина в отчаянии, возлюбленный непоколебим, а ненавистный муж груб и циничен. В результате Стенио все же говорит Жакобу «нет» (эта тема потерянного Рая особенно удалась Бальзаку). После этого Жакоб начал писать Стенио и своему близкому другу философские письма, где высказывались сомнения в существовании Бога, велись рассуждения о природе сновидений и о том, что мысль материальна. Как писал А. Моруа, «Стенио» для Бальзака — это была:

> «попытка испробовать силы в жанре, который его привлекает, в романе, насыщенном философскими мыслями. Но автору не хватило опыта и мастерства, чтобы добиться решения трудной задачи — сплавить воедино романтический сюжет и умозрительные рассуждения».

Следует признать, что «Стенио» чуть-чуть не хватило до того, чтобы стать хорошей книгой (значительно позже частью этой рукописи Бальзак воспользуется для того, чтобы залатать прорехи в сюжете другого романа). Но пока это не принесло ему ровным счетом никаких результатов.

Хождения по издательствам оказались бесполезными: одни редакторы, заваленные работой, даже отказывались разговаривать с ним, другие — полные спеси — подолгу поучали, что и как нужно писать, а один господин, даже не взглянув на рукописи, заявил:

— Очень похвально, молодой человек. Весьма, весьма… Весомо! Но, к сожалению, это все немного не то.

Он явно считал себя красавцем и находил в своей фигуре что-то общее с Наполеоном. Бальзак присмотрелся: фрак на нем серый, руку важно держит за жилетом, булавочка шейного платка — с Наполеоном, перстень — с Наполеоном, табакерка на столе — с Наполеоном.

— Что же не то? — осмелился переспросить «Наполеона» Бальзак.

— Ну, постарайтесь придумать что-нибудь розово-черное, но, как бы это получше выразиться… пожелтее, что ли. Да, именно пожелтее! Ну, вы меня понимаете?

Бальзак так и не понял, что этот тип имел в виду, но на всякий случай согласно кивнул головой. В карманах было пусто, а времени на дальнейшие попытки больше не оставалось.

* * *

15 ноября 1820 года родители Бальзака объявили, что с 1 января следующего года они отказываются оплачивать мансарду на улице Ледигьер. Все! Надо было возвращаться в Вильпаризи. Конец сочинительству! Здравствуй, обывательское прозябание! Здравствуй, солидная и благопристойная (с точки зрения родителей) служба!

Об отчаянии Бальзака и о том, что вдруг произошло потом, С. Цвейг рассказывает следующее:

> «Самому зарабатывать, обрести свободу, независимость — именно за это и сражался Бальзак с яростью отчаяния, сражался не на жизнь, а на смерть. Именно ради этого он и гнул спину в годы своего добровольного отшельничества на улице Ледигьер. Он экономил на всем, на чем только мог, он голодал, не

щадил себя, писал до полного изнеможения, влачил поистине жалкое существование. И все напрасно! Если никакое чудо не спасет его в последнюю минуту, он вынужден будет снова поступить на опостылевшую службу.

Именно в подобные мгновения трагической безысходности и отчаяния искуситель, как повелось в легендах, предстает перед отчаявшимся, дабы купить у него душу. Искуситель в данном конкретном случае совсем не похож на дьявола — он воплотился в образе обаятельного и вежливого молодого человека, на нем отлично скроенные панталоны и ослепительное белье, и, конечно, он пришел вовсе не по Бальзакову душу, он хочет купить только его творческую энергию».

Они познакомились то ли у какого-то издателя, которому Бальзак предлагал свои романы, то ли в библиотеке. Помимо приятной внешности, этот искуситель обладал еще и весьма благозвучной фамилией — его звали Огюст Лепуатвен, но он именовал себя Ле Пуатвен де Легревилль. Он был на восемь лет старше Бальзака и от отца — довольно популярного актера — унаследовал потрясающую расторопность. Недостаток литературного таланта он компенсировал тончайшим знанием капризов света. Каким-то чудом ему удалось найти издателя для своего романа «Два Гектора, или Две бретонские семьи». Но роман этот еще предстояло написать, а издатель уже заплатил ему за работу приличный аванс и теперь ждал от него шедевра размером аж в два тома.

Должно быть, Бальзак пожаловался новоявленному другу на невезение с собственными книгами, и де Легревилль объяснил ему, что истинная причина этого невезения заключается в избытке писательской гордости.

— Не думаете же вы, в самом деле, что книги служат распространению просвещения и развитию вкуса у публики? — рассмеялся он.

— Вообще-то, я именно так всегда и думал, — ответил Бальзак.

— Заблуждение, типичное заблуждение! Я не раз размышлял об этом, и вот к чему я пришел: книги имеют разную ценность для человека, смотря по тому, пользуется ли ими низменная душа или душа возвышенная. Общепринятые или так называемые популярные книги — это всегда зловонные книги. Запах маленьких людей переносится на них, ведь там, где толпа ест и пьет, там обыкновенно воняет. Так стоит ли терзаться муками

совести ради какого-то одного-единственного романа? Ведь роман можно набросать и без особых усилий. Нужно только придумать или, на худой конец, найти где-нибудь сюжет, например какую-нибудь историческую штуковину, на которую издатели теперь особенно падки.

— Но ведь роман еще нужно написать, — возразил ему Бальзак.

— Подумаешь, всего каких-то несколько сот страниц! — воскликнул де Легревилль. — Кстати, проще всего это делать вдвоем! У меня как раз есть издатель. Если вы не против, мы могли бы сочинить этот роман вместе. И следующий тоже. А еще лучше — давайте набросаем вместе какую-нибудь дурацкую фабулу, а уж напишете вы все сами. Я же возьму на себя посредничество.

Бальзак не знал, что и ответить.

— Итак, заметано, — ударил его по плечу де Легревилль, — будем работать компаньонами на паритетных началах!

С. Цвейг — известный писатель — по этому поводу восклицает:

> «Какое унизительное предложение! Стряпать бульварные романы точно установленного объема и к точно указанному сроку, да притом еще с абсолютно лишенным щепетильности, явно беззастенчивым партнером — это ли грезилось только вчера „новому Софоклу“?»

В принципе, со С. Цвейгом нельзя не согласиться. Наплевать на свой талант, на свою мечту, и все это ради нескольких сотен франков! Разве не мечтал Бальзак еще вчера обессмертить свое имя? Совесть художника — вот что пытался выкупить у него проклятый искуситель за свои презренные деньги. Но у молодого человека не было иного выбора. Возвращаться в Вильпаризи было категорически нельзя. Это значило бы признать свое полное поражение. Если он сделает это, так ничего и не заработав, родители никогда не предоставят ему новой возможности проявить себя. И это будет катастрофа! Нет, никогда! Лучше самому вертеть свой жернов (пусть пока и не тот, о котором он мечтал), чем всю оставшуюся жизнь надрываться на чужой мельнице. Итак, Бальзак принял решение.

А. Моруа — тоже очень известный писатель — пытается оправдать Бальзака:

> «Для молодого Бальзака, который высоко занесся в своих честолюбивых мечтах, подобное занятие было

шагом назад, но какой молодой человек, сидевший без гроша, мог отказаться от предложений, суливших верный заработок?»

В подготовке следующего романа, названного «Шарль Пуантель, или Незаконнорожденный кузен», Бальзак уже принимал участие в качестве негласного автора текста. За дальнейшую же судьбу «произведения» полностью отвечал де Легревилль. Для себя компаньоны выбрали два весьма странных псевдонима — некое подобие фабричной марки: «де Вьеллергле» и «лорд Р'Оон»[6].

Итак, Бальзак продал свой талант, свое литературное честолюбие, свое имя. Парадоксально, но факт: чтобы остаться свободным, он вынужден был стать литературным «негром», безымянным рабом, пишущим исключительно за деньги.

Временно он переехал в Вильпаризи и поселился в прежней комнате своей сестры Лоры, опустевшей после ее замужества. Но он твердо решил, во что бы то ни стало и как можно скорее, добиться возможности снять на собственные деньги свою собственную квартиру.

Он трудился дни и ночи напролет, поскольку недостатка в заказах теперь у него не было, благодаря стараниям неутомимого проныры де Легревилля.

С. Цвейг констатирует:

«Родители-буржуа с удовлетворением наблюдают за этим неожиданным превращением. С тех пор как они увидели первые контракты — восемьсот франков за труды дебютанта, а затем быстрый взлет до двух тысяч франков на кампанию, — они находят занятие Оноре уж не столь абсурдным. Быть может, этот шалопай станет, наконец, на ноги и не будет вечно сидеть у них на шее? Отца радует, прежде всего, то обстоятельство, что его первенец, по-видимому, отказался от мысли стать великим писателем и, комбинируя всяческие псевдонимы, не опозорит теперь доброго буржуазного имени Бальзаков».

— Еще есть время, — потирал руки Бальзак-отец, — и я надеюсь, что из мальчика выйдет толк.

Мать и сестры играли у писателя роли критикесс и помощниц.

Надо отдать должное Бальзаку, он работал как каторжный. Двадцать, тридцать, сорок страниц, целая глава в день — это была его средняя норма. И что интересно, чем больше он начал

зарабатывать, тем ему больше хотелось заработать. С. Цвейг характеризует это так:

> «Он пишет так, словно бежит из острога, задыхаясь, с разрывающимися легкими, только бы не возвращаться в постылую семейную неволю. Он трудится с таким дьявольским неистовством, что приводит в испуг даже свою мать».

В то время, когда Бальзак работал на Лепуатвена, у того на побегушках состоял десяток молодых людей, к которым он обращался не иначе как «болваны». Он наспех обучил их кое-каким приемам написания романов, выработанным им самим и отвечавшим, как он считал, духу времени. Он любил повторять:

— Только факты, никаких подробностей. Необходимо сразу вызвать интерес. Что же касается стиля, то на него никто не обращает внимания. Что же касается каких-то мыслей или идей, то их вообще быть не должно. Это перегружает читателя, развивает в нем комплекс неполноценности. И не нужно, пожалуйста, никаких точных дат, фамилий, местного колорита — это все лишнее.

Бальзак ни на что не обращал внимания, все его силы — и душевные, и физические — были брошены в эту фабрику по производству романов. День — и чернильница пуста, неделя — и роман почти готов. Его работоспособность в это время перешла в некую одержимость, не ведающую усталости и сомнений, и это навсегда останется с ним, повергая в изумление всех его сотоварищей по ремеслу.

Лепуатвен обладал исключительным коммерческим чутьем, и недостатка в заказах не было. Подобная работа поначалу даже забавляла Бальзака, который считал то, что он вынужден был делать, определенным трюкачеством. Шесть романов в год — невелика проблема!

Отлично понимая его, А. Труайя пишет:

> «Цифра эта не кажется ему чрезмерной, он чувствует в себе силы придумать и написать под псевдонимом полдюжины „отбросов“ в ожидании возможности выпустить под собственным именем роман, которым будет гордиться».

В том же 1821 году Бальзаком были написаны романы «Бирагская наследница» (история некоего Дона Раго, бывшего настоятеля Бенедиктинского монастыря) и «Жан-Луи, или Найденная дочь».

15 августа 1821 года он писал своей сестре Лоре:

> «Я надеюсь разбогатеть при помощи этих романов. Какое падение! Почему у меня нет полутора тысяч франков ренты, чтобы я мог работать достойным образом! Но нужно все же стать независимым, и для этого у меня есть только этот отвратительный способ».

* * *

1 сентября 1821 года вышла замуж и вторая сестра Бальзака. Девятнадцатилетней девушке так и не дали времени, чтобы полностью расцвести и сделать собственный выбор.

Жениха ей выбрал отец. Его полное имя было Арман-Дезире-Мишо Сен-Пьер де Монзэгль. Он был на пятнадцать лет старше Лоранс, но все решила его дворянская частица «де» — главная мечта жизни Бернар-Франсуа Бальзака. Монзэгль действительно принадлежал к дворянскому роду, хотя и не очень древнему: его предки некогда владели в Вильпаризи замком и несколькими фермами. Правда, сейчас они Монзэглям уже давно не принадлежали, однако Бернар-Франсуа был знаком с отцом жениха (тот тоже когда-то работал в Интендантском ведомстве), и этого ему показалось достаточно. Сам Арман «трудился» в Париже в Управлении по взиманию городских пошлин. Слово «трудился» поставлено в кавычки не случайно, ибо он не особенно себя там утруждал, предпочитая всевозможные светские развлечения. Но ни в чем позорящем он уличен не был. А раз не пойман, значит — не вор. Ну и слава богу, чего желать лучшего? Не принца же на белом коне, в самом деле, дожидаться?

А. Труайя по этому поводу пишет:

> «Уверенный, что ставит на хорошую лошадь, Бернар-Франсуа старался не обращать внимания на слухи, будто долгожданный зять весь в долгах, любит игорные и публичные дома».

Бальзак, которого страшно раздражала самоуверенность Монзэгля, прозванного им Трубадуром, с иронией описывал его так:

> «Наш герой сочиняет стихи, он необычайно меткий стрелок и на охоте двадцатью выстрелами убивает двадцать шесть штук дичи… Он превосходно играет на бильярде; он вальсирует, он стреляет, он охотится, он

правит лошадьми, он… он… он…»

Лоранс согласилась на такое замужество без особой радости. Да и Трубадур ее явно не любил. На женитьбе настаивал его отец, чтобы этим хоть как-то его остепенить и показать, кто в доме хозяин.

Короче говоря, жених представлял собой весьма жалкое зрелище. Единственное, что мог дать Бальзакам брак с ним, так это принадлежность к дворянству. А. Моруа по этому поводу не может удержаться от каламбура:

> «Бернар-Франсуа торопился закончить дело, боясь, как бы этот „орел“[7] Монзэгль не нашел себе более выгодной партии».

Согласно брачному контракту, Бальзаки дали за дочерью приданое в 30 000 франков, и на следующий год у них уже был внук, которого «орел» назвал претенциозным именем Альфред.

Глава третья. Мадам де Берни

Мадам де Берни стала для меня настоящим Божеством. Она была одновременно матерью, подругой, семьей, другом, советчицей. Она создала писателя; она утешала молодого человека; она плакала, как сестра; она смеялась, она являлась каждый день, точно благодатная дремота, и усыпляла все горести.

Из письма Бальзака Эвелине Ганской

В середине 1821 года в жизни Бальзака впервые появляется имя мадам де Берни.

Ей в то время было сорок четыре года, и она была соседкой семейства Бальзак — Салламбье в Вильпаризи. Строго говоря, супругам де Берни принадлежали два дома в Вильпаризи: один — непосредственно рядом с домом, где жили Бальзаки (его сдавали одному отставному полковнику), другой дом, купленный графом де Берни в 1815 году, кстати сказать, у разорившихся Монзэглей, был расположен на краю городка, поэтому его жильцов и стали называть «дамы с околицы».

Этот дом отличался от остальных домов Вильпаризи. Он был красиво украшен и богато обставлен, а перед ним находилась ровная песчаная площадка, окаймленная апельсиновыми и гранатовыми деревьями в кадках.

Бернар-Франсуа Бальзак давно знал графа Габриэля де Берни, отпрыска древнего дворянского рода и советника Королевского суда (а еще раньше — Императорского суда). Оба семейства жили по соседству еще в парижском квартале Марэ, но там де Берни относились к Бальзакам с некоторой снисходительностью, а Бальзаки к де Берни — с известной почтительностью и осторожностью. Еще бы, де Берни имели полное право на вожделенную дворянскую частицу «де» и занимали более высокое положение в обществе.

Во времена якобинской диктатуры, 8 апреля 1793 года, Габриэль де Берни женился на мадемуазель Гиннер, дочери арфиста, выходца из Германии, и Луизы де Лаборд, камеристки Марии-Антуанетты. Крестным отцом этой девушки, родившейся 23 мая 1777 года, был сам Людовик XVI, а крестной матерью —

королева. Поэтому девочку нарекли Луиза-Антуанетта-Лора. Это звучало пышно, но в обиходе ее звали просто Антуанеттой.

Будучи ребенком, она жила среди придворных и на всю жизнь сохранила изящество и благородство манер. После смерти музыканта Йозефа Гиннера — он умер на тридцатом году жизни — его вдова вторично вышла замуж, на этот раз за генерала-роялиста шевалье де Жарже, одного из приверженцев Марии-Антуанетты, который позднее пытался устроить ее побег из заключения в башне зловещей тюрьмы Тампль.

В обстановке надвигавшихся трагических событий в 1793 году Антуанетту Гиннер, которой исполнилось всего шестнадцать лет, спешно выдали замуж за графа де Берни.

Новобрачные почти тотчас же были арестованы, и лишь падение якобинцев с Робеспьером во главе спасло им жизнь. В 1799 году Габриэль де Берни поступил на службу в ведомство по снабжению армии провиантом (тогда-то он и сделался коллегой отца Бальзака). В 1800 году он стал столоначальником в одном из отделений министерства внутренних дел, а в 1811 году — советником парижского суда.

У супружеской четы было девять детей, двое из них — сын и дочь — умерли. В семье многое не ладилось. Габриэля де Берни мучили недуги, и в пятьдесят лет он казался настоящим стариком. Сварливый, желчный, вечно ворчащий по любому поводу, он с каждым днем все хуже и хуже видел и предоставлял жене право полновластно распоряжаться поместьем, которое она кроила и перекраивала по своему усмотрению; однако муж постоянно попрекал ее, донимал сетованиями и срывал на ней свой гнев.

Объяснялось все это просто: прошлое супругов было омрачено одной весьма прискорбной историей. С 1800-го по 1805 год граф и его жена жили раздельно. В ту пору Антуанетта де Берни страстно влюбилась в одного корсиканца по имени Андре Кампи, и результатом этой связи стало рождение дочери Жюли. Лишь когда ужасный Кампи исчез из их жизни, супруги помирились, внебрачную дочь признали (она стала носить фамилию Кампи), но Габриэль де Берни так до конца и не простил свою жену.

В Вильпаризи, где Бальзак провел вторую половину 1821 года и почти всю зиму 1822 года, он часто встречал мадам де Берни и ее дочерей.

«Барышни в белых платьях и их родители в черном» присутствовали на деревенских праздниках, были они и на крещении ребенка Луизы Бруэ, кухарки Бальзаков. «Дамы с околицы» играли в Вильпаризи роль владетельных особ, и не

обратить на них внимания было невозможно.

* * *

Потом Бальзак начал регулярно посещать дом мадам де Берни, где он стал давать уроки ее младшим дочерям. Постепенно молодой человек привык к ее обществу, привязался к ней, она же не упускала случая, чтобы похвалить его способности. Незаметно Бальзаку стало все больше и больше хотеться ей понравиться, завоевать ее благосклонность. И хотя успех казался ему недостижимым, он, сам того не заметив, вдруг заболел, и это оказалось болезнью любви, самой необъяснимой и неизлечимой из всех болезней.

Мать сразу догадалась, что ее Оноре влюблен, ведь у мадам де Берни была прелестная дочурка по имени Эммануэль. Она и правда была очень хороша собой. Даже двадцать лет спустя Бальзак помнил о ней и характеризовал ее так:

> «Она была изумительной красоты, настоящий индийский цветок!»

Мадам Бальзак была счастлива. Семейство де Берни занимало гораздо более высокое положение в свете и было очень состоятельным. Не то что какие-то там Монзэгли. Женившись на Эммануэль, ее Оноре немедленно занял бы видное положение в обществе. Что еще нужно матери, чтобы считать, что жизнь прожита не зря…

Но все оказалось совсем не так, как думала мадам Бальзак. Вот что пишет об этом С. Цвейг:

> «Но несчастье матери Бальзака в том и заключалось, что, хотя она на свой ограниченно-мещанский лад всегда честно заботилась о процветании сына, она и понятия не имела о том, что творится у него в душе. И на этот раз она попала пальцем в небо. Дело вовсе не в очаровательной юной девушке, а в матери, вернее говоря, ведь старшая дочь уже замужем, в бабушке».

То, что женщина сорока пяти лет, родившая девять человек детей, способна возбудить страсть в ее сыне, — мадам Бальзак вряд ли могла бы увидеть такое даже в самом кошмарном сне.

Как же подобное могло произойти? А. Моруа уверен, что никакого злого умысла со стороны мадам де Берни здесь не было:

> «Не то чтобы она этого хотела. Она не скрывала, что ей сорок пять лет, что она уже бабушка, и, разумеется, не собиралась соблазнять двадцатидвухлетнего юношу. Очень насмешливая, даже язвительная, мадам де Берни весело подтрунивала над манерами Оноре, над его хвастливостью и честолюбивыми помыслами. Но при этом она признавала в нем незаурядный ум, редкостный дар импровизации и пылкую натуру, что полностью искупало все недостатки. Юноша рассказывал ей о своем детстве, когда он был совершенно заброшен матерью, и мадам де Берни внимательно слушала „горячую исповедь молодого человека, чьи раны все еще кровоточили“. Со своей стороны он не уставал расспрашивать о ее придворной жизни при старом режиме».

Конечно, она прилагала определенные усилия, чтобы за счет туалетов и косметики восполнить прелести, утрачиваемые женщиной, когда ей уже далеко «за сорок». Впрочем, утратила она не так уж и много. В любом случае Бальзак, которому не с кем еще было сравнивать, не видел никаких изъянов в ее внешности или характере.

Постепенно он понял, что его безумно тянет к мадам де Берни. Кто-то из биографов Бальзака утверждает, что она «все еще пробуждала желания», кто-то пишет, что «ее миловидное лицо светилось умом и добротою, а кожа на шее и на плечах была как у юной девушки». С. Цвейг придерживается иного мнения:

> «Правда, меланхолическая нежность ее лица, может быть, и не утратила своей притягательности, но тело ее давно уже расползлось, и женственность растворилась в материнстве».

Не слишком ли категоричное суждение? Впрочем, если и так, то не это ли материнское начало, которое Бальзак все свое детство так тщетно искал в собственной матери, и было тем, чего он жаждал и обрел в мадам де Берни? Отрицать подобную причинно-следственную связь невозможно, ибо случай этот достаточно типичный. Но к этому добавлялось и еще одно немаловажное обстоятельство: Бальзак понял, что эта женщина — и только она — может дать то, чего ему так недоставало: уверенность в себе, вкус и знание света.

Какой-то таинственный инстинкт подсказал Бальзаку, что силы, скрытые в нем, нуждаются в руководстве, в управлении, в разумной и любящей руке. Он нуждался в женщине, которая

вселила бы в него мужество и указала бы ему на его ошибки, не стала бы злорадно критиковать, не назвала бы его фантазии чепухой, а, напротив, участливо проникла бы в его душу.

Если такой женщины он не смог найти в родной матери, не беда, он раскроет душу перед чужой женщиной. И эта женщина, почти ровесница его матери, внимательно выслушает его, поможет исправить все его промахи, всю его неуклюжесть и бестактность, но не в строго-повелительной манере, свойственной его матери, а тихо и ненавязчиво. Неужели найдется хоть один человек, который отказался бы от такой перспективы?

А. Труайя отмечает двойственную парадоксальность отношения Бальзака к мадам де Берни:

> «К ней он чувствовал почти сыновнее почтение, но, будучи рядом, терял голову, словно любовник. Хотел раствориться в ее душе и обладать ее телом, прижаться к ней, как это делают дети, ища защиты и утешения, и обладать ею. Возможно ли это?»

* * *

Вообще-то говоря, тяга общаться с женщиной очень быстро переходит в желание, и теперь, когда Бальзак отважился желать, он понял, что влюбился, влюбился внезапно, бесповоротно, еще толком и не зная, что такое любовь. Он хотел любви, и она нашла его. Но всем известно, что для неопытного юноши перейти от мечтаний о любви к реальной попытке завладеть вниманием опытной женщины — это равносильно подвигу.

Каждый день, расставаясь с мадам де Берни, он спрашивал себя: «Сможет ли она полюбить меня? Не напомнит ли ей общение с человеком моих лет о том, как немолода она сама?» С другой стороны, он понимал, что любовь юноши может быть для женщины ее возраста очень лестной победой, поднимающей ее в ее же собственных глазах. Короче говоря, он совсем растерялся и не знал, как себя вести. Он знал лишь одно — она несчастлива. Это было видно невооруженным глазом по тому, как она страдает от вспышек гнева и постоянных придирок своего дряхлеющего мужа.

Она же в условиях, когда муж своим отношением давал понять, что испытывает к ней разве что не отвращение, не могла не бояться одиночества. Она явно скучала, а ее сердце не было занято по-настоящему.

Лора де Берни

Семь лет назад мадам де Берни потеряла сына Луи, который теперь мог бы быть сверстником Бальзака, и это создавало между ними какую-то особую духовную связь. Бальзак же знал, что у нее уже был любовник, и от этого она казалась ему не такой неприступной.

* * *

Наконец, это было в марте 1822 года, Бальзак решился написать мадам де Берни восторженное письмо:

«Знайте же, мадам, что вдали от Вас живет человек, душа которого — какой чудесный дар! — преодолевает расстояния, мчится по неведомым небесным путям и постоянно устремляется к Вам, чтобы, опьяняясь радостью, всегда быть рядом; человек этот с восторгом готов причаститься Вашей жизни, ваших чувств, он то жалеет Вас, то желает и при этом неизменно любит со всею пылкостью и свежестью чувства, которое расцветает лишь в молодости; Вы для него больше, чем друг, больше, чем сестра, Вы для него почти что мать, нет, Вы больше, чем все они; Вы для меня земное божество, к которому я обращаю все свои помыслы и деяния.

В самом деле, я мечтаю о величии и славе только потому, что вижу в них ступеньку, которая приблизит меня к Вам, и, задумывая что-нибудь важное, я всегда делаю это во имя Ваше. Вы даже и не подозреваете о том, что стали для меня поистине ангелом-хранителем. Словом, вообразите себе всю ту нежность, привязанность, ласку, восторженность, которые только может вместить человеческое сердце, они — я в это верю — переполняют мое сердце, когда я думаю о Вас».

Все это было чистой правдой: в юности человек почти всегда верит в то, что он пишет в любовных письмах. Но мадам де Берни лишь продолжала посмеиваться над Бальзаком, над его вздохами, его неуклюжей манерой одеваться и держать себя.

Но он не отступал:

«Что за удовольствие для женщины с возвышенной душою смеяться над несчастным? Чем дальше, тем яснее я вижу, что Вы не любите меня, что Вы меня никогда не полюбите… И упорство мое — сущее безумие. Но все-таки я упорствую».

Она ответила ему, что всегда останется для него женщиной, окруженной своими детьми, что ей уже немало лет, и она ему в матери годится. В самом деле так оно и было: мать Бальзака была даже на год моложе «дамы с околицы».

Мадам де Берни писала, пытаясь ввести чувства Бальзака в рамки обыкновенной дружбы:

«Не говорите мне более о любви, месье Оноре! Когда Вы еще лежали в колыбели и бегали босым по лугу у домика кормилицы, я уже похоронила одного из моих детей и думала, что мир навсегда потерял для меня

яркость красок и прелесть ароматов… Закутавшись в траурную вуаль, не имея сил плакать и кричать (это было вовсе не в моих правилах, и, кроме того, я боялась вызвать приступ разлития желчи у месье де Берни!), знаете, месье, что я делала, кусая в бессилии отчаяния губы? Вспоминала орхидеи и бабочек Бенгалии, садящихся на рукав моих платьев. Что привлекало ко мне их, эти пышные, живые цветы природы? Право, не знаю…

Но тогда, думаю, я еще могла заинтересовать пышностью локонов и румянцем лица, живостью нрава и той неуловимой грацией движений, которую, быть может, всякой женщине придает сознание того, что она любима, пусть и вопреки каким-то скучным светским условностям… Но не сейчас, в возрасте сорока пяти лет, увы, не сейчас».

В ответ на это Бальзак, считая, что, чем больше препятствий, тем почетней победа, писал ей:

«Великий Боже, да будь я женщиной сорока пяти лет, но сохрани я при этом способность возбуждать любовь, я вел бы себя иначе, чем Вы… Я бы отдался во власть своего чувства и постарался вновь обрести наслаждения молодости, ее чистые иллюзии, ее наивные мечты, все ее очаровательные преимущества.

Поверьте, девичьи чары однообразны, и девушка воображает, что все будет сказано лишь только она сбросит одежды, а у женщины зрелой бесчисленное множество чар, и она таит их за тысячью покрывал; словом, любовь ее льстит нашему самолюбию во всех ее проявлениях, а наивная девушка затрагивает лишь одну сторону нашего самолюбия».

Он знал, что ему недостает изящества и отваги, присущих настоящему герою-любовнику, однако продолжал настаивать:

«Я похож на тех юных девиц, которые на вид угловаты, глупы, боязливы, кротки, но под этим внешним покровом таится пламя, и оно способно испепелить очаг, дом, все вокруг».

Как видим, в первых письмах Бальзака уже проглядывалась очень влюбчивая натура. Кроме того, важно отметить и такой факт, на который указывает А. Труайя:

«Уверенный, что имя Антуанетта нисколько не подходит хозяйке дома, молодой человек просит разрешения называть ее Лорой: это имя носят его мать и сестра. Первая для него — воплощение безразличия, вторая — единения сердец. Первая произвела его на свет, вторая разбудила в нем нежность. С третьей он надеется на рай».

Если все, что в жизни Бальзака связано с именем Лора, это случайное стечение обстоятельств, то как тогда объяснить то, что и следующую его женщину тоже будут звать Лорой? Впрочем, об этом мы поговорим позже.

* * *

Если бы не строгий надзор со стороны родственников, Бальзак охотно проводил бы все дни в «доме на околице». Там его принимали довольно любезно, но одной дружбы ему уже было недостаточно; он явно хотел большего.

И вот тому наглядное свидетельство — его очередное письмо мадам де Берни.

«Когда я Вас увидел впервые, чувства мои пришли в волнение. Ваш возраст для меня не существует и, если я вспоминаю, что Вам сорок пять лет, то вижу в этом лишь лишнее доказательство силы моей страсти. Ваши годы, быть может, и делали бы Вас смешной в моих глазах, если бы я не любил Вас, теперь же это, напротив, только сильнее привязывает меня к Вам, чувство мое становится только острее, и то, что кажется странным и противоречит общепринятым взглядам, еще усиливает мою любовь! Один я могу по достоинству оценить Ваше очарование!»

На следующий день после получения этого письма мадам де Берни строго сказала Бальзаку:

— Возможно, вам это покажется странным, но я жду от вас объяснений.

— Каких объяснений? — удивился Бальзак.

— По поводу вашего вчерашнего письма, месье. Что значит ваша фраза о том, что один вы можете по достоинству оценить мое очарование? Что за бестактность?

— Простите, мадам, влюбленный порой делает промахи, но в этом виновата лишь сила его чувств…

— Кто не знал настоящих чувств, тот готов принять за них все, что угодно. И потом, правильно ли я поняла? Вы настаиваете на своем и отвергаете мою дружбу?

— Зачем, мадам, вы требуете от меня признания в том, чего нет и в помине?

— А вы? Зачем вы требуете от меня любви лишь по той причине, что сами питаете любовь ко мне и сказали об этом? Неужели вы думаете, что можете рассчитывать на полную и безраздельную власть над моим сердцем?

— На это я не смею и надеяться…

— Но ваши письма свидетельствуют об обратном! Или вы думаете, что я только и жду вашего признания, чтобы ответить вам тем же?

— Да нет же, мадам…

— Вы нисколько меня не любите, в противном случае вы питали бы ко мне больше уважения. Эх, месье Бальзак, разве так завоевывают сердце женщины? Разве так заслуживают ее любовь?

* * *

Подобные страстные послания он отправлял ей почти каждый день. Оттачивая стиль, он всякий раз писал черновик письма, а то и два и, переписав письмо набело, сохранял эти черновики. Удивительное дело, есть люди, блестяще умеющие выражать свои мысли устно, но для которых написание хотя бы одной страницы текста превращается в пытку, а есть другие — им тяжело выдавить из себя пару фраз, зато, когда они остаются наедине с самими собой, на бумаге их мысли обретают стройность, красоту и логичность. Именно к такой категории людей относился Бальзак. Перед чистым листом бумаги он был королем, а буквы — его послушными солдатами, которые проворно строились в колонны (слова и фразы), и все это войско готово было обрушиться на любого противника и добиться непременной победы.

Лора де Берни все послания своего юного воздыхателя, конечно же, читала, улыбалась, а потом умоляла молодого человека не говорить ей больше о любви. В противном случае она грозила, что перестанет с ним видеться, утверждая, что он выбрал ошибочное направление на столь новом для его сердца пути.

Убитый ее суровостью, Бальзак на это отвечал ей:

«Думаю, я верно понял Ваше письмо. Это — ультиматум. Прощайте, мадам, я в отчаянии, но

предпочитаю муки изгнания танталовым мукам. Вы просили меня больше никогда не писать Вам с такой силой чувства. Что ж, Вы-то ведь не страждете, и потому, думаю, Вам безразлично, что со мной может случиться. Если угодно, считайте, что я Вас никогда не любил! Прощайте».

Разумеется, он и не думал порывать с нею. Да и она сама вряд ли этого хотела. Ведь так сладостно знать, что тебя и в сорок пять лет обожают! Ей и в голову не приходило, что юноша вдруг откажется от нее. Она видела, что он старается побороть свою любовь, и отнюдь не желала надолго оставлять его с подобными мыслями. Будучи опытной женщиной, она прекрасно понимала, что другие легко могли предложить ему утешение, которое он с досады принял бы.

Правда, ее юный поклонник был несколько неуклюж, а родители его выглядели довольно вульгарно. Но что за важность! Те, кого судьба вытащила из грязи, хоть на ходули встанут, чтобы вновь в ней не очутиться, а у нее самой было достаточно вкуса, чтобы угадать: человек, который пишет ей такие письма, весьма далек от посредственности.

И она решила помочь юноше узнать свет и женщин, вдохновить его на более серьезные дела, более достойные его несомненного таланта. Разглядев в нем недюжинные способности, она решила пробудить художника в этом уже впавшем в уныние литературном «негре», и это ее решение стало поворотным пунктом в жизни Бальзака.

Значение этого решения отмечает С. Цвейг:

> «Отныне во всех женщинах Бальзак вновь и вновь будет искать это матерински-оберегающее, нежно-направляющее, жертвенное начало, эту готовность прийти на помощь, которая осчастливила его у первой этой женщины, не требовавшей от него ничего и, напротив, всегда обладавшей временем и силой, чтобы облегчить бремя его труда. Благородство, общественное и духовное, становится для него предварительным условием любви; участие и понимание кажутся ему важнее, чем страсть. Его всегда будут удовлетворять только те женщины, которые превосходят его опытностью и, как это ни странно, возрастом, позволяя ему смотреть на них снизу вверх».

* * *

Итак, оба каждый день делали вид, будто собираются расстаться. На самом же деле их отношения продолжали развиваться. Мадам де Берни не отказывала Бальзаку в надежде когда-нибудь восторжествовать над ней, но и не соглашалась признать, что это уже произошло. При этом Бальзак продолжал писать ей все более и более красивые письма:

> «Как Вы были хороши вчера! Много раз Вы являлись мне в мечтах, блистательная и чарующая, но, признаюсь, вчера Вы превзошли свою соперницу — единственную владычицу моих грез. Правда, на Ваших устах не играла кроткая улыбка, но во всем остальном Вы, как две капли воды, походили на ослепительную красавицу моих сновидений, а ведь я щедро наделял ее божественной прелестью и огорчался, что Вам не дано быть такой. Не говорите мне о своем возрасте, ибо я рассмеюсь Вам в лицо, слова Ваши звучат как дурная шутка, любой сказал бы, что Вам больше тридцати лет не дашь!..
>
> Если бы Вы хотели меня совсем осчастливить, то поздоровались бы со мною так же нежно, как и попрощались».

Некоторое время она еще сопротивлялась, не отваживалась на последний шаг. Лицо ее выражало холодность и высокомерие, но Бальзак понимал, что это все показное, предназначенное для других, а не для него. Иногда на него накатывала прежняя робость, но это никак не отвечало желаниям мадам де Берни, и она начинала подбадривать его. Когда же он уже почти начинал видеть подтверждения своей победы, она снова как бы отталкивала его от себя. Доводы ее при этом выглядели совершенно логичными:

> «Придет день, когда все, даже сама природа повелит Вам покинуть меня. Да и благородно ли взамен своего увядшего сердца принять в дар молодое сердце, полное иллюзий, которые уже не можешь разделять, когда уже не можешь дать счастья, потому что сама не веришь в счастье?»

* * *

Но Бальзак, казалось, не обращал внимания на эти доводы и присылал мадам де Берни записки следующего содержания:

«Ничто не помешает мне быть у садовой ограды в десять часов, и я буду ждать хоть до утра, думая о той, кого я мечтал бы здесь встретить. Так сладостно ждать, даже потеряв надежду».

Свидание! При всей своей неискушенности, Бальзак понимал, что это очень серьезный шаг. Предаваясь приятным предвкушениям, он уже не мог думать ни о чем другом.

И вот долгожданный день настал: как пишет А. Труайя, «смущенная более чем ожидала, мадам де Берни, забыв о всякой осторожности, уступила натиску своего возлюбленного».

Произошло это где-то в начале мая 1822 года, о чем свидетельствует нижеследующее письмо Бальзака:

«О, Лора! Я пишу тебе, а меня окружает молчание ночи, ночи полной тобой, и в душе моей живет воспоминание о твоих страстных поцелуях! О чем еще я могу теперь думать? Ты завладела всеми моими помыслами. Да, отныне моя душа неотделима от твоей, и куда бы ты не пошла, я всегда буду следовать за тобою.

Перед моим взором неотступно стоит волшебное видение, исполненное нежной прелести; я все время вижу нашу скамью. Я ощущаю, как твои милые руки трепетно обнимают меня, а цветы передо мной, хотя они уже и увяли, сохраняют пьянящий аромат.

Ты полна опасений, и тон, которым ты их высказываешь, раздирает мне сердце. Увы, я больше чем когда-либо уверен в том, в чем клялся, ибо поцелуи твои ничего во мне не переменили. Впрочем, нет, я и впрямь переменился: я безумно люблю тебя».

Как видим, здесь он уже обращается к своей возлюбленной на «ты», а это значит, что, как очень верно подметил биограф Бальзака П. Сиприо, «в обороне мадам де Берни была пробита брешь».

По-видимому, «брешь» эта очень скоро была расширена, через нее, как это обычно бывает, осаждавшие войска бросились внутрь осажденной крепости, и она окончательно пала. Мадам де Берни увлеклась сильнее, чем сама думала, и не противилась больше своим чувствам. Во всяком случае, в одном из писем Бальзака уже можно найти такую фразу:

«Думаешь ли ты обо мне так же неотступно, как я думаю о тебе? Любишь ли ты меня так же сильно, как говоришь?»

* * *

Люди, охваченные страстью, становятся неосторожными. Бальзак слишком часто посещал «дам с околицы». В провинциальном Вильпаризи все тайное тут же делалось явным, вот и поведение Бальзака быстро стало предметом всеобщих насмешек. Да и дети мадам де Берни все понимали, обсуждали и осуждали происходящее.

Бальзак по этому поводу писал своей возлюбленной:

> «Любовь моя, думается, нам не следует обманывать себя: острый взгляд юных девиц[8] все разгадал. Ничего определенного я не знаю, но стоит мне только посмотреть на твою Элизу, как она вспыхивает… Что касается Александрины, то в ее глазах можно прочесть презрение и массу других сходных чувств. Жанна уже давно все поняла, и все они относятся к нам с недоброжелательством, которое даже не стараются скрыть».

Мадам де Берни отвечала Бальзаку:

> «Все находят, что ты совсем не умеешь вести себя в обществе, а язык твой подобен бритве. Для того, чтобы хоть как-то унять вспышки гнева и недовольства, превратившиеся в деревне в злые смешки и колючие взгляды, я была вынуждена побывать с визитом у твоей матушки и сказать ей, что, хоть я и слишком к тебе привязана, но в доме моем тебя не сильно-то жалуют, и некоторым домочадцам смешна твоя манера одеваться и говорить, манера держать себя. Я знаю, она теперь пошлет тебе сухое и нравоучительное письмо, в котором будет так мало материнского тепла, что сердце мое заранее обливается кровью и трепещет от боли и обиды за тебя, мой обожаемый. Прости меня за вынужденную ложь в Вильпаризи!
>
> Отчего так получается, дорогой, что, обретая огромное счастье в нашей любви, мы испытываем столько огорчений по вине окружающих?..»

* * *

Надо сказать, что мадам Бальзак, когда наконец начала

догадываться об истинном положении вещей, весьма неодобрительно отозвалась о любовных поползновениях своего сына. Она прекрасно видела, что Оноре влюблен в ее сверстницу, он просто одержим этой любовью и совершенно забросил работу.

У нее мигом созрело решение: надо отправить сына в Байё, в дом к Сюрвиллям.

Что сейчас ответил бы двадцатитрехлетний парень на подобное предложение матери, об этом можно только догадываться. Но Бальзак был существом инфантильным, разве в силах он был воспротивиться? Ведь мать так умела поджимать губы и сверлить его леденящим взглядом своих синих глаз! Вынести это было невозможно. С другой стороны, он был рад увидеться с сестрой и присмотреться к житью-бытью молодоженов. Как ему ни было жаль расставаться со своей возлюбленной, 20 мая он все же уехал. Отец 18 мая 1822 года сопроводил его отъезд следующим письмом дочери:

> «Посылаем Вам Оноре… Каждый день он делает новый шаг к познанию мира… Но ведь в жизни самое главное — здоровье, а вот о здоровье-то он совсем, ну совсем не заботится. Не умеет он об этом беспокоиться. Если и вспоминает изредка, что силы надо беречь (ему настойчиво напоминает об этом дурное самочувствие), то боюсь, что все благие решения он откладывает в долгий ящик».

Мать написала дочери несколько иное письмо, и оно почти полностью было посвящено отношениям сына с мадам де Берни:

> «Оноре не желает понять, как нескромно вот так, дважды в день, ходить к ней в дом. Он не видит того, что происходит у него на глазах. Я хотела бы быть на расстоянии ста миль от Вильпаризи! У него в голове только эта история, и он не понимает, что в один прекрасный день ему наскучит то, чему он предается теперь с таким неистовством».

Мадам де Берни, прощаясь, дала Бальзаку в дорогу флакон туалетной воды, амулет и томик стихов Шенье, который они читали вдвоем; он взял с нее слово, что она каждую неделю будет присылать письмо, «написанное убористым почерком и так, чтобы на бумаге не оставалось пустого места».

* * *

В чудесном нормандском городке Байё сестра Лора встретила Бальзака с восторгом. Конечно, она любила своего мужа, но в Байё она скучала и ничего не могла с этим поделать. Однообразная работа мужа нагоняла на нее тоску. Она мечтала о роскоши, а он — о настоящих больших работах по строительству мостов и каналов.

В Байё Бальзак начал работу над романом «Арденнский викарий», и Лора вызвалась помогать ему. С одной стороны, это говорило о том, что сестра любила брата и готова была ради него на очень многое. С другой стороны, писать она не умела, следовательно, Бальзак был мало озабочен проблемами композиции, стиля и оригинальности содержания своих романов, если без зазрения совести согласился ознакомить сестру с беглым наброском «Арденнского викария» и даже предложил ей самостоятельно написать второй том. Это говорит о том, что и он уже начал искать, нет ли поблизости дешевых рабочих рук, и, сам еще работая «негром» на другого, уже старался присмотреть для себя такого же сотрудника.

Охваченный ликованием после первых полученных гонораров, он хвастал перед сестрой:

— Милая Лора, я тружусь словно лошадь и в этом году надеюсь заработать двадцать тысяч франков. Они послужат основой моего будущего состояния. Сейчас мне нужно очень быстро написать «Арденнского викария» и еще кучу всяких разных вещей.

— Ты молодец, Оноре, — поддерживала его сестра, — я никогда не сомневалась в твоих способностях.

— Вот увидишь, скоро лорд Р'Оон станет самым модным, самым плодовитым и самым любимым писателем во Франции.

— Точно, и тогда плутишка Оноре начнет ездить в дорогой коляске, задирать голову, глядеть на всех свысока и забудет про свою Лору.

— Не говори так, дорогая. Тебя я никогда не забуду, ведь ты так много для меня сделала. Наоборот, представь, все вокруг будут льстиво шептать: «Посмотрите, это брат мадам де Сюрвилль».

Два с небольшим месяца пролетели незаметно, но 9 августа 1822 года Бальзак все же уехал из Байё. Все настоящие дела делались в Париже, и он должен был быть там. После его отъезда Лора писала матери:

> «У нас просто сердце сжимается: мы провели вместе два чудесных месяца. Так непривычно будет больше не видеть милого Оноре, нашего дорогого брата, но, быть

может, мы скоро опять свидимся. Это меня утешает».

* * *

В 1822 году Бальзак заключил свой первый литературный договор на написание романа «Клотильда Люзиньянская, или Красавец еврей». Все еще под псевдонимом, но все же.

У А. Моруа читаем:

> «Сотрудничество с Ле Пуатвеном начинает приносить плоды. Книгопродавец Юбер, чья лавка помещается в деревянных галереях Пале-Рояля, купил у молодых авторов за восемьсот франков роман „Бигарская наследница“… Книга эта, по признанию Бальзака, — сущее литературное свинство. Злодей стремится завладеть наследством; речь идет о семейной тайне, вмешивается нежданный покровитель. Однако образы двух старых вояк, комических персонажей, навеянных Вальтером Скоттом, нарисованы довольно правдиво. Роман, должно быть, неплохо разошелся, потому что за следующий — „Жан-Луи, или Найденная дочь“ — книгоиздатель заплатил уже тысячу двести франков. Публиковать подобные книги было унизительно, но зато как приятно говорить близким: „Я зарабатываю себе на жизнь“. Впрочем, все ли так уж плохо в этих опусах? Силач Жан-Луи походил на Пантагрюэля. А ловкость, с которой Бальзак переплетал нити запутанной интриги, напоминала порою Бомарше. Несмотря на множество нелепостей, живость действия и мастерство рассказчика немало обещали. Подражание готовым образцам помогало рождению нового писателя, который, сам того не подозревая, отмечал свои романы печатью дарования.
>
> Однако постоянная нужда в деньгах вредила его таланту, заставляла работать слишком торопливо. В мыслях Бальзака уже то и дело возникали цифры: „Если я продам за две тысячи франков роман „Клотильда Люзиньянская, или Красавец еврей“, который напишу один, и если я буду публиковать по четыре романа в год, то разбогатею“. Действительно, он зарабатывал бы тогда больше денег, чем получал его отец в Интендантском ведомстве».

Действительно, отец Бальзака получал жалованье в 7800

франков в год, а когда в конце 1820 года он вышел в отставку, ему назначили пенсию в 1695 франков. Чтобы понять, какая это была ничтожная малость, следует знать, что в те времена у очень богатых людей годовой доход составлял 150–300 тысяч франков. Хотя, с другой стороны, по словам П. Сиприо, «жизнеобеспечение крестьян и рабочих поддерживала сумма в 300 франков в год; бюджет их семей был прост: на жилье и топливо шло 100 франков, на хлеб, основной продукт питания — 15, на соль, масло и овощи — 50 франков».

На этом фоне 800–1200 франков за книгу (а их Бальзак мог написать несколько штук в год) — это была весьма солидная сумма. Проблема тут была в другом. Юбер готов был платить деньги лишь после того, как книга будет раскуплена, но «Клотильду Люзиньянскую» — первое опубликованное самостоятельное произведение Бальзака — критика разнесла в пух и прах, поэтому продажи шли не очень бойко.

* * *

30 июля 1822 года Бальзак писал мадам де Берни:

> «Я заблуждался на свой счет; больше того, я заблуждался во всем, что касается моей жизни… Отныне я удовольствуюсь тем, что буду жить в Вашем сердце, если только мне отведено там такое же место, какое Вы занимаете в моем: я стану тешить себя воспоминаниями, иллюзиями, мечтами, стану жить воображаемой жизнью; впрочем, отчасти я уж давно так живу».

Конечно, это был крик отчаяния, истерика молодого человека, у которого не шли дела. Вообще молодость — это горячка рассудка. В ней все делается с поспешностью, а разочарование прилетает быстро, словно на крыльях, но уходит медленно, словно на свинцовых ногах. Мадам де Берни все понимала и старалась, как могла, подбодрить Бальзака. Он же писал ей все более и более упаднические письма:

> «Когда ты — человек заурядный, когда все твое богатство — незлобивая, но бездеятельная натура, ты обязан взглянуть трезвыми глазами. Посредственность не сулит больших радостей, и тот, которому не дано волновать сердца и щедро расточать сокровища, которыми наделяет человека слава, талант и душевное величие, обязан уйти со сцены, ибо не следует

обманывать других. В противном случае, он совершит нравственное мошенничество, подобно плуту, расхваливающему дом, который вот-вот рухнет…

Как я уже говорил Вам, я умру от горя в тот день, когда окончательно пойму, что надежды мои неосуществимы. Хотя до сих пор я еще ничего не сделал, я предвижу, что этот роковой день приближается. Мне предстоит стать жертвой собственного воображения. Вот почему я заклинаю Вас, Лора, не думать обо мне; умоляю, любимая, порвите все нити, связывающие нас!»

Опять обращения на «вы»… Что это? Сомнения влюбленного юноши? Или смутное предчувствие непрочности любви, которую время неизбежно должно было разрушить? Мадам де Берни понимала, что творится с ее любимым, но и ее начали охватывать дурные предчувствия.

* * *

Когда Бальзак оказался в Париже, его перехватил там Шарль-Александр Полле, издатель и книготорговец, и предложил подписать договор на два романа. Речь шла о «Столетнем старце» и «Арденнском викарии», каждая из этих книг должна была выйти тиражом в тысячу экземпляров, за что автор мог получить 2000 франков, из них 600 франков наличными, а остальные — векселями сроком на восемь месяцев. От таких предложений не отказываются.

Бальзака совершенно не испугала необходимость писать два романа одновременно, напротив, ему казалась очень интересной перспектива перескакивать с одного сюжета на другой. Плохо было одно: оба произведения надо было вручить издателю не позднее 1 октября, а это значило, что у Бальзака оставалось всего полтора месяца. Между тем он оставил рукопись «Викария» у сестры в Байё.

14 августа 1822 года он написал Лоре:

«Итак, у нас остается сентябрь месяц для работы над „Викарием“. Боюсь, что каждому из нас невозможно писать по две главы в день, а ведь только в этом случае я получу „Викария“ к 15 сентября; но и тогда у меня будет всего две недели для переделок и исправлений. Посоветуйтесь между собой…

Если у Вас есть хоть капля жалости ко мне, непременно пришлите в срок этого чертова „Викария“, а

коли Вы думаете, что я Вас ввожу в заблуждение, то я пришлю договор, подписанный с Полле: там предусмотрена неустойка, если книга не увидит свет в ноябре по вине автора… Пожалуй, такой нечеловеческий труд тебе не по силам, Лора. Не думаю, что ты можешь писать по шестьдесят страниц романа в день. Впрочем, если справитесь, если Вы мне твердо обещаете прислать рукопись к 15 сентября, — в добрый час! Но если 17 сентября у меня ее еще не будет, то, памятуя о проклятой неустойке, я сам примусь за дело: как Вам известно, написать роман для Полле можно и за месяц».

* * *

Между тем семейство Бальзаков собралось уезжать из Вильпаризи и вновь перебираться в столицу. Там они подыскали себе подходящее жилье на улице Руа-Доре, где молодому писателю была выделена отдельная комната.

Что касается мадам де Берни, то после переезда состояние меланхолии в духе юного Вертера у Бальзака вновь уступило место пылкости чувств. 4 октября 1822 года он написал ей:

«Есть некое величие в том, чтобы скрывать друг от друга силу нашей взаимной любви. Но мы проявим еще больше величия, если сохраним ее.

Предоставляю тебе, дорогая, принять решение. Ныне, как и четыре месяца назад, я вручаю тебе свою судьбу, все свое существо, свою душу и вновь признаюсь, что я много приобрел от тесного общения с тобой».

Как видим, и здесь проявилась инфантильность Бальзака. По сути, он повел себя как настоящий трус, переложив всю ответственность за важное решение на плечи женщины. «Предоставляю тебе, дорогая, принять решение…» — разве так поступают настоящие мужчины?

Глава четвертая. Фабрикапо производству романов

Если бы у меня был кусок хлеба и крыша над головой, я бы принялся за настоящую книгу. Но для этого надо удалиться от света, а я всякую минуту возвращаюсь туда.

Из письма Бальзака Лоре Сюрвилль

В конце 1822 года Бальзак много и упорно работал. Он закончил «Арденнского викария» и «Столетнего старца» для Полле, а заодно и «Ванн-Клора» для издателя Юбера. Мать с восторгом отмечала, что ее сын работает не покладая рук… Он не терял ни одной минуты.

Сюжеты романов были простыми до безобразия. «Арденнский викарий», например, рассказывал о некоей маркизе де Розанн, которая думала, что страстно влюблена в одного викария, молодого аббата де Сент-Андре, а на самом деле это была материнская любовь, ибо викарий оказался ее собственным сыном, родившимся от связи с епископом. Полный бред! Сюжет «Столетнего старца» не далеко ушел: старик Беренгельд заключил договор с Сатаной и получил возможность прожить несколько жизней, но для этого он должен время от времени убивать юную девушку — ее кровь, попав к нему в жилы, вновь возвращала ему молодость. В конце романа генерал Туллий Беренгельд, последний отпрыск рода, вырывал из окровавленных рук отвратительного старика свою невесту.

Конечно, все это была полнейшая халтура, но ее с удовольствием печатали и за нее платили деньги, причем вполне приличные. Как остроумно замечает С. Цвейг, более строгий, чем А. Моруа, к опусам юного Бальзака,

> «распознать в этом фабриканте макулатуры грядущего Бальзака можно только по одному признаку: по умопомрачительной скорости, с которой он пишет свои романы».

Как это обычно и бывает, очень скоро «лорду Р’Оону» стала надоедать компания, где руками был один, а головой — совсем другой человек. В результате контракт с де Легревиллем был

расторгнут.

* * *

В конце 1822 года на книжном рынке Франции появилось новое имя — Орас де Сент-Обен. Это был новый авторский псевдоним Бальзака.

Под этим новым именем был опубликован роман «Арденнский викарий». Существует несколько версий, объясняющих происхождение данного псевдонима, но на самом деле это вопрос второстепенный. Орас де Сент-Обен — это имя ничего не значит. Тут важно другое. Бальзак просто хотел покончить со своим прошлым, а под своим собственным именем его еще никто не воспринимал. Интересно, что со сменой псевдонима он поменял и манеру письма, и подход к осмыслению окружавшей его действительности. Сочинения Ораса де Сент-Обена еще нельзя назвать полностью зрелыми, однако, как утверждают специалисты, их автору уже вполне можно было предсказать большое литературное будущее. По сути, Орас де Сент-Обен стал своего рода переходным мостиком между «лордом Р'Ооном» и настоящим Бальзаком.

Увы! Не успел роман «Арденнский викарий» выйти в свет, как его изъяли из обращения. История распутной маркизы де Розанн возмутила благонамеренное правительство, и цензура запретила продажу книги. Хорошо еще, что Поле успел рассредоточить тираж и конфискованы были лишь рукопись и сигнальный экземпляр.

«Столетний старец», «Последняя фея, или Новая чудесная лампа», «Аннета и преступник», «Ванн-Клор» (романы 1822–1825 годов) также были подписаны Орасом де Сент-Обеном. Все это закончилось для их настоящего автора сильным переутомлением и болезнью, сопровождающейся ужасными головными болями.

Десять лет спустя, уже будучи знаменитым писателем, Бальзак решит поправить свое финансовое положение и после определенной доработки опубликует вышеназванные романы. При этом он сохранит псевдоним Орас де Сент-Обен. Разумеется, в это время его псевдоним уже будет не более чем секретом Полишинеля, но, тем не менее, открыто свое авторство в отношении этих книг Бальзак так никогда и не признает.

Образ де Сент-Обена складывался постепенно. В предисловии к «Арденнскому викарию», например, говорилось, что месье де Сент-Обен был молод, любил гулять по кладбищу Пер-Лашез и жил на острове Сен-Луи. В «Столетнем старце» появился брат де

Сент-Обена, благодаря которому Орас познакомился с историей загадочного героя романа. В черновых набросках Бальзака можно найти записи, относящиеся к «прошлому семьи де Сент-Обен». В частности, в них говорилось, что в 1408 году в семье было двое братьев, Жорж и Жак. Жорж присоединился к Бургиньонам (сторонникам герцога Бургундского), а Жак встал на сторону Арманьяков (сторонников герцога Орлеанского). В результате постепенно вырисовывался образ добропорядочного молодого человека, являющегося полной противоположностью его героям — мятущимся натурам, обуреваемым роковыми страстями. Но уже в конце 1824 года, в послесловии к роману «Ванн-Клор», де Сент-Обен предстал перед читателями умудренным опытом и утомленным жизнью «сыном века». Таким он оказался и в биографическом очерке «Жизнь и горести Ораса де Сент-Обена», опубликованном под одним переплетом с «Последней феей» в 1836 году. Желая до конца сохранить дистанцию между собой и своим героем-автором, Бальзак попросил подписать этот очерк молодого начинающего литератора Жюля Сандо.

В этой вымышленной биографии Орас де Сент-Обен представал неким талантливым юношей, воспитанным вдали от соблазнов цивилизации. Он якобы собирался жениться на Денизе, дочери своего приемного отца, но неожиданно в его жизнь ворвалась светская львица Флавия, и тот, сжигаемый пробудившимся в нем честолюбием, устремился в Париж, где можно было выгодно продать рукопись своей «Последней феи»…

Как нетрудно догадаться, в Париже уделом Ораса де Сент-Обена стал каторжный литературный труд, связанный с необходимостью выполнять условия кабальных договоров. В конце концов молодой человек не выдержал и вернулся к себе домой, в провинцию, где женился на своей Денизе. Интересно, что, придумывая всю эту историю, Бальзак привел рассказ об одной парижской встрече своего Ораса де Сент-Обена. Он якобы повстречал одного молодого человека, только что завершившего свое сочинение под названием «Физиология брака». Тот даже зачитал ему отрывок из этого произведения. Когда этот «неизвестный» завершил чтение, Орас де Сент-Обен якобы заключил его в объятия и с восторгом воскликнул: «Все, бросаю перо и ухожу, уступаю место!» Оригинальный ход! Не нужно быть большим специалистом-бальзаковедом, чтобы понять, что таким образом писатель хотел отделить себя от созданного им самим персонажа, который в течение долгих лет негласно выступал от его имени.

Кем бы ни был этот вымышленный Орас де Сент-Обен, новая вывеска стала котироваться значительно выше, чем марка «лорд

Р’Оон»: с 800 франков гонорара, которыми еще нужно было делиться со своим компаньоном, гонорары «Ораса де Сент-Обена» возросли до 2000 франков за каждый роман при тираже в полторы тысячи экземпляров. Пять романов, десять романов в год — это уже 10–20 тысяч франков! Итак, первая часть мечты Бальзака почти исполнилась: еще несколько лет — и он разбогатеет, следовательно, навсегда обретет независимость. Оставалась вторая часть — стать знаменитым и уважаемым писателем. С этим пока дело обстояло не так просто…

С. Цвейг со смесью недоумения и презрения пишет:

> «Ни один вид литературы, ни один заказ, ничье соседство не отталкивали его в период между двадцатью и тридцатью годами. Его безыменное перо можно было дешево купить для любых литературных поделок. Подобно „общественным писцам“, которые во времена всеобщей неграмотности восседали на улицах парижских предместий и за несколько су изготовляли все, чего только хотелось прохожим: любовные послания служанок, жалобы, прошения, доносы, этот величайший писатель века с циничной беззаботностью кропает книги, брошюры, памфлеты для сомнительных политиканов, темных издателей и проворных агентов.
>
> Как ныне доказано, все эти кодексы, среди них „Полный словарь учтивости“, которые с большим барышом распространяет Орас Рессон (свыше двенадцати тысяч экземпляров многих из этих сочиненьиц были распроданы молниеносно), полностью или в большей своей части принадлежат перу Бальзака. А сколько он мимоходом настряпал еще брошюр, газетных статей, быть может, даже рекламных проспектов, это уже выяснить не удастся, поскольку ни он сам, ни его малопочтенные заказчики не проявили готовности усыновить этих ублюдков, зачатых в лоне бульварной литературы.
>
> Неоспоримым остается только одно — ни одна строчка из десятков тысяч, которые нагромоздил Бальзак в годы своего позора, не имеет и малейшего отношения к литературе или к художеству, и становится даже неловко, когда приходишь к выводу, что они должны быть приписаны ему.
>
> Проституция — нельзя иначе назвать эту писанину, — и жалкая проституция к тому же, ибо в ней нет ни капли любви, разве только страсть к быстрому

> обогащению. Вначале это был, видимо, лишь порыв к свободе, но, угодив однажды в трясину и привыкнув к легким заработкам, Бальзак погружался в нее все глубже и все больше утрачивал достоинство. После крупной монеты — романов — он уже за меньшую мзду и во всех притонах лубочной литературы охотно шел навстречу желаниям своих потребителей».

А. Моруа пытался переложить ответственность за всю эту «проституцию» на окружение Бальзака:

> «Подобно многим молодым людям, Бальзака буквально раздирали самые противоположные влияния. Он вращался в компании циничных журналистов, которые смеялись надо всем, особенно над высокими чувствами, и продавали свое перо маленьким газетенкам — таким, как „Кормчий“, „Корсар“, жадным до слухов и эпиграмм и занимавшимся не то сатирой, не то шантажом; эти молодые люди также кропали на скорую руку мелодрамы и водевили для актрис, не отличавшихся чрезмерной добродетелью».

Таких циничных молодых людей действительно развелось очень много. Надо отдать им должное, работали они как заведенные, но при этом всех их снедала болезненная зависть и неукротимая жажда известности. Осознавая в глубине души собственное бессилие и совершенную свою бездарность, они стремились, однако же, приобрести любой ценой имя, ибо только имя давало возможность неплохо зарабатывать. А для этого им не оставалось ничего иного, как пускаться на отчаянные хитрости и нагло провоцировать шум, лишь бы хоть как-то обратить внимание на свою ничтожную фигурку.

В крайности люди решаются на все. Можно было, например, вдруг, ни с того ни с сего, беззастенчиво возвестить миру, что во Франции вовсе нет и не было никогда настоящей литературы, что Корнель, Расин, Вольтер и другие — это не гордость нации, а какие-то «заплесневелые ретрограды», далеко не заслуживающие той славы, какой удостоили их современники и потомство. Но, уничтожая всеми признанные знаменитости, надобно было создать новые кумиры. С этим было сложнее. Дерзкое провозглашение гениями себя и своих приятелей не всегда удавалось: можно было нарваться на громкий хохот. И тогда для большей успешности мероприятия они шли в журналистику, писали хвалебные оды сами себе и поливали ругательствами все, что пользовалось отличиями и репутацией в обществе. Иногда это

срабатывало, и тогда появлялся очередной мыльный пузырь, очередной «талантище», очередной «Тацит бульваров и кофейных домов», который не только не уступает, но и во многом превосходит…

В их кругу Бальзак снова встретил своего бывшего компаньона де Легревилля, тот продолжал процветать, на сей раз именно на ниве журналистики. Там же он познакомился со скандальным художником-карикатуристом Анри Монье. Тот впоследствии рассказывал, что однажды он сидел в кафе «Минерва» вместе со своим приятелем Рессоном; внезапно тот встал из-за стола и воскликнул: «Пойдемте отсюда! Этот несносный Сент-Обен явился!» При этих словах Монье якобы увидел заросшего молодого человека, походившего не то на монаха, не то на крестьянина. Это был Бальзак.

А. Моруа пишет:

> «Но, продолжая сотрудничать с этими беззастенчивыми литературными шакалами, он страдал. Его чувствительную натуру ранила жестокость окружающего мира. Он ощущал в себе силы для великих свершений».

* * *

Бабушке Софи не нравились новые друзья и «произведения» внука, но она с трогательной неуклюжестью подбадривала его:

> «Милый Оноре, торопись избавиться от своей окаянной меланхолии… Постарайся не писать больше такие мрачные книги, рассказывай лучше о любви и делай это с приятностью… Ручаюсь тебе за успех, к тому же и сам исцелишься».

К сожалению, 31 января 1823 года она умерла. Смерть пожилого человека обычно воспринимается как неизбежность, но бабушка, бабуля Софи, была очень дорогим и близким Бальзаку человеком, и ее смерть его потрясла. Он долго потом не мог избавиться от преследовавшего его впечатления: он смотрел на нее в гробу и не мог отделаться от ощущения, что это — не его бабушка, а какая-то восковая кукла, а что-то главное, что, собственно, и было ею, безвозвратно ушло.

* * *

Избавиться от меланхолии… Но как? Как без потерь выкарабкаться из этого литературного болота? Для этого, похоже, должно было бы совершиться какое-то из неповторимых чудес, вроде истории барона Мюнхгаузена, который якобы сам себя вытащил за косу из болота. Немногим писателям — прошлым и современным — удавалось повторить подобный трюк. Все-таки общее правило на то и правило: не может остаться чистым художник, который столь глубоко погрузился в творческие клоаки. Может быть, именно Бальзак, по большому счету, в этом вопросе так и остается тем самым исключением, которое лишь подтверждает это правило. А может быть, ему просто повезло больше других?

Кто бы что ни говорил, искусство с неумолимой ревностью мстит любому художнику, даже самому великому, который, пусть в силу обстоятельств, становится равнодушным к нему и использует его, не понимая, что между настоящим искусством и «писаниной» такая же разница, как между поцелуем любимой женщины и продажной девки.

Известно, что Бальзак очень переживал за то, чем ему приходилось заниматься на заре своей литературной карьеры. Например, экземпляр романа «Жан-Луи, или Найденная дочь» он вручил своей сестре Лоре лишь с таким условием:

> «Не одалживай его ни одной живой душе и, более того, не показывай никому, иначе экземпляр пойдет в Байё по рукам и повредит моей коммерции».

Заметим, повредит не творчеству, а коммерции. Полное отсутствие иллюзий у еще совсем молодого человека! Поставщик, связанный контрактами, он во что бы то ни стало должен был изготовлять великое множество единиц продукции, то есть печатных листов, и чем скорее, тем лучше. Ему платили сдельно, и только гонорар имел для него значение. Очень коварное испытание для писателя: какая уж тут забота о композиции, стиле, оригинальности… Главное — писать, писать, писать… В настоящее еще более циничное время многие на месте Бальзака, едва сделавшись востребованными, начинают искать, а нет ли поблизости кого, кто смог бы стать для них трудолюбивым и дешевым литературным «негром».

Тут нечему завидовать. Деньги — это очень дурной господин. Они развращают и, в первую очередь, убивают в человеке все самое чистое и светлое. К своему счастью, очень многие этого не понимают. О Бальзаке этого не скажешь, своей сестре Лоре он писал:

«Ах, моя милая Лора, я ежедневно благословляю счастливую судьбу, позволившую мне избрать независимую профессию, и уверен, что она еще даст мне возможность разбогатеть. Но теперь, мне кажется, я сознаю свои силы, и мне страшно жаль пожертвовать лучшими моими замыслами ради подобной чепухи. Чувствую, что у меня есть мысли в голове, и если бы мне не надо было беспокоиться о материальном положении, я стал бы работать над серьезными вещами».

А еще он писал ей следующее:

«Теперь, когда я, как мне кажется, получил верное представление о своих силах, я глубоко сожалею, что так долго растрачивал блестки своего ума на такого рода нелепости; чувствую, что в голове у меня кое-что есть, и, если бы я был уверен в прочности своего положения, другими словами, если бы меня не связывали различные обязательства, я бы принялся за настоящую книгу».

Бальзак терзался жгучим стыдом и, словно леди Макбет, не мог без ужаса смотреть на свои запятнанные руки:

«Я предпринял попытку освободиться одним могучим рывком и стал писать романы, и что за романы! О, Лора, сколь жалким было крушение моих честолюбивых планов!»

А время шло, и Бальзаку уже исполнилось двадцать три года. При этом он еще толком и не жил. Всю свою сознательную жизнь он был рабом: рабом семьи, потом рабом учебных заведений, а деньги ему были нужны только для того, чтобы получить за это компенсацию. Это он так сам себя успокаивал. Он стал поденщиком для того, чтобы освободиться от поденщины. Какой трагический парадокс!

Невозможно не согласиться со С. Цвейгом, который пишет о нем следующим образом:

«Вечно один и тот же мучительный круговорот. Писать, чтобы не нужно было писать. Загребать деньги, больше денег, бесконечно много денег, чтобы не было необходимости думать о деньгах. Уйти от мира, чтобы с тем большей уверенностью завоевать его — весь целиком, со всеми его странами, его женщинами, его роскошью и с его венцом — бессмертной славой! Копить,

чтобы, в конце концов, получить возможность расточать. Работать, работать, работать, денно и нощно, не зная отдыха, не ведая радости, чтобы, наконец, зажить настоящей жизнью, — вот что отныне становится неистовой, возбуждающей, напрягающей мышцы, дающей силы к сверхчеловеческому труду мечтою Бальзака».

Как же несчастен был Бальзак в это время! Жизнь проходила мимо, а ему ничего другого не оставалось, как ждать милости от судьбы, чтобы совсем не сгнить в этой унылой темнице безжалостной фабрики по производству романов. В отчаянии Бальзак молил:

> «Если бы кто-нибудь бросил волшебный луч света в мое унылое существование, ведь я еще не срывал цветов жизни… Я алчу, но никто не приходит утолить мои страстные желания. Как быть? У меня только две страсти: любовь и слава. И ни одна еще не удовлетворена!»

* * *

24 июня 1824 года семейство Бальзак, имевшее в ту пору свободные деньги, приобрело за 10 000 франков дом в Вильпаризи, который оно прежде арендовало. Бернар-Франсуа нравилась мысль о том, чтобы вновь переехать в этот городишко; там он был куда более заметной персоной, чем в Париже, где, по его словам, «матерые волки сталкивались и грызлись в отвратительной грязи».

Полагая, что жизнь на свежем воздухе и простые удовольствия способствуют долголетию, он и в семьдесят восемь лет был не прочь приударить за не обремененными парижским снобизмом девицами-провинциалками.

Мадам Бальзак надеялась, что сын-писатель вместе со всеми переедет в Вильпаризи, но тот отказался и снял для себя небольшую квартирку на пятом этаже в доме № 2 по улице Турнон.

«Он намерен там работать», — защищала брата добрая сестра Лора. Но мамашу не так-то легко было провести. Она полагала, что сын просто хочет иметь возможность без помех принимать у себя эту несносную кокетку мадам де Берни. Как же непросто ей было примириться с тем, что женщина, которая была на год старше ее самой и успела уже стать бабушкой, похитила у нее

сына!

* * *

Что касается Лоры де Берни, то она уже давно была влюблена в Бальзака, которого она забрасывала письмами подобного содержания:

> «Я люблю тебя! Ты мне нужен больше, чем воздух птице, чем вода рыбе, чем солнце земле, чем тело душе. Повторяя простые слова: „Милый, я люблю, я обожаю тебя“, я хотела бы чаровать твой слух, как чарует его весенняя песня пташки, я просила бы тебя прижать к сердцу свою милую и совершить вместе с ней чудесную прогулку; мне хотелось бы уверить тебя, что наступят погожие летние дни; но в этой радости мне отказано, боюсь, что мое письмо может навлечь на моего дорогого, моего любимого неприятности, вызвать дурные толки, и все удовольствие будет этим испорчено. Ты даешь мне так много, но твоя милая способна это почувствовать и оценить, как никто другой. О, почему не дано мне принять множество обличий, чтобы и самой давать тебе все, что я хотела бы, и так, как я хотела бы! Но, милый друг, если мое тело, моя душа, все мое существо, которое украсила ныне самая возвышенная любовь, дарует тебе радость, я бесконечно счастлива, ибо всецело принадлежу тебе!»

Если в начале их связи она держала себя по-матерински нежно и чуть насмешливо, то теперь, четыре года спустя, она страстно привязалась к молодому человеку, чей незаурядный талант она почувствовала одной из первых. Она очень страдала, видя, как ее любимый убивает все свое время на какие-то жалкие поделки, которые ему заказывал Орас Рессон, литературный посредник, ловко эксплуатировавший этот неиссякаемый источник вдохновения.

* * *

Практически каждый день Бальзак отправлялся либо в кафе «Вольтер», либо в кафе «Минерва», возле «Комеди-Франсез», где встречался со своими приятелями. Пройдоха Рессон, умевший гораздо лучше, чем Бальзак, соблазнять книготорговцев,

предлагал ему работу над всевозможными «кодексами». В ту пору жанр этот был в моде, и всевозможных «кодексов», этого развлекательного мещанского чтива, выходило множество, например, «Кодекс коммивояжера», «Любовный кодекс», «Кодекс честных людей, или Искусство не оставаться в дураках», «Супружеский кодекс» и т. д.

Бальзак, умевший работать как никто другой, был способен написать книжку за несколько ночей. Эти самые «кодексы» Бальзак десятками создавал параллельно романам, повестям и рассказам. Преследуя задачу, например, предостеречь читателей от опасности быть ограбленными, Бальзак давал в «кодексе» ряд зарисовок людей самых различных социальных положений: здесь и мелкий карманный воришка, и громила-взломщик, и великосветская дама, и нотариус и т. д. Все они одержимы одним стремлением — присвоить чужое имущество, чужие деньги, чужое состояние.

Жизнь представлялась Бальзаком как «непрерывная борьба», но если карманных воришек и громил-взломщиков он в какой-то степени оправдывал (они сами принадлежали к тем, «кто голоден»), то великосветских бездельников, а также нотариусов, нагло «обделывающих свои собственные делишки, управляя чужими», и адвокатов, использующих незнание законов своими клиентами, — никогда. При этом они могли оказаться не менее опасными для «честных людей», чем профессиональные воры.

Много приходилось Бальзаку писать и всевозможных очерков, то есть мгновенных откликов на происходившие события, кратких, «моментальных» зарисовок с натуры.

Вот как А. Моруа характеризует эту его деятельность:

> «Для такого рода второстепенных работ Бальзаку приходилось очень много читать, он рылся в книгах, изучал иностранных авторов. Он выказывал энергию, достойную Наполеона. Однако ему уже исполнилось двадцать пять лет, а успех все не приходил. Романы Ораса де Сент-Обена? В их ценность он не верил; он и писал-то их с усмешкой, а порою даже немного стыдясь.
>
> Почему? Да потому, что чувствовал: он способен совсем на иное; он ощущал себя философом, мыслителем. Оноре приобрел известную сноровку, овладел некоторыми приемами мастерства и теперь мечтал о чем-то большем. Какой-нибудь Рессон или Ле Пуатвен могут довольствоваться ролью литературных поденщиков, готовых взяться за любую поделку. Но он… Все заставляло его стремиться к великому, и все

неумолимо отбрасывало его к ничтожному».

Свои переживания в этот период Бальзак красноречиво отобразил впоследствии в своем романе «Шагреневая кожа»:

> «Я был жертвою чрезмерного честолюбия, я полагал, что рожден для великих дел, — и прозябал в ничтожестве… Как все взрослые дети, я тайно вздыхал о прекрасной любви. Среди моих сверстников я встретил кружок фанфаронов, которые ходили задрав нос, болтали о пустяках, безбоязненно подсаживаясь к тем женщинам, что казались мне особенно недоступными, всем говорили дерзости, покусывая набалдашник трости, кривлялись, поносили самых хорошеньких женщин, уверяли, правдиво или лживо, что им доступна любая постель, напускали на себя такой вид, как будто они пресыщены наслаждениями и сами от них отказываются, смотрели на женщин самых добродетельных и стыдливых как на легкую добычу, готовую отдаться с первого же слова, при мало-мальски смелом натиске, в ответ на первый бесстыдный взгляд!.. Позже я узнал, что женщины не любят, когда у них вымаливают взаимность; многих обожал я издали, ради них я пошел бы на любое испытание, отдал бы свою душу на любую муку, отдал бы все свои силы, не боясь ни жертв, ни страданий, а они избирали любовниками дураков, которых я не взял бы в швейцары».

Между тем надо было жить. Теперь он обитал один на улице Турнон. Это была настоящая свобода, правда, мать иногда тайком платила за него квартплату (она так понимала свой материнский долг), но все же…

Известно, что в 1824 году Бальзак долго болел. Произошло это оттого, что он слишком много работал, буквально изнуряя себя и забывая вовремя поесть. Он по-прежнему мечтал прославить свое имя, однако продолжал писать под псевдонимом, стесняясь того, что приходилось создавать.

Неизменно благожелательный и бодро настроенный отец, как и раньше, писал своим родственникам:

> «Оноре работает без передышки, он занят изящной словесностью, из-под его пера выходят славные и весьма интересные произведения, их хорошо раскупают».

Конечно, отец выдавал желаемое за действительное. Сам

Бальзак судил себя гораздо строже; он до такой степени стал себе отвратителен, что иногда даже подумывал о самоубийстве. Так, по крайней мере, рассказывали те, кто знал его в ту пору. Вот, например, сцена, которой можно верить, а можно и не верить.

Однажды вечером литератор и журналист Этьен Араго, приятель Бальзака, проходя по мосту через Сену, заметил последнего: тот стоял неподвижно, облокотившись на парапет, и глядел на воду.

— Что вы тут делаете, любезный друг? — удивленно спросил Араго. — Уж не подражаете ли персонажу Мольера из «Мизантропа»? Плюете в воду и любуетесь расходящимися кругами?

— Я смотрю на Сену, — отвечал Бальзак, — и спрашиваю себя, не следует ли мне улечься спать, завернувшись в ее влажные простыни…

Услышав такой ответ, Этьен Араго остолбенел.

— Что за мысль! — вскричал он. — Самоубийство? Да вы с ума сошли! Вот что, пойдемте-ка со мной. Вы ужинали? Поужинаем вместе…

А. Труайя по этому поводу выражает очень большое сомнение:

> «Попытка самоубийства, конечно, не была серьезной. После ужина с Этьеном она была забыта. Да и зов рабочего стола был сильнее, чем вод Сены».

Конечно, маловероятно, чтобы молодой человек, чья голова была битком набита всевозможными планами на будущее, и в самом деле собирался наложить на себя руки, однако, как говорится, чужая душа — потемки. Факт остается фактом, он просто не мог не страдать от мысли о том, что ему всю жизнь будет суждено вот так, под чужим именем, выполнять эту бессмысленную поденную работу для жаждущих наживы книготорговцев.

* * *

Шел 1825 год. Двадцатишестилетний Бальзак, живший на улице Турнон, почти ежедневно встречался с мадам де Берни, которая продала свой дом в Вильпаризи и поселилась теперь в Париже, неподалеку от своего возлюбленного. Она старалась дать ему все: обожание опытной женщины и материнскую любовь. Она знала свет и давала молодому человеку ценные советы, как там себя вести. Проницательная, насмешливая и страстная, не

питавшая уже никаких иллюзий, но способная на безграничную преданность, она делала то, что было так необходимо Бальзаку, — она объясняла ему жизнь.

* * *

Весной 1825 года, теряя уже надежду добиться литературной славы, Бальзак вдруг решил попытать счастья в иной сфере: он решил стать предпринимателем.

Надо сказать, что молодой человек, как и его отец, обожал дерзкие начинания и легко загорался новыми идеями. Нетерпеливый от природы, он всегда стремился к быстрому успеху, пренебрегая всем, что хоть и было более надежным, но требовало слишком много сил и времени.

Однажды в лавке книготорговца Урбена Канеля Бальзак услышал о проекте издания собрания сочинений Лафонтена и Мольера. Идея месье Канеля показалась Бальзаку великолепной.

С. Цвейг описывает эту идею так:

> «Отличный спрос на французских классиков все еще продолжается, и торговый оборот тормозится лишь тем обстоятельством, что эти достойные всяческого уважения господа слишком много понаписали. Полные собрания сочинений до сих пор выходили во множестве томов и занимали слишком много места в квартире буржуа. И вот у него возникла грандиозная идея: издать полное собрание сочинений каждого из этих классиков в одном-единственном томе. Если набрать комедии или драмы убористым шрифтом, да еще в два столбца, можно без труда вогнать всего Лафонтена или всего Мольера со всеми потрохами под один корешок. А если к тому же украсить подобный фолиант хорошенькими виньеточками, так ведь классиков этих будут расхватывать, как горячие каштаны!»

Для реализации идеи не хватало пустяка, а именно — не хватало необходимого начального капитала. Денег у Бальзака не было, но он сразу представил себе, как тысячи читателей бросятся приобрести столь удобные издания, а он сам, если примет участие в этом предприятии, почти без труда сколотит себе огромное состояние.

С. Цвейг по этому поводу иронизирует:

> «Никогда высокомерие литератора не мешало

Бальзаку делать дела. Он был готов торговать чем угодно: книгами, картинами, железнодорожными акциями, земельными участками, бревнами и железом. Он честолюбиво жаждал только одного — найти выход для своей энергии и пробиться, безразлично как и на каком поприще».

В результате Бальзак недолго думая заключил с месье Канелем контракт, по которому он должен был разделить с ним доходы, связанные с публикацией всех произведений Мольера в одном томе. Но для того, чтобы делить доходы, надо было сначала разделить расходы. Необходимые деньги нашлись легко. Друг семьи д'Ассонвилль ссудил Бальзаку 6000 франков, затем еще 3000 франков, но уже под большие проценты. Мадам де Берни также охотно дала ему 9250 франков. Внимательно выслушав Бальзака, она одобрила его план, к тому же ей очень хотелось, чтобы ее юный друг стал финансово независимым от семьи.

* * *

Только один человек в тот период призывал Бальзака к осмотрительности, это была его сестра Лоранс. 4 апреля 1825 года она писала Бальзаку:

«Твои коммерческие начинания, дорогой Оноре, не идут у меня из головы; писатель должен довольствоваться своей музой. Ведь ты с головой ушел в литературу, так разве это занятие, без остатка заполнявшее жизнь знаменитых людей, посвятивших себя сочинительству, может оставить тебе время для новой карьеры, может позволить тебе отдаться коммерции, в которой ты ничего не смыслишь…

Когда человек впервые берется за такие дела, то, чтобы преуспеть, он должен с самого утра и до поздней ночи помнить об одном: надо постоянно заискивать перед людьми, расхваливать свой товар, дабы продать его с прибылью. Но ты для этого не годишься… Окружающие тебя дельцы будут, конечно, все расписывать самыми радужными красками. Воображение у тебя богатое, и ты сразу же представишь себя обладателем тридцати тысяч ливров годового дохода; а когда фантазия у человека разыграется и он строит множество планов, то здравый смысл и трезвость

суждений оставляют его. Ты очень добр и прямодушен, где уж тебе уберечься от человеческой подлости…

Все эти размышления, милый Оноре, вызваны тем, что ты мне очень дорог, и я предпочла бы знать, что ты по-прежнему живешь в скромной комнате на пятом этаже без гроша в кармане, но зато трудишься над серьезными сочинениями, пишешь, а не занимаешься блестящими коммерческими операциями, которые сулят состояние… А теперь я с вами прощаюсь, господин предприниматель.

Будьте предприимчивы, как и положено хорошему коммерсанту, только смотрите, чтобы за вас самого часом не принялись… А если добьетесь богатства, то не женитесь, ибо у вас растут два прелестных племянника и племянница. Я, конечно, шучу, братец. Но об одном прошу тебя очень серьезно: не позволяй своей музе слишком долго дремать; мне не терпится увидеть твои новые произведения, прочитать их».

* * *

Лоранс как в воду глядела, и Оноре с головой ушел в свою коммерческую авантюру. Он тут же принялся за предисловие к сочинениям Мольера и Лафонтена. Мадам де Берни и д'Ассонвилль выдали ему векселя под его будущие успехи, и надо было оправдывать их доверие.

Но для того, чтобы быть предпринимателем, нужно не меньше таланта, чем для писательства. Малоопытный же Бальзак сразу бросился в атаку, рассчитывая на быстрый результат. Но тут он, как это обычно и бывает, пал жертвой своего собственного темперамента. Разумнее было бы подождать, как будет продаваться однотомник Лафонтена, а уже потом заниматься изданием Мольера. Но природный оптимизм Бальзака оказался сильнее расчетливости и рассудочности. К тому же Бальзак не способен был оперировать малыми числами, он повел себя как нетерпеливый игрок, не знающий меры. Две книги, то есть серию, сбыть с рук куда легче, чем одну. У нас здесь не мелочная торговля!

Общий тираж напечатали сразу три тысячи экземпляров, это позволяло сэкономить на себестоимости бумаги и прочих материалов. Однако продажи пошли очень туго. Компаньон, месье Каннель, тут же уступил Бальзаку свою долю: он был рад, что хоть так может избавиться от обязательств. Бальзак же, увлеченный идеей, остался единственным владельцем дела, но

для того чтобы довести его до победного конца, надо было вновь залезать в долги.

Совершенно не зная законов рынка, Бальзак совершил серьезную коммерческую ошибку и, стремясь заработать как можно больше денег, назначил продажную цену в 20 франков за том. Но подобная цена лишь отпугивала книготорговцев, и почти весь тираж оставался лежать на складах типографии и издателя. Это была катастрофа! Спустя год было продано в общей сложности лишь двадцать экземпляров книг, которые рассчитывались на самый массовый спрос.

Чтобы хоть как-то облегчить свое положение, Бальзак снизил цену до 13 франков за том. Тщетно. Потом — до 12 франков. И не получил ни одного нового заказа. В результате книготорговец Бодуэн приобрел у него весь тираж за 24 000 франков. При этом расходы составили более 16 000 франков. Судя по цифрам, Бальзак даже получил прибыль, однако пройдоха-Бодуэн заплатил ему не наличными, а векселями книжных магазинов, потерпевших банкротство (в те времена это было распространенной мошеннической проделкой).

Итоги года отчаянного предпринимательства оказались печальными: вместо состояния, о котором мечтал Бальзак, у него было 15 000 франков долга.

* * *

После этого д’Ассонвилль, желая хоть как-то компенсировать понесенные убытки, посоветовал Бальзаку стать владельцем типографии. Такая возможность, конечно же, прельстила неопытного юношу. Это же так выгодно, так здорово! Теперь он издаст не только сочинения Лафонтена и Мольера, но и Корнеля, Расина и многих других популярных авторов! Но теперь он не будет зависеть от диктата печатников, он будет им сам!

Наборщик Андре Барбье, узнав об этих планах, предложил Бальзаку приобрести на паях типографию некоего месье Лорана со всем оборудованием. На это требовалось 60 000 франков, у Бальзака же не было и сотой доли этой суммы.

Жозефина Деланува, дочь покойного банкира Думерка и неизменная покровительница семьи Бальзак, согласилась ссудить Оноре 30 000 франков (конечно, не просто так, а под поручительство его родителей).

Под это дело Бальзак переселится с улицы Турнон на улицу Марэ-Сен-Жермен, в дом, на нижнем этаже которого помещалась типография. Ну не в дом, конечно, а всего лишь в одну из

квартирок этого дома. Там, кстати, его продолжит регулярно посещать мадам де Берни.

Типография Бальзака — Барбье будет печатать все без разбора, хватаясь за любой подвернувшийся заказ. Среди продукции типографии будут и какие-то «Пилюли долголетия», и «Спутник лесоторговца», и даже такой литературный шедевр, как «Искусство завязывать галстук». Все это закончится очень плохо. Барбье, почуяв, что банкротство неизбежно, покинет приходившую в упадок типографию, и вся ответственность ляжет на плечи Бальзака. Лишь одна Лора де Берни не оставит того в беде. Она даст ему еще 9000 франков наличными. Эта великодушная женщина, как всегда, поведет себя весьма отважно, ибо финансовое положение ее любимого будет к тому времени просто угрожающим.

Бальзак, неотступно преследуемый кредиторами и рабочими, требовавшими уплаты жалованья, вынужден будет спасаться бегством. Мадам де Берни выдаст ему расписку на погашение 15 000 франков долга, но с типографией все равно придется распрощаться.

От полного банкротства Бальзака спасут родители, точнее мадам Бальзак, которая без ведома мужа примет на себя долги сына в размере 45 000 франков (сумма по тем временам огромная). Не то чтобы она вдруг пропиталась какими-то нежными чувствами к непутевому сыну, нет, тут дело было в другом: сын-банкрот — это был бы позор для семьи. Конечно, можно было использовать провал Оноре для того, чтобы показать ему, что он был не прав, но такой урок нанес бы тяжелейший удар по престижу семьи, по ее собственному престижу. Этого было допустить нельзя, и матери, несмотря на всю ее почти каменную жесткость, показалось, что лучше будет любым способом «замять» скандал.

Утешением Бальзаку будет лишь то, что он приобретет бесценный опыт, поймет, что такое денежные операции и что такое крах всех начинаний. Все это наложит неизгладимый отпечаток на последующее творчество писателя.

Глава пятая. Герцогиня д’Абрантес

Меня пленяет женщина-аристократка, ее тонкая улыбка, изысканные манеры и чувство собственного достоинства: воздвигая преграду между собою и людьми, она пробуждает все мое тщеславие, а это и есть наполовину любовь.

Бальзак. Шагреневая кожа

Эжен Сюрвилль, муж старшей сестры Бальзака, между тем получил вожделенный пост: его назначили на должность инженера департамента Сена-и-Уаза с местопребыванием в Версале. Бальзак стал часто приезжать туда погостить и пообщаться с Лорой.

Дочь же Жозефины Деланува Камилла подружилась в пансионе с «прелестной, как ангел» Жозефиной д’Абрантес, дочерью герцогини д’Абрантес. Через семейство Деланува познакомилась с прославленной герцогиней и Лора Сюрвилль, а уже она познакомила с ней своего брата Оноре.

П. Сиприо по этому поводу пишет:

> «Бальзак познакомился с герцогиней д’Абрантес в Версале, у Сюрвиллей, живших на улице Морепа, в доме 2. Она жила по соседству».

Герцогиня д’Абрантес действительно к тому времени оставила Париж и обосновалась в Версале в небольшом особнячке на улице Монтрёй.

Бальзак, как мы уже знаем, не очень представлял, как завязываются любовные связи, и полагал, что надеяться на успех у такой шикарной женщины (все-таки герцогиня!) мог только самый выдающийся человек. Себя он таковым не считал, а потому повел себя застенчиво и робко.

Опытная герцогиня разгадала смущение молодого человека, а может быть, это его частые визиты и выразительные взгляды навели ее на мысль, что Бальзак тайно в нее влюбился. Некогда она была большой кокеткой, но и сейчас, став старше и осторожнее, сохранила пылкость чувств южанки.

Что касается точной даты знакомства с герцогиней

д’Абрантес, то тут биографы Бальзака расходятся во мнениях. Диапазон называемых дат достаточно широк: от 1825 года до 1829 года.

Трудно согласиться с мнением С. Цвейга, который утверждает:

> «Герцогиня д’Абрантес, вдова генерала Жюно, когда Бальзак познакомился с ней примерно в 1829 году в Версале, казалась уже несколько обветшалым монументом. Не принятая при бурбонском дворе, не пользующаяся уважением в обществе, герцогиня безнадежно погрязла в долгах».

Суждение слишком резкое и предвзятое! Во всем вышеприведенном абзаце верным является лишь то, что герцогиня была вдовой наполеоновского генерала Жюно и после падения Империи имела много финансовых проблем, а также то, что познакомились они в Версале.

П. Сиприо косвенно называет другую дату:

> «Когда Бальзак познакомился с Лорой д’Абрантес, ей исполнился 41 год».

С учетом того, что она родилась 6 ноября 1784 года, можно сделать вывод, что их знакомство состоялось где-то после ноября 1825 года. Это тоже не может соответствовать действительности, так как известно письмо Бальзака к герцогине (оно будет приведено ниже), датированное 11 августа 1825 года.

Лора д'Абрантес

Скорее всего, познакомились они где-то летом 1825 года.

* * *

Мы подробно расскажем историю этой женщины, ибо в жизни Бальзака ей суждено будет сыграть очень важную роль. Возможно даже, что без нее мы так никогда и не узнали бы имя такого писателя, как Бальзак.

Герцогиню д'Абрантес (это просто какое-то наваждение) тоже звали Лора. Ее полное имя было Лора-Аделаида-Констанция, она родилась в Монпелье и являлась дочерью мадам Панории Пермон, близкой подруги Летиции Рамолино, матери Наполеона.

Пермоны, как и Бонапарты, были корсиканцами. Панория, однако, происходила из древнего греческого императорского рода Комненов, которые в XVII столетии вместе с несколькими приверженцами укрылись на Корсике.

Отец Лоры, Николя-Шарль Пермон, занимал должность поставщика провианта на Корсику. Затем в течение восьми лет он участвовал в войне за независимость Америки, сколотив себе там неплохое состояние. Позднее Панория вместе с мужем и тремя детьми переехала в Монпелье, где Николя-Шарль получил пост сборщика налогов. Революция полностью разорила семью, и отец Лоры, лишь чудом избежав гильотины, превратился из крупного чиновника в заурядного нотариуса. Спасаясь от преследований, он вынужден был переехать с женой и детьми в Тулузу. Умер Николя-Шарль Пермон, не оставив после себя практически ничего.

Все заботы о семье взял на себя старший брат Лоры Альбер. Юноша некоторое время был личным секретарем у члена Конвента от Корсики Кристофано Саличетти, затем, находясь при главной квартире, принимал участие в Итальянском походе Бонапарта. Он прекрасно играл на арфе, пел, говорил по-итальянски так же хорошо, как и по-французски. При этом он был левшой и отменным фехтовальщиком.

Сестра Лоры Сесилия в 1794 году вышла замуж в Тулузе за некоего месье Жуффра и родила в январе 1796 года мальчика, названного Адольфом. Жуффр был боевым офицером, любимцем генерала Дюгоммье, личным другом таких известных личностей, как генералы Ожеро, Ланн, Бессьер. Женившись, он решил уйти в отставку, чтобы быть все время с семьей. Друзья отговаривали его, убеждая не губить удачно складывавшуюся карьеру. Жуффр все же настоял на своем и в двадцать четыре года стал гражданским лицом. Но семейная жизнь его не была долгой и радостной: его жена, сестра Лоры, женщина кроткая и набожная, внезапно умерла, оставив грудного младенца на руках несчастного мужа.

Лора не была красавицей (например, автор предисловия к ее мемуарам французский историк А. Олливье даже утверждает, что лицо ее было «неприятным»), да и сама Лора признавала это. Однако неоспоримыми ее достоинствами были красивые волосы и зубы, чего, кстати, нельзя было сказать о той же избраннице Наполеона Жозефине. Кроме того, она была одной из самых одаренных умственными способностями женщин при дворе Первого консула, а затем и императора.

* * *

Есть версия, что Наполеон до своего увлечения Жозефиной подумывал жениться на матери Лоры, муж которой к тому времени уже умер. Свадьба не состоялась, однако будущий император сохранил привязанность к семейству Пермон и покровительствовал Лоре, исполняя многие ее прихоти, всю жизнь.

Обстоятельства неудачной попытки Наполеона жениться на мадам Пермон описываются Э. Лепеллетье:

> «Бонапарт сделал усилие улыбнуться и со смущенным видом сознался, что действительно судьба родных сильно беспокоит его. Затем, склонясь к ручке мадам Пермон, он оставил на ней два горячих поцелуя и сделал признание, что решил сблизиться с ее семьей родственными узами, самая же заветная мечта его — сочетаться самому с нею узами любви, как только окончится срок ее траура по мужу.
>
> Застигнутая врасплох таким неожиданным признанием, мадам Пермон засмеялась ему прямо в лицо.
>
> Бонапарт, казалось, обиделся, и, чтобы загладить неловкость, мадам Пермон поспешила объясниться.
>
> — Мой милый Наполеон, — сказала она, принимая покровительственный, материнский тон, — поговорим об этом серьезно! Вы находитесь в заблуждении относительно моего возраста, и я не сознаюсь вам, сколько мне лет; пусть это останется моим секретом, моей маленькой слабостью. Скажу вам только, что я гожусь в матери не только вам, но и вашему брату, Жозефу. Поэтому оставим шутки, в ваших устах они огорчают меня».

Планы Бонапарта в бытность его простым провинциальным генералом были поистине «наполеоновскими»: он помышлял поженить свою сестру Полину с сыном мадам Пермон. Одновременно он попросил руки Лоры для своего брата Луи. Но мадам Пермон только посмеялась, когда это предложение было ей сделано.

* * *

Бонапарт часто бывал в доме своих старых корсиканских знакомых Пермонов. Семьи Буонапарте и Пермон были в очень близких отношениях, в частности, отец Наполеона Шарль ди

Буонапарте скончался весной 1785 года в доме мадам Пермон в Монпелье.

Многие якобинцы, недовольные новым настроением умов в Париже, особенно же корсиканцы, собирались в доме у мадам Пермон. Кристофано Саличетти, у которого ее сын состоял личным секретарем, разумеется, пользовался в этом доме особенным влиянием. Пермоны переехали в Париж чуть раньше Бонапарта, и Панория принимала самое теплое участие в судьбе безработного генерала.

Кто такая была эта Панория Пермон? Вдова дельца, разбогатевшего на военных поставках, она имела сына, очень ее любившего и зарабатывавшего не менее денег, чем в свое время его отец, что позволяло ей жить в относительном достатке. Красивая, обворожительная, интригующая, она основала салон, в котором бывало больше мужчин, чем женщин. В конечном итоге генерал Бонапарт стал бывать почти только у мадам Пермон.

Неоднократно бывал в доме мадам Пермон на улице Сент-Круа и адъютант Наполеона Андош Жюно. Играя с ее дочерью, двенадцатилетней Лулу, Жюно и не подозревал, что та девочка, которую он качал на своих коленях, станет впоследствии его женой.

* * *

Когда Жюно повоевал в Италии и Египте, стал генералом и военным комендантом Парижа, Наполеон совершенно справедливо заметил, что теперь ему необходимо жениться.

— Это прилично, и не только для достоинства места, которое ты теперь будешь занимать, — говорил он Жюно, — я знаю тебя и требую этого для твоей же собственной пользы.

Наполеон советовал Жюно жениться на богатой невесте, потому что он любил, чтобы его чиновники могли представительствовать с блеском, а содержание дома в таком городе, как Париж, стоило много денег.

Однако Жюно прежде всего хотел жениться на такой девушке, которая бы ему нравилась. И его выбор вскоре пал на подросшую к тому времени Лулу Пермон, у матери которой несколько лет назад он и его генерал нашли такой радушный прием.

Бонапарт вначале не был согласен на подобный брак, но Жюно не позволил вмешиваться в свои сердечные дела никому, даже и Первому консулу, и так как этот последний всегда питал дружеские чувства к семье Пермон, то в конце концов он вынужден был дать свое согласие.

Итак, выбор Жюно пал на Лулу Пермон. Но это очень легко сказать, на самом же деле процесс этого «падения выбора» был достаточно мучительным. Ведь женитьба — это лотерея, и каждый надеется в ней на выигрыш.

Сначала посоветовала Жюно обратить внимание на юную Лулу Пермон приятельница ее матери мадам д'Орсе.

— Вы уже были у Пермонов? — спросила однажды мадам д'Орсе у Жюно.

— Нет, и упрекаю себя за это каждый день, — ответил генерал, — но что означает этот ваш вопрос?

— А то, что ее дочь, как мне кажется, была бы для вас лучшей невестой.

— Ее дочь? — удивился Жюно. — Но она была еще совсем ребенком, когда я отправлялся в Египет.

— Теперь это уже не ребенок, а премилая девушка шестнадцати лет.

— Девица Лулу, кажется, так ее звали, верно? Создание прихотливое, избалованное и несносное. Нет-нет, покорнейше благодарю! — такова была первая реакция Жюно, но затем аналогичный совет он получил и от другой дамы, с которой он также поделился своей проблемой. Мадам Гамелен также порекомендовала ему обратить внимание на юную Лоретту Пермон.

Жюно расхохотался: девица Пермон как будто преследовала его. Но мысль о том, что нужно хотя бы посмотреть на нее, прочно засела у него в голове.

Впервые после возвращения из Египта Жюно посетил дом Пермонов 21 сентября 1800 года. Принят он был в доме на улице Сент-Круа очень хорошо, всем были крайне интересны его рассказы о Египте и о тамошних обычаях.

Затем Жюно стал приезжать в дом Пермонов практически каждый вечер, активно общаясь с матерью Лоретты и ее братом Альбером, которых он давно и хорошо знал.

Последний, кстати, принимал активнейшее участие в попытках сближения сестры и Жюно, бывших знакомыми уже пять лет, но сближения этого так и не происходило. Лулу практически не помнила Жюно, да и он сам, крайне смущаясь, старался обходить девушку стороной. Вдали от нее он не чувствовал никаких препятствий своему стремлению к сближению, но стоило представиться удобному случаю, как от одной этой мысли его бросало в дрожь.

Лора хранила молчание, Жюно, хотя и желал заговорить, но не знал, с чего начать, и все больше терялся.

Все вокруг уже судачили о предстоящей свадьбе, предвкушая

интересное событие. В светском обществе вообще очень любят рассуждать о любви, ибо сия материя, заманчивая и сама по себе, нерасторжимо связана со злоречием и почти всегда составляет его подоплеку. Но Жюно и Лора, несмотря на всеобщие ожидания, так и не обмолвились и парой слов.

Так продолжалось одиннадцать дней. Наконец Жюно, поддерживаемый Альбером, решился попросить у мадам Пермон руки ее дочери:

— Даю вам слово честного человека, что я сделаю ее счастливой. Я смогу предложить ей жребий, достойный ее самой и семейства ее. Мадам Пермон! Отвечайте мне с такой же откровенностью, с какой говорю я! Отвечайте: да или нет?

Сделанное над собой усилие совсем опустошило Жюно. Он боялся получить отказ и почти желал уже, чтобы ему подольше не отвечали.

— Любезный генерал! — последовало в ответ. — В ответе моем увидите вы всю откровенность, какой требуете, потому что, вам известно, она составляет мой характер. Признаюсь, что за несколько минут до вашего приезда я говорила Альберу: вы тот человек, которого больше всех хотела бы я назвать своим зятем. Но Лулу еще очень молода, у нее нет имения, а приданое слишком бедно. Подумайте еще дней восемь или десять…

— Я не буду ждать и одних суток! — воскликнул Жюно, и вопрос был решен. Только после этого он решился заговорить с самой Лоретой.

Первыми словами Жюно были:

— Сударыня! Я настолько счастлив, что получил согласие вашей маменьки и вашего брата на мою просьбу: я просил у них вашей руки. Но все это исчезнет само собой, если теперь вы не объявите здесь, при мне, что вы подтверждаете их согласие на мою просьбу.

Шестнадцатилетняя Лулу смутилась и, не зная, что ответить и как себя вести в подобных обстоятельствах, убежала в комнату брата. Альбер бросился за ней. Через некоторое время он вернулся и объявил, что сестра согласна. Но что думает по этому поводу Первый консул? Согласен ли он?

— Я обойдусь без него! — заявил Жюно самым решительным тоном. — Я уже не ребенок. В важнейшем деле жизни я должен советоваться только с самим собой и не слушаться мелких, чуждых мне страстей.

Однако поразмыслив, Жюно все же счел правильным срочно поехать в Тюильри к Первому консулу. Дюрок, видя взволнованность Жюно и поняв, что речь идет о чем-то очень важном, провел его к Бонапарту.

Первая реакция Бонапарта на заявление Жюно была негативной:

— Но это невозможно! Жениться на Лулу? Но сколько ей лет? Жюно, ты заключаешь невыгодный союз.

Затем, несколько поостыв, Бонапарт смягчился и объявил, что дарит Жюно крупные суммы денег на приданое и на свадебные подарки.

Пожелав Жюно семейного счастья, Наполеон, смеясь, заключил:

— Будь счастлив! У тебя будет ужасная теща!

У него были все основания для этого заключения.

* * *

Венчание Лоры Пермон и Андоша Жюно состоялась 30 октября 1800 года в полночь в церкви Сен-Луи д'Антэн рядом с домом Пермонов.

Казалось бы, полночь — достаточно странное время для венчания. Но на этом настоял сам Наполеон, который потребовал, если уж молодожены непременно хотят венчаться в церкви, чтобы все происходило ночью. Он считал, что невозможно, чтобы человек, пользующийся благосклонностью Первого консула, мог быть замечен за отправлением религиозного обряда среди бела дня.

Сам Жюно, будучи по натуре республиканцем, также хотел заключить брак по новым правилам. У него был друг, месье Дюкенуа, мэр Девятого округа Парижа. Он был готов в любое время надеть свою трехцветную ленту и расписать молодоженов. Ни о какой церкви не могло быть и речи. Но решительно встала в позу мадам Пермон: только венчание и только в церкви!

Жюно пришлось уступить, но утром 30 октября он все же направился с Лорой в мэрию. Жениха в качестве свидетелей сопровождали два его адъютанта — Лаллеман и Бардэн. Свидетелями со стороны невесты были Вильманзи и Лекьен де Буа-Кресси — старые друзья отца. Месье Брюнетье — опекун Лоры — стал ее посаженным отцом.

В полночь в церкви были только самые близкие: родители, братья с женами и сестры с мужьями.

На следующий день к Жюно в гости пришли его боевые друзья: Ланн, Дюрок, Бессьер, Рапп, Белльяр, Бертье, Лавалетт, Эжен Богарнэ. Жюно познакомил их со своей избранницей, сожалея лишь о том, что его лучшего друга Мармона нет с ними. Мармон, находившийся в это время в Италии, прислал Жюно

письменное поздравление.

12 ноября дом молодоженов посетил Первый консул. Интересным, с точки зрения характеристики отношения Наполеона к людям вообще и к женщинам в частности, представляется следующий факт. Едва поздравив Лору, он якобы заявил ей назидательным тоном:

— Запомните. Вы должны все видеть, все слышать и обо всем сразу же забывать. Прикажите вписать эти слова в ваш герб!

Счастливому супругу же Наполеон шутливо заметил:

— Знаешь, мой бедный Жюно, что твоя женитьба была в большой опасности? Да, я думаю, что, если бы этим мошенникам удалось убить меня, они вряд ли занялись бы твоею свадьбой и твоим приданым.

Первый консул действительно сделал своему другу подарок в 100 000 франков, а невесте подарил обстановку стоимостью в 40 000 франков.

Со стороны Пермонов брат Альбер дал в приданое из своих денег 60 000 франков, а старик де Буа-Кресси, уже давно и безнадежно мечтавший жениться на мадам Пермон, — 50 000 франков.

* * *

В то время как Жюно был занят на службе, его семнадцатилетняя жена сумела собрать вокруг себя кружок видных людей. Ее салон, как когда-то салон ее матери, сделался вскоре одним из самых значительных и посещаемых в Париже. У нее постоянно толпились и французы, и иностранцы, и даже такие, которые не были особенно расположены к Первому консулу. Когда этот последний выставлял ей на вид, что у нее собирается уж слишком проанглийское общество, она смеялась над ним и продолжала принимать это общество у себя. Сама она была очаровательным центром этого кружка, блистая своим живым умом, остроумием, а иногда и ядовитой насмешливостью. Наполеон называл ее «маленькой язвой».

Находясь в 1801 году постоянно в Париже, Жюно и Лора не забывали и о том, что они счастливые молодожены, и им довольно быстро удалось решить вопрос, который никак не давался, несмотря на все их усилия, Наполеону и Жозефине.

Приятная обстановка способствует любви. Уже весной Лора поняла, что она беременна, а ближе к осени это стало очевидно и для всех окружающих.

В честь первой беременности Лора получила от Жюно в

подарок загородный дом в Бьевре (он принадлежал когда-то месье Шанелли, первому камердинеру короля). Жюно заплатил за него 90 000 франков — большую часть приданого Первого консула.

* * *

Сразу после наступления нового 1802 года, а именно 5 января, у супругов Жюно родился первенец. Рожала Лора мучительно. Жюно, не находивший себе места в доме на улице Вернёй от ее криков, явился к Наполеону в Тюильри и, чуть не плача, взмолил:

— Мой генерал, моя жена рожает, и я не могу больше оставаться дома. Ее крики выворачивают мне душу!

— И ты пришел ко мне набраться храбрости? — спросил Жюно Наполеон. — Хорошо, хорошо, друг мой. Бедняга! Как ты взволнован! О, женщины, женщины! Но ты правильно сделал, что пришел ко мне, смею тебя уверить…

Наполеон продолжал говорить в подобную минуту так добродушно и так трогательно, что Жюно пришел в умиление и почти плакал. Он, конечно же, любил своего генерала, но когда тот в такие минуты и таким образом разделял чужие душевные страдания, дрогнуло бы сердце всякого, и даже того, кто не был бы так предан ему телом и душой.

Жюно провел у Первого консула около часа, пока его старший адъютант Дебан де Лаборд не примчался и не доложил, что мадам Жюно родила девочку и чувствует себя хорошо.

При этом известии Наполеон обнял Жюно и сказал:

— Теперь ступай поцеловать свою дочь.

Сделав ударение на слове «дочь», Наполеон добавил:

— Передай мои наилучшие пожелания своей жене, Жюно, но заметь, что я сердит на нее дважды. Во-первых, она не произвела солдата для Республики, а во-вторых, из-за нее я проиграл пари Жозефине. Но в любом случае я буду ей кумом и тебе тоже, мой старый друг.

К слову скажем, что Наполеон и Жозефина серьезно поспорили, кто родится у Жюно — девочка или мальчик.

— У них будет дочь! — заявила мадам Бонапарт, разложив на картах специальный пасьянс.

— Или сын! — возразил ей Первый консул.

— А я держу пари, что мадам Жюно родит девочку…

Наполеон и Жозефина действительно стали крестными отцом и матерью дочери Жюно, которую родители назвали, конечно же,

Жозефиной. Кстати, по понятным причинам Жозефинами назвали своих дочерей Бертье, Виктор, Даву, Ланн и многие другие ближайшие сподвижники Наполеона.

Тем фактом, что родилась девочка, а не мальчик, был, как ни странно, очень недоволен и отец Жюно. Когда ему предложили благословить внучку, он проворчал с досадой:

— Стоило столько кричать, чтобы родить дрянную девчонку! Что муж ваш станет делать с этой крикуньей? А Первый консул? Разве для того женит он своих генералов, чтобы не иметь мальчиков!

Впоследствии, давая портрет маленькой Жозефины, Лора писала:

> «Старшая дочь моя очень походит на своего отца. В день ее рождения и в следующий день сходство это было так поразительно, что даже изумляло. Казалось, что это лицо Жюно в уменьшительном зеркале».

В честь этого знаменательного события Лора получила от Наполеона в подарок дорогое жемчужное ожерелье, а Жюно — дом в Париже на Елисейских Полях.

* * *

Но беспечная радость молодых Жюно была недолгой. В феврале 1802 года умерла мать Лоры. Впоследствии она вспоминала:

> «Мать моя жестоко страдала; болезнь, которая наконец свела ее в гроб, уже тяготила ее всеми своими мучениями. Выезжая очень редко, маменька почти целый день проводила в своих длинных креслах, а вечером принимала друзей, приезжавших развлекать ее. Одною из самых усердных посетительниц ее была мадам Казо, привязанная к моей матери нежною дружбой».

Жюно был с мадам Пермон в очень хороших отношениях; она же считала его, наряду с Лорой и ее старшим братом Альбером, своим сыном. Смерть мадам Пермон омрачила супругам Жюно радость от пополнения в их семействе.

* * *

Весной 1803 года отношения Франции и Англии вновь обострились, а 12 мая дипломатические отношения между двумя странами были порваны, и началась война без войны, своеобразный поединок льва и кита, ибо Франция не имела сильного флота, а Англия — относительно сильной сухопутной армии.

Жюно же в это время был озабочен совсем другими проблемами. В день объявления войны 12 мая 1803 года у супругов Жюно родилась вторая дочь, Мария-Антуанетта-Констанция.

* * *

Летом 1803 года мадам Бонапарт находилась на лечении в Пломбьере, а сам Первый консул со своей свитой пребывал в своем загородном дворце в Мальмезоне. Собиравшееся там общество устраивало спектакли, охоты и развлекалось самыми разнообразными играми. Вечером все страшно усталые ложились в постели и засыпали крепким беспечным сном молодости, каким наслаждалась и двадцатилетняя Лора Жюно, жена военного коменданта Парижа.

Однажды утром Лора проснулась от шума в ее комнате: было всего пять часов утра, а Первый консул уже стоял у ее постели. Затем он сел рядом с удивленной Лорой и начал невозмутимо читать какие-то письма. Бедняжка не знала, что и подумать об этом странном госте, который выбирает спальню молодой женщины для того, чтобы читать свою корреспонденцию.

Подобные визиты продолжались несколько дней подряд, причем с каждым разом Наполеон становился все фамильярнее, он даже несколько раз щипал ее за ногу сквозь одеяло. Недоумение Лоры росло, хотя она прекрасно догадывалась, что скрывается за этими посещениями.

Самому Жюно запрещалось покидать Париж без особого на то разрешения Первого консула, но Лора решила уговорить мужа нарушить это правило, не выдавая, правда, настоящей причины этого своего желания. Она заранее была в восторге от того, какое удивленное лицо будет у Наполеона, когда на следующее утро он увидит Жюно в постели рядом с ней, и почти не могла спать от возбуждения.

Утром Наполеон по обыкновению вошел в спальню Лоры.

Кто из двух мужчин был более поражен — Наполеон или Жюно, — трудно сказать, во всяком случае муж осведомился, что понадобилось Первому консулу делать в спальне его жены в

такой ранний час утра.

— Я хотел разбудить мадам Жюно на охоту, — последовал ответ Наполеона, который не преминул бросить плутовке яростный взгляд. — Но я вижу, — продолжал он, — что она нашла другого, кто разбудил ее еще раньше. Я мог бы наказать вас, Жюно, потому что вы здесь без разрешения.

— Генерал, если когда-нибудь поступок был более достоин извинения, то это в данном случае. Если бы вы могли вчера видеть здесь эту маленькую сирену, как она пускала в ход свои чары и способы обольщения, чтобы убедить меня остаться здесь, то вы, несомненно, простили бы меня.

— Ну хорошо, я прощаю тебя, и даже охотно. Мадам Жюно одна будет наказана. Чтобы доказать тебе, что я на тебя не сердит, я позволю тебе ехать вместе с нами на охоту.

С этими словами Наполеон удалился. Днем во время охоты он имел очень оживленную беседу с молодой неподатливой комендантшей, во время которой он несколько раз назвал ее дурочкой.

Вот, собственно, и все, что можно узнать из рассказа самой мадам Жюно, и остается только поражаться невинному цинизму двадцатилетней женщины, так «подставившей» своего мужа. Хотя, конечно, не исключено, что вышеописанный эпизод является лишь плодом фантазии писательницы, оставшейся на закате жизни без средств к существованию и желавшей такими вот пикантными подробностями привлечь по возможности больше читателей к своим литературным изысканиям, а заодно и погреть лишний раз свое самолюбие в лучах славы и интимного внимания (пусть даже и самолично придуманного) одного из ярчайших персонажей французской истории.

Вопрос о том, была ли действительно мадам Жюно любовницей Наполеона, так и остается открытым.

Писатель Г. Бретон посвятил этому целую главу своей книги «Наполеон и женщины». Вот небольшой отрывок из этой главы:

> «Правдива ли история, рассказанная мадам д’Абрантес? Завершилась ли неудачей любовная атака Первого консула? Современные историки до сих пор отказываются верить в это.
>
> Вся глава „Мемуаров“, которую я вам сейчас вкратце пересказал, написана, как мне кажется, с одной лишь целью: объяснить приход Бонапарта в комнату Лоры в то утро, когда там находился Жюно.
>
> С другой стороны, следует обратить внимание на один примечательный факт: приключение в Мальмезоне

произошло летом 1801 года. А 6 сентября Бонапарт, у которого после описанной Лорой сцены явно не было никаких оснований быть любезным с семейством Жюно, вручил им тридцать миллионов франков (триста тысяч современных французских франков).

Кроме того, — уточняет Жан Саван, — бригадный генерал Жюно был произведен, без особых на то оснований, в чин дивизионного генерала. Позднее, уже во времена Империи, он ежегодно получал семьдесят пять миллионов старых франков.

Вряд ли мужчина будет так щедр с женщиной, которая его отвергла. А посему мы можем допустить, что Бонапарт приходил по утрам к мадам Жюно не только для того, чтобы разбирать там почту, но и для того, чтобы начинать день с занятия более приятного, чем разработка планов предстоящих баталий».

Все в рассуждениях Г. Бретона кажется, на первый взгляд, очень убедительным, если исходить, как и автор этих рассуждений, из того, что вышеописанное приключение в Мальмезоне произошло летом 1801 года. Однако есть авторы, например Г. Кирхейзен, которые точно указывают, что это было летом в 1803 году.

Вообще Г. Бретон в своих многочисленных любовно-исторических произведениях демонстрирует удивительное пренебрежение к цифрам и датам. Но даже небольшая перестановка дат переворачивает рассуждения и выводы Г. Бретона с ног на голову. Ибо всего через несколько месяцев после описанных событий, в самом начале 1804 года, Жюно сначала был отправлен из Парижа в небольшой городок Аррас, что следует рассматривать как явное понижение, а затем, вопреки ожиданиям, не был включен в число тех, кто получил маршальские жезлы. Если это рассматривать, следуя бретоновской логике, как «щедрость» добившегося своего мужчины, то тогда Наполеон точно «приходил по утрам к мадам Жюно не только для того, чтобы разбирать там почту». Мы же останемся при нашем мнении, изложенном выше.

* * *

Лора Жюно и ее супруг с самого начала стали вести светский образ жизни и ни в чем себе не отказывали. Они брали от жизни все, что могли, а могли они довольно многое. Воистину,

богатство, не доставшееся с рождения, а «свалившееся» уже в зрелом возрасте, лишает рассудка.

Оба они были в высшей степени расточительны; мадам Жюно не хватало никаких денег на ее бесконечные бриллианты, а ее муж тратил массу денег на игру. Много разговоров ходило о его приключениях в игорном доме, где он рвал карты, опрокидывал мебель, бил банкиров и крупье, чтобы возместить себе потерю своих денег.

Огромные доходы Жюно как губернатора отнюдь не могли покрывать всех его расходов. Одного жалованья от государства он получал ежегодно полмиллиона франков, не считая всех побочных доходов, которые приносит с собой подобная должность. В среднем он получал ежегодно около полутора миллиона франков, и все-таки каждый год ухитрялся делать огромные долги. Тогда он шел каяться в своих грехах к императору, и тот однажды беспрекословно подарил ему 300 000 франков, чтобы он мог заплатить часть своих самых настоятельных долгов. И подобный подарок был не единственным. Наполеон передавал обоим Жюно чистыми деньгами прямо-таки невероятные суммы.

Для сравнения отметим, что в эти самые годы рабочая семья в Париже, получавшая от общей работы всех ее членов 1500 франков в год, считалась благоденствующей и на редкость взысканной милостями судьбы.

Когда же Наполеон, однажды не выдержав, объяснил Жюно, что министерство финансов существует не для того, чтобы оплачивать его любовные похождения, будущий герцог д'Абрантес причислил себя к числу обиженных.

Наполеон же вынужден был вслед за этим пригласить к себе Лору Жюно, чтобы попытаться хотя бы через нее пресечь безмерную трату денег, кутежи и оргии, скандальный образ жизни, которыми прославился на весь Париж бывший сержант Андош Жюно.

Но ни мадам Жюно, ни ее супруг не задумывались над тем, чтобы сократить свою расточительность и несколько ограничить свою жизнь, несмотря на все увещания Наполеона. Да и немудрено, что их опьянило то сказочное счастье, которое выпало на их долю.

Жюно были свойственны все пороки доброго рубаки: он любил игру и женщин, был расточителен, не стеснялся, когда было можно, добывать не хватавшие ему средства всякими путями. Замечен он был также и в достаточно опасных и скандальных связях, впрочем, как и его жена. Так, Жюно был завсегдатаем парижского салона Элизы Бачокки, сестры

Бонапарта. По определению Талейрана, у Элизы была голова Кромвеля на плечах красивой женщины. Салон ее представлял собой один из центров антиправительственной оппозиции, к тому же Элиза была обижена на брата за свое неудачное замужество (она еще в 1797 году вышла замуж за простого пехотного капитана Феликса Бачокки).

Наполеона беспокоила в этом случае не моральная сторона вопроса. Жюно был человеком, вхожим в императорский дворец; не могли ли секреты Империи просачиваться через Жюно к друзьям Элизы Бачокки?

Наполеон нашел выход из пикантной ситуации: он сделал Элизу принцессой Пьомбино, а позднее и великой герцогиней Тосканской, и тем самым удалил ее из Парижа. Удалил он из Парижа и супругов Жюно, которым удалось покинуть провинциальный Аррас и вернуться в Париж лишь в конце 1804 года (в командовании дивизией аррасских гренадеров Жюно был заменен генералом Удино).

* * *

Лора в это время состояла фрейлиной при дворе государыни-матери и имела достаточно большой вес в парижских салонах. Она обладала живым умом, была приятной собеседницей, говорила изящно и охотно, но, выражая иногда весьма тонкие мысли, порой впадала в вычурность. Она хорошо изучила женщин, а также мужчин и знала тайные пружины, коим повинуются и те и другие. Лора умела быть приятной в обществе и, будучи сама не безгрешной, не требовала, чтобы окружающие ее люди были безгрешны.

Будучи потомком древнего императорского рода, Лора прекрасно смотрелась в аристократическом и элегантном обществе. Ей прекрасно подходила парижская жизнь; она была ей по вкусу. Она любила балы, обеды, театры, удовольствия. Как истинная светская дама, Лора талантливо играла роль властительницы в кругу друзей и поклонников. Ее приемы в доме на Елисейских Полях считались особенно престижными.

Среди окружавших ее женщин можно было заметить мадам Рекамье, мадам Талльен, мадам Ремюза, мадам Каффарелли. Баронесса Лаллеман — душевный друг Лоры — жила у нее после смерти своего сына в 1806 году. В салоне Лоры бывали знаменитый актер Тальма, писатели Бернарден де Сен-Пьер и Жозеф Шенье, драматурги Дюси и Лемерсье, а также многие другие, не менее известные люди.

* * *

Когда в 1806 году генерала Жюно направили губернаторствовать в Парму, Лора отказалась ехать с ним. Она предпочла остаться в Париже, где очень скоро предалась любовным утехам с в ту пору полковником Александром де Жирардэном (позже он станет графом Империи и дивизионным генералом). На этот факт указывал нам Ж. Люка-Дюбретон, который пишет:

> «Она призналась в этой своей первой внебрачной любви только Бальзаку, много лет позже».

Потом Жюно отправился командовать армией, предназначенной для вторжения в Португалию, а Лора вновь осталась в Париже, где 25 ноября 1807 года у нее родился сын, которого назвали Наполеон-Андош. Его крестными родителями были сам Наполеон и Жозефина.

* * *

Когда в январе 1808 года за молниеносное завоевание Португалии Жюно получил от Наполеона титул герцога д'Абрантес, соответственно, герцогиней стала и его жена.

Вернулся Жюно из Португалии лишь в октябре 1808 года, в Париже же его ждало одно большое разочарование. По понятным причинам он долгое время ничего толком не знал о жизни своей жены, но почти сразу после возвращения из Португалии Каролина Мюрат рассказала генералу о связи Лоры с тридцатипятилетним красавцем австрийским послом Меттернихом.

Этот скандальный роман тянулся почти два года, пока Каролина не положила ему конец присущим только ей способом. В маске она подошла к Жюно на одном из балов и сказала, что он найдет в будуаре супруги шкатулку с любовными письмами от Меттерниха к Лоре. Ей удалось обнаружить местонахождение этой улики, подкупив горничную мадам Жюно. Генерал, чей вспыльчивый нрав был притчей во языцех, ринулся домой и обнаружил письма. Затем он обрушился на Лору, едва не задушив ее.

Жюно был взбешен и хотел вызвать Меттерниха на дуэль. Он даже подготовил соответствующее послание австрийцу, предложив ему, против правил, выбор оружия. Но Лора порвала письмо и бросила его в камин.

В разразившемся скандале принимал участие, наверное, весь Париж. Речь уже шла о разводе, когда мадам Меттерних намекнула Жюно, что роль Отелло ему не подходит, ведь он и сам вел далеко не монашеский образ жизни. Жюно лишь грустно рассмеялся в ответ, но конфликт был замят, более того, сама Лора в своих «Мемуарах» впоследствии утверждала, что муж сам попросил у нее прощения, умоляя не бросать его.

* * *

Почти весь 1809 год Жюно вновь воевал в Германии, а в 1810 году судьба вновь забросила его на Пиренейский полуостров, но на этот раз он взял Лору с собой. Та вновь была беременна, и Жюно оставил ее в захваченном французами испанском укрепленном городе Сьюдад-Родриго, а сам отправился в очередной поход в Португалию. В Сьюдад-Родриго двадцатишестилетняя Лора не имела никаких известий о муже. Вообще из Португалии не было практически никакой информации, и никто не знал, что там происходит.

Подобная неизвестность, длившаяся уже несколько месяцев, была тяжелее, чем самая неприятная новость. Новостей одновременно и с нетерпением ждали, и боялись. Наконец в дом, где жила герцогиня д'Абрантес и находившаяся при ней баронесса Томьер, явился измученный гонец с письмом от Жюно.

Как потом выяснилось, не видя никакой другой возможности связаться с женой, Жюно написал сразу три письма и передал их трем гонцам-португальцам, пообещав каждому, кто доставит письмо, по тысяче реалов. Два гонца погибли, а может быть, просто испугались долгой и опасной дороги, и лишь третьему удалось благополучно добраться до Сьюдад-Родриго.

Ничего особо утешительного в этом письме не было, но главное — муж, хотя и находился в бедственном положении, был жив, интересовался здоровьем супруги и выражал надежду на скорую встречу.

А состояние здоровья Лоры было не самым блестящим. Она тяжело переносила беременность, и к тому же жизнь в полуосажденном и унылом Сьюдад-Родриго была ей в тягость.

Наконец, в ночь на 25 ноября 1810 года у Лоры родился мальчик, которого она назвала Адольф-Альфред-Мишель.

Через несколько недель после родов Лора с сыном, кормилицей, мадам Томьер и ротой охраны была переправлена в Саламанку, где губернаторствовал генерал Тьебо — старый боевой друг Жюно, бывший начальник его штаба. Он разместил

мадам Жюно с младенцем в лучшем доме, в котором до этого жил маршал Ней.

* * *

В мае 1811 года после неудачи французов в Португалии корпус Жюно был распущен, а сам генерал, едва оправившийся от очередного тяжелого ранения в голову, наконец получил возможность вернуться во Францию, где он не был уже больше года, отдохнуть и несколько поправить свое здоровье лечебными ваннами.

Жюно с нескрываемой радостью сообщил эту новость жене:

— Лора! Мы возвращаемся во Францию! Все горести забыты, ура!

Семейство Жюно в сопровождении жены генерала Томьера, оставшегося в Испании и впоследствии убитого в битве при Саламанке, отправилось в сторону Байонны. Дорога от Бургоса до границ Франции считалась опасной, и Жюно лично командовал выделенным ему отрядом прикрытия.

В Вальядолиде небольшая экспедиция остановилась на два дня в доме маршала Бессьера. Покидая гостеприимного маршала, Жюно воскликнул:

— Дай Бог, чтобы дальше мы жили счастливее, нежели в эти прошедшие годы!

Весь остаток 1811 года прошел для Жюно на этой счастливой ноте, среди чисто семейных радостей и друзей. Но не такой он был человек, чтобы долго предаваться отдыху, когда каждому французу, а тем более высокопоставленному генералу стало очевидно, что над Францией вновь заклубились грозные тучи войны. Поход на холодные снежные равнины России сделался неизбежным.

* * *

Поход в Россию, как известно, завершился полной катастрофой. Чудом оставшийся в живых Жюно стал раздражительным и замкнулся в себе. А тут еще эти ужасные головные боли — следствие нескольких тяжелых ранений в голову. На современном языке эта болезнь, приведшая Жюно впоследствии к трагическому финалу, называется вполне определенно: глубокая душевная депрессия, сильное психическое переутомление.

Бог может простить нам грехи наши, но нервная система — никогда. Как прав был Наполеон, говоря пятнадцатью годами раньше в Италии: «Здоровье необходимо на войне и ничем не может быть заменено».

Описывая физическое состояние прибывшего в конце концов в Париж Жюно, Лора отмечала:

> «Со времени возвращения из России Жюно терпел жестокие страдания от своих ран. Особенно последняя, полученная им в Испании в 1811 году, имела пагубные следствия для его организма. К этому присоединилась боль от тяжкой раны, нанесенной ему в Италии при Лонато. Все это, вероятно, поразило мозговые фибры его и расстроило равновесие в них. Жюно нисколько не потерял своих умственных способностей, но был в каком-то странном состоянии. Часто он оставался в беспамятстве целый день, а ночью уже совсем не мог спать. Горько было глядеть на него!»

Но что значили физические страдания по сравнению со страданиями душевными? Жюно был всего сорок один год, а коллекционирование неудач и неприятностей в последнее время сделалось для него чем-то привычным, как для других коллекционирование монет, трубок или бутылочных пробок.

Жюно никогда не роптал и не жаловался, но события, произошедшие в России, стали причинять Жюно боль более сильную, чем боль физическая. Для человека прямого и открытого, для которого не существует полутонов, а все четко и ясно делится на черное и белое, нет ничего более мучительного, чем неопределенность, чем разочарование в казавшихся незыблемыми идеалах, чем осознание того, что то, что всегда казалось ослепительно белым, в реальности оказывается если не черным, то каким-то грязно-серым. Когда это осознание происходит — это равносильно потрясению, шоку, вслед за которым, как правило, следует пустота, апатия, полная потеря всякого интереса к жизни. Нечто подобное произошло с Жюно после возвращения из России.

Однажды вечером Жюно сидел у себя дома в обществе Альбера Пермона и своих боевых друзей Дюрока и генерала Валанса. Последний чувствовал к Жюно глубокую привязанность, особенно по возвращении из России, где он командовал кирасирской дивизией.

Вскоре доложили о приезде графа Нарбонна. Жюно бросился к нему, обнял и подвел к Лоре, восклицая:

— Это не только мой друг, но и благородный боевой брат!

Разговор зашел о проигранной кампании и об императоре.

— Я страдаю здесь, как страдал там! — вдруг воскликнул Жюно.

Затем он положил голову на плечо Лоры и горько заплакал. Во все времена их брака она не видела ничего подобного. Сколь же велико было страдание Жюно, если он позволил себе подобное в присутствии генералов, с которыми он прошел через огонь многочисленных сражений.

— Жюно! Жюно! — сказал ему Дюрок твердым голосом. — Ты несправедлив к императору. Он любит тебя! Да, я клянусь, что он любит тебя, как прежде…

Дюрока активно поддержал генерал Нарбонн.

— И это говорите мне вы! — отвечал Жюно. — Нет, я очень даже справедлив, Наполеон не любит меня больше, и, если я смею сказать вам, он не любит всех нас.

Его голос, его вид, все было в нем удивительно, когда он говорил это. Лицо его выражало все благородные, нежные чувства оскорбленной души. Но особенно поразила всех та электрическая искра, которая блеснула в огненном его взгляде и передалась сердцам его товарищей. Правда, все они молчали, но несомненно, что в душе каждого из них тайный голос отвечал голосу старого друга, непризнанного в минуту скорби, отвергнутого просителя, между тем, как он требовал не мести, не орденов, не милостей, а всего лишь сердечного слова.

Никто больше не проронил ни слова. Эти пять человек оставались молчаливы и задумчивы. Ничей голос не был слышен.

* * *

Когда тяжело больного Жюно направили для продолжения службы в Триест, герцогиня д’Абрантес не поехала с ним, а осталась в Париже, чтобы продолжать играть привычную ей роль столичной светской львицы.

Когда личный секретарь Жюно Фиссан, прибывший 30 июня 1813 года в Париж, доложил Лоре о бедственном положении герцога, та была увлечена очередным романом с молодым маркизом Морисом де Баленкуром, с которым она познакомилась в июне прошлого года — как раз в то самое время, когда ее муж и французская армия переходили границу России. Лора, терзаемая ревностью, писала ему кровью нелепые письма, пыталась даже покончить с собой, но доза принятого яда «совершенно случайно» оказалась ровно такой, чтобы потрясти общественность, но не затронуть здоровья. До Жюно ли ей было!

Выходки и цинизм Лоры надоели даже самому далеко не романтичному Наполеону, и он потребовал, чтобы мадам Жюно срочно покинула столицу. После этого Лора в сопровождении брата выехала из Парижа и направилась навстречу мужу в Женеву.

Жюно в это время уже находился в Лионе, но он был так болен, что его решили везти к его семейству в Монбар. Сопровождавший генерала племянник Шарль Мальдан был вынужден подчиниться, но написал своей «милой тетеньке» письмо, которое Лора впоследствии представит чуть ли не главной причиной трагической гибели мужа.

Приведем это вполне безобидное и, на наш взгляд, очень трогательное письмо полностью:

> «Милая тетенька!
>
> По приезде в Лион с моим дядей, мы нашли телеграфное приказание герцога Ровиго, чтобы дядю отвезти в Женеву; но офицер, который провожает его по приказанию вице-короля, решил, что нельзя исполнить волю герцога Ровиго, потому что принц Эжен распорядился отвезти дядю к его семейству. Так как здоровье моего дяди не позволяет ему самому решить этого затруднения, то мы и отправляемся в Монбар, куда можете приехать и вы, милая тетенька, и где я почту за счастье свидеться с вами.
>
> *Ваш послушный и преданный племянник».*

Лора впоследствии прокомментировала это письмо следующим образом:

> «Глухой стон вырвался из глубины моего сердца, когда я прочитала это роковое письмо. Я в ту же минуту увидела все следствия пагубной слабости этого молодого человека, так худо понявшего прекрасную свою обязанность, которую он должен был исполнить при несчастном герцоге. Я видела, как мой бедный друг приезжает в дом своего отца и как он, похожий на страшное привидение, может быть, делается причиной смерти дряхлого старика, от которого из жалости скрывали положение его сына».

Удивительное дело — плохо понял свои обязанности, оказывается, мальчишка, не покинувший и сопровождавший своего тяжело больного дядю. А почему не жена, предававшаяся

развлечениям в Париже и фактически бросившая своего умирающего мужа? Но оставим всю эту патетику на совести «модной писательницы» Лоры д'Абрантес.

Итак, Лора осталась в Женеве, а в Монбар к Жюно отправился ее брат Альбер с указанием присылать ей свежие новости о состоянии мужа. Альбер приехал в Монбар на следующий день и занял свой пост наблюдателя. Из этих наблюдений, обильно приправленных тенденциозными эпитетами самой Лоры, сложилась следующая картина:

> «Увы! Предчувствия мои были справедливы. Отец Жюно, от природы мрачный характером, был поражен этим страшным явлением так, что совершенно потерял возможность сделать что-нибудь полезное для сына. Обе сестры Жюно, не меньше приведенные в ужас, умели только плакать и жаловаться, по крайней мере, младшая из них… Сын ее, этот Шарль Мальдан, был таков же, как в Лионе: ничтожный ребенок, и его бесхарактерность имела пагубные последствия. Все они не знали, что делать… Жюно был окружен только любовью жителей городка Монбара, и благородные, великодушные поступки их в этом случае удивительны. Четверо из них бодрствовали и смотрели за больным».

Интересная получается картина: дряхлый отец потерял всякую способность сделать что-либо полезное для сына, сестры — умеют только плакать и жаловаться, племянник — ничтожный ребенок. В результате у постели больного Жюно вынуждены были дежурить совершенно посторонние жители Монбара. А где же, позволительно будет спросить, был сам Альбер — в некоторой степени родственник Жюно, его шурин, пышущий здоровьем мужик, да к тому же всем своим положением в жизни обязанный именно родственным связям с герцогом? Чем он проявил себя в эти тяжелые дни? Наверное, он был очень занят писанием писем (так и хочется сказать «донесений») своей сестрице.

* * *

В доме отца встревоженный и затравленный Жюно не переставал думать о жестокости и несправедливости судьбы. Мысли эти стали его навязчивой идеей. Император, Франция, Лора, маршальский жезл — весь окружавший его мир, все, что было ему дорого, оказалось гнилой, омерзительной декорацией. Как все опостылело! Почему так медлит смерть? Почему дает

время и возможность снова и снова ворошить всю эту грязь?

Как все происходило в точности, не узнает уже никто. Мы можем лишь предположить, что это было так или примерно так: дрожащей походкой Жюно поднялся по лестнице, проскользнул в свою комнату, повернул ключ в замочной скважине, поспешно открыл окно. Жизнь в тысячах проявлений, звуков, шорохов была рядом, на расстоянии протянутой руки. Он сел на подоконник, свесил ноги…

Тело ударилось о мостовую с глухим стуком, но Жюно и здесь не повезло: он не умер сразу, а лишь получил сильные ушибы и в нескольких местах сломал ногу. В других обстоятельствах, даже при умеренной жажде жизни, у пострадавшего такое ранение не было бы смертельным.

Местные лекари, прежде всего один медик из Самюра и другой из Шатийона, пытались что-либо сделать, они ампутировали несчастному герцогу поврежденную ногу, совершая при этом ошибку, на которую указывал еще Платон, утверждавший, что самая большая ошибка врачей состоит в том, что они пытаются лечить тело человека, не пытаясь вылечить его душу. Жюно не становилось ни лучше, ни хуже, он был отрешенным, погруженным в себя, как бы на пороге вечности.

Из Парижа был вызван и приехал вместе с дядей Жюно, главным сборщиком податей в департаменте Верхней Соны, знаменитый хирург Дюбуа, но и он ничего не смог изменить. Жюно стал срывать повязки, бредить. Началась гангрена, а вскоре и общий паралич…

Жюно умер 29 июля 1813 года в четыре часа вечера.

Свое отсутствие в Монбаре в последние часы жизни Жюно Лора впоследствии очень художественно объясняла плохим самочувствием после случившегося у нее выкидыша. Позже она писала:

> «Бедные дети мои в одну неделю едва не сделались совершенными сиротами. Когда я мысленно переношусь к этому периоду моей жизни, я теряю способность чувствовать от скорби и спрашиваю сама себя, не имеет ли человек больше сил для страданий, нежели для счастья?»

* * *

Итак, Лоре было всего двадцать восемь лет, а на руках у нее осталось четверо детей: две дочери, девяти и одиннадцати лет, и

два сына, трех и пяти лет. Кроме того, у нее насчитывалось долгов на почти полтора миллиона франков. Разоренной вдове пришлось продать все свои драгоценности, обстановку и винный погреб.

При Реставрации герцогиня, как и многие другие, внезапно обнаружила в себе монархические чувства. Наполеон, некогда бывший ее кумиром, теперь сделался «чудовищным узурпатором».

Падение Империи герцогиня встретила криками «Да здравствует король!» в компании своего любовника Мориса де Баленкура. Потом вместе с детьми она переехала к нему в замок Шампиньи. Там-то у нее и случились неудачные роды: девочка родилась мертвой.

Ее бывшему любовнику и другу князю Меттерниху, несмотря на объявленные усилия, не удалось спасти заграничную собственность герцога д'Абрантеса, а может быть, он и не очень старался это сделать.

После неудачных родов герцогиня перебралась в свой парижский особняк. Она позволила себе еще устроить несколько званых обедов и приемов, хотя средств на это уже совсем не было. Ее любовник помог ей, оплатив за нее 300 000 франков, но этот источник быстро иссяк. Лора тут же написала маркизу де Баленкуру прощальное письмо, он был ей больше не нужен. Одновременно она отправила официальное прошение новому королю Людовику XVIII. К ее пенсии, составлявшей 6000 франков, тот добавил из своих личных фондов еще 20 000 франков и сохранил за ней право на титул. Сменивший его в 1824 году его младший брат Карл X сохранил это положение дел.

* * *

В момент знакомства с Бальзаком герцогине д'Абрантес было уже за сорок, но она все еще оставалась красивой и привлекательной: у нее были живые глаза, свежий рот, черные как смоль волосы. От былого величия ей удалось сохранить благородство осанки да манеру ношения шали; именно по этим двум признакам в ней можно было признать настоящую светскую даму.

А. Труайя характеризует ее так:

> «У нее был прекрасный цвет лица, живой взгляд, красивая, белая шея, мягкие, волнистые, темные волосы, а ее вид и речи доставляли окружающим удовольствие».

Этот портрет дополняет П. Сиприо:

«Герцогиня любила поболтать, не забывая при этом показать свои ровные зубы. Рот ее был немного великоват, но очень выразителен. У герцогини было лукавое и насмешливое лицо, голова, гордо посаженная на длинной шее, которую она грациозно изгибала, если собеседник вызывал у нее интерес. Лоре д'Абрантес приписывали также белоснежную шею, восхитительно выточенные грудь и плечи, ослепительные обнаженные руки».

Она была приятной собеседницей, говорила изящно и чуть насмешливо, и, выражая весьма тонкие мысли, не впадала в вычурность. В свое время она отлично изучила мужчин и женщин и знала все тайные пружины, которым повинуются и те, и другие. Но главное, будучи небезгрешной, она и не требовала, чтобы все остальные были безгрешными.

Когда герцогиня пристально смотрела на Бальзака, тот терялся, а она, словно играя с ним, ласково смеялась:

— Ах как же вы молоды! Я вижу, что вы влюблены. Но кто она? Вы молчите, и это только усиливает ваши душевные муки. Она не отвечает вам взаимностью? Но как же вы можете знать об этом, если не решаетесь открыться перед ней?

Ей нравилось это развлечение — делать вид, что уверена, будто молодой человек влюблен в кого-то.

Надо сказать, что в разговоре она очень быстро переходила от простых любезностей к вещам более двусмысленным и интимным. Этими уловками она почти всегда достигала того, что окружавшие ее мужчины проникались самыми нежными чувствами к ней.

Бальзак быстро понял правила этой игры.

— Знаете, герцогиня, — учтиво отвечал он, — лучше страдать от неизвестности, чем решиться на объяснение и узнать, что тебя не любят.

— Но ведь, сохраняя молчание, вы упускаете возможность узнать о том, что вы любимы, ведь женщина никогда не скажет вам об этом первая. Признайтесь, кого вы любите?

— Ах, мадам, я никогда не решусь сказать об этом…

— Но я никогда не открою вашу тайну кому-либо постороннему.

Бальзак огляделся по сторонам, но рядом, как назло, не было никого, кто мог бы прийти ему на выручку.

— Дело не в этом, — прошептал он. — Я боюсь другого. Вот если бы я, например, любил даму, подобную вам, к чему бы могло привести мое признание?

В глубине души Лора ликовала, но сумела скрыть это. Впрочем, любому искушенному человеку было бы ясно, что в ее глазах сияло удовлетворение.

— Мне не совсем понятно, при чем здесь я. Но допустим. Представим на минуту, что речь идет обо мне: какая вам беда, что я вас не люблю? Ведь не меня же вы, на самом деле, любите? А если так, то что вам от моего отказа?

Сказав это, она потупила взор и томно вздохнула. Бальзак, как она считала, был у нее в ловушке. После этого она присоединилась к другим гостям Сюрвиллей, отняв у смущенного молодого человека возможность продолжить беседу.

* * *

Бальзак и на самом деле был очарован. Знакомство с герцогиней, пусть даже с герцогиней времен Империи, льстило его тщеславию. Еще бы, Лора д'Абрантес знавала самого Наполеона! Она видела его в гостиной своей матери, мадам Пермон, когда он был еще обыкновенным артиллерийским капитаном Буонапарте. Она жила при дворе, знала в Тюильри каждый закоулок. Она наблюдала мировую историю и с черной лестницы, и из алькова. А еще она имела массу интересных и весьма полезных знакомств.

Мадам Ансело, хозяйка одного из самых известных в Париже литературных салонов, который в разные годы посещали Ламартин, Шатобриан, Стендаль, Мериме, Гюго и де Виньи, писала о Лоре д'Абрантес в своих «Мемуарах»:

> «Эта женщина видела Наполеона, когда он был еще никому не известным молодым человеком; она видела его за самыми обыденными занятиями, потом на ее глазах он начал расти, возвеличиваться и заставил говорить о себе весь мир! Для меня она подобна человеку, сопричисленному к лику блаженных и сидящему рядом со мной после пребывания на небесах возле самого Господа Бога».

А дальше произошло то, что, как всегда иронично, подмечает С. Цвейг:

> «Она без особого труда уводит молодого писателя из несколько материнских объятий мадам де Берни, ибо умеет воздействовать на две сильнейшие стороны в существе Бальзака: на его ненасытное любопытство

художника, воспринимающего историю как живую современность, и на самую его большую слабость — ненасытный и неутолимый снобизм. На сына маленькой буржуазки мадам Бальзак титулы и аристократические фамилии оказывают до последнего дня его жизни комически неотразимое впечатление. Порою они просто очаровывают его».

* * *

Прошло совсем немного времени, и Бальзак, строя из себя светского вертопраха, уверенность которого граничит с дерзостью, начал делать герцогине комплименты. Имея перед собой опыт общения с мадам де Берни, он был уверен, что для женщины «за сорок» не может быть ничего приятнее преклонения столь молодого человека, как он. Ведь это со зрелым мужчиной женщина ни от чего не защищена, а юноша — это же возможность одержать легкую и чистую победу. Кто же от этого откажется?

Бальзаку казалось, что быстрее всего должны сдаваться именно те женщины, которые вступают в любовную игру с уверенностью, что уж их-то никто не сможет соблазнить. Но от всех его выпадов герцогине удавалось ловко уклоняться, и он поспешил обвинить ее в том, что она «позволяет рассудку одерживать верх над чувствами».

Он даже набрался смелости и высказал ей такую «глубокомысленную» формулу:

— Женщина только тогда по-настоящему трогательна и хороша, когда она покоряется своему господину — мужчине.

Однако герцогиня не была расположена играть роль покорной любовницы. Взамен она предложила Бальзаку свою дружбу.

На это Бальзак с досадой ответил:

— Дружба — это химера, за которой я вечно устремляюсь в погоню, несмотря на разочарования, часто выпадающие на мою долю. С детских лет, еще в коллеже, я искал не друзей, а одного-единственного друга. На сей счет я разделяю мнение Лафонтена, но я до сих пор еще не нашел того, что в самых радужных красках рисует мне романтическое и взыскательное воображение… Однако мне приятно думать, что есть такие натуры, которые сразу же понимают и по достоинству оценивают друг друга. Ваше предложение, сударыня, так прекрасно и так лестно для меня, что я далек от мысли отклонить его.

По звучанию его голоса герцогиня поняла, что Бальзак

взволнован, и продолжила «затягивать узел».

— Так, может быть, месье, — спросила она, — это мужчина только тогда по-настоящему и хорош, когда он покоряется своей госпоже — женщине?

Бальзак искренне возмутился:

— Уж если я могу чем-либо гордиться, мадам, так это моей душевной энергией. Подчинение для меня невыносимо. Я отказался от многих должностей, потому что не хотел ни у кого быть под началом; в этом смысле я — настоящий дикарь.

Светские красавицы любят дикарей, и подобная «декларация независимости» лишь внушила герцогине еще большее желание поработить такого человека. Впрочем, Бальзак именно на это и надеялся. Вот как он описывал себя герцогине:

— Во мне всего пять футов и два дюйма роста, но я вобрал в себя множество самых несообразных и даже противоречивых качеств. Вот почему те, кто скажет, что я тщеславен, расточителен, упрям, легкомыслен, непоследователен, самонадеян, небрежен, ленив, неусидчив, безрассуден, непостоянен, болтлив, бестактен, невежествен, невежлив, сварлив, переменчив, будут в такой же мере правы, как и те, кто станет утверждать, что я бережлив, скромен, мужествен, упорен, энергичен, непривередлив, трудолюбив, постоянен, молчалив, тонок, учтив и неизменно весел.

— Очень интересно, молодой человек, — подбодрила его герцогиня, — продолжайте.

И Бальзак продолжал:

— Тот, кто назовет меня трусом, ошибется не больше, чем тот, кто назовет меня храбрецом. Сочтут ли меня ученым либо невеждой, человеком талантливым либо бездарным, — что бы во мне ни обнаружили, меня ничто не удивит. В конце концов, я пришел к заключению, что я всего лишь послушный инструмент, на котором играют обстоятельства.

— Послушный инструмент, для которого невыносимо подчинение? Вы противоречите сами себе.

— А вот и нет, мадам. Подчиняться обстоятельствам — это одно, подчиняться же какому-то конкретному человеку — это совершенно другое.

— Да, но что такое обстоятельства? Обстоятельствам мы часто приписываем то, чему сами являемся причиной. Объясните мне это противоречие, ведь вы же писатель.

— Может быть, все дело в том, что судьба наделяет души людей, стремящихся описывать страсти, волнующие человеческие сердца, этими же самыми страстями, чтобы они могли силой воображения пережить то, что живописуют. А разве

наблюдательность не есть своего рода память, помогающая этому живому воображению? Я начинаю думать, что это именно так.

Подобные разговоры с явно заинтересованной им герцогиней д'Абрантес убедили Бальзака в том, что перед ним женщина, созданная для любви, и пора бы уже начинать пользоваться ее плодами.

* * *

11 августа 1825 года младшая сестра Бальзака Лоранс де Монзэгль произвела на свет второго сына и, измученная тяжелыми родами, скончалась у своих родителей в доме № 7 по улице Руа-Доре. Ей было всего двадцать два года.

В день смерти Лоранс Бальзак гостил в Версале у старшей сестры. Лора также тяжело переносила беременность, и он скрыл от нее печальную весть.

Зато он написал герцогине д'Абрантес:

> «Бедная моя сестра отмучилась. Только что прибыл нарочный; я уезжаю и не могу даже сказать, сколько времени отнимет у меня эта горестная церемония и все, что с нею связано. Затем я возвращусь в Версаль. Проявите же хоть немного сострадания, раз уж Вы не питаете ко мне иного чувства, и не огорчайте меня в минуту, когда столько горестей обрушилось на мою голову. Прощайте. Молю Вас, сохраните свою дружбу ко мне. Она послужит мне поддержкой в этих новых испытаниях.
>
> Сестра ни о чем не знает. Не выдавайте же ей печальную тайну этой трагической смерти. Я уезжаю вместе с Сюрвиллем. Прощайте, прощайте».

Несчастье, как и бедность, восстанавливает равенство и сближает. А еще оно может стать причиной благополучия. То, что еще в августе было дружбой, в сентябре уже превратилось в любовь.

* * *

В своем во многом автобиографическом романе «Шагреневая кожа» Бальзак написал:

> «Ах, да здравствует любовь в шелках и кашемире,

> окруженная чудесами роскоши, которые потому так чудесно украшают ее, что и сама она, может быть, роскошь! Мне нравится комкать в порыве страсти изысканные туалеты, мять цветы, заносить дерзновенную руку над красивым сооружением благоуханной прически… Меня пленяет женщина-аристократка, ее тонкая улыбка, изысканные манеры и чувство собственного достоинства: воздвигая преграду между собою и людьми, она пробуждает все мое тщеславие, а это и есть наполовину любовь. Становясь предметом всеобщей зависти, мое блаженство приобретает для меня особую сладость. Если моя любовница в своем быту отличается от других женщин, если она не ходит пешком, если живет она иначе, чем они, если на ней манто, какого у них быть не может, если от нее исходит благоухание, свойственное ей одной, — она мне нравится гораздо больше; и чем дальше она от земли даже в том, что есть в любви земного, тем прекраснее становится она в моих глазах».

Со всей пылкостью и тщеславием бросился врожденный плебей Бальзак в это, как ему казалось, не требующее особых усилий приключение. Кто бы что ни говорил, главную причину этого выделяет С. Цвейг:

> «Как выгодно, как увлекательно для будущего „историка своего времени“, для Бальзака-фантазера, которому требуется только искра, чтобы озарить горизонт, возлечь „под одним покрывалом“ с такой женщиной, с особой, которой ведомы все закулисные тайны истории!»

Став возлюбленным знаменитой герцогини, Бальзак торжествовал. Он считал себя преемником на ее ложе и одного из самых знаменитых наполеоновских генералов, и князя Меттерниха, и (а почему бы и нет?) даже самого императора…

Именно это обстоятельство заставило его отдалиться от искренне любившей его мадам де Берни, мать которой была, в конце концов, всего лишь какой-то камеристкой казненной санкюлотами королевы Марии-Антуанетты.

Вскоре Бальзак стал обращаться к герцогине на «ты» и называть ее «дорогая Мари». Герцогиню д’Абрантес, как мы знаем, звали Лора. Однако его первая любовь столько раз выслушивала клятвы в верности из его уст, что теперь ему было неудобно, обращаясь к другой женщине, называть ее тем же именем. А что

может быть полезнее советов совести…

К тому же, как мы уже знаем, Лорами были мать и старшая сестра Бальзака. Как очень верно подмечает А. Труайя, «четыре Лоры — это слишком!»

Герцогиня часто звала Бальзака к себе в Версаль, а когда тот отказывался, объясняя это неотложными делами, высказывала ему претензии. Он и сам мечтал насладиться радостью очередной встречи с ней, но с него никто не снимал обязательств: он усиленно работал над романом «Ванн-Клор» и циклом очередных «кодексов», которые по-прежнему пользовались спросом у читателей, вел переговоры с различными газетами. Кроме того, очень много времени у него отнимали дела издательства.

Ждавшей его герцогине он писал из Парижа:

> «Я прощаю тебе, любимый мой ангел, все недобрые упреки, которые ты мне адресовала, и надеюсь, что вскоре вновь буду опьяняться милым взглядом, любоваться дивным личиком. Я не уеду отсюда раньше 4 октября; таким образом, я еще надеюсь получить нежное письмо от моей Мари, но не от недоброй Мари, а от Мари обожаемой. От Мари, которую я так люблю. Я готов лететь к тебе на крыльях, дорогая, но прежде хочу получить письмо, полное любви и примирения. Тогда я приеду, проникнутый благодарностью; теперь ты можешь полностью рассчитывать на мое возвращение».

* * *

Живой, любознательный, начитанный юноша не оставил герцогиню равнодушной. Она сразу поняла, что он — талантливый писатель, который волею судьбы вынужден заниматься какой-то ерундой, лишь бы заработать денег, в которых он очень нуждался. Но если он пишет под чужим именем для кого-то, то почему не для нее и не под ее именем? И тут герцогине пришла в голову гениальная, как ей показалось, мысль.

Вот что пишет об этом автор книги об элегантной жизни Парижа А. Мартен-Фюжье:

> «Герцогиня д’Абрантес играла важную роль при дворе императора, однако ко времени своего знакомства с Бальзаком она разорилась и сделалась просто-напросто вдовой Жюно, рассчитывающей, что начинающий литератор поможет ей сочинить мемуары».

Действительно, она очень хорошо знала Наполеона и его эпоху, в деталях помнила массу придворных историй и начавших забываться скандалов, реально имевших место или вымышленных. Воспоминания обо всем этом могли бы быть интересны читателям, могли бы принести неплохой гонорар.

Сам Бальзак, слушая рассказы герцогини, тоже считал, что она должна издать монументальные «Мемуары», не одну книгу, а целый, как теперь говорят, «сериал» из не менее двух десятков томов.

Биограф Бальзака П. Сиприо также утверждает:

> «В 1825 году, сразу же после знакомства с герцогиней, Бальзак решил, что Лора д'Абрантес должна непременно написать свои „Мемуары“».

Так началось это их сотрудничество: Лора рассказывала Бальзаку занимательные истории из своей жизни и жизни своих великих знакомых, а он литературно обрабатывал ее рассказы и даже писал за нее целые главы ее так называемых «Мемуаров».

П. Сиприо пишет:

> «Герцогиня д'Абрантес вела его сквозь имперскую пышность, сквозь величественную эпоху Наполеона, который, словно на театральных подмостках, воздвигнув новую Империю, Кодекс, Европу и архитектуру, распределял награды, титулы и устраивал неслыханные торжества».

Не обошел вниманием факт сотрудничества и другой биограф Бальзака С. Цвейг, который отмечает:

> «Герцогиня вводит Бальзака в салон мадам де Рекамье и в дома некоторых других своих великосветских знакомых. Он, со своей стороны, помогает ей как можно проворнее сбывать издателям ее мемуары и, быть может, втайне сотрудничает с ней в их написании».

Работа эта, даже с учетом высочайшей производительности Бальзака, была долгой и трудной. Длилась она, по меньшей мере, несколько лет. Однако время было потрачено не зря. Успех многотомного произведения, названного «Мемуарами мадам герцогини д'Абрантес, или Историческими воспоминаниями о Наполеоне, Революции, Директории, Консульстве, Империи и Реставрации», был огромным.

Сочинение в 1831–1834 гг. вышло огромным тиражом во Франции, было переведено на несколько языков, в том числе и на русский. На русском языке, кстати сказать, «Мемуары» вышли в 1835 году под названием «Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, Революции, Директории, Консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов». Всего было издано шестнадцать томов, а перевод выполнил известный критик, издатель и книготорговец Ксенофонт Полевой.

Примерно в это же время вышло еще несколько произведений Лоры д'Абрантес, в том числе шеститомная «История парижских салонов» и «Воспоминания о посольской миссии и пребывании в Испании и Португалии в 1808–1811 годах» и т. д. Кто их писал, остается только догадываться. А. Труайя, например, утверждает:

> «Он помогает ей писать книги, развлекает своей живостью».

Как бы то ни было, любой читавший эти книги подтвердит, что написаны они мастерски. С точки зрения же обилия фактического материала, можно констатировать лишь одно — герцогиня д'Абрантес обладала очень хорошей памятью.

Известно, что Бальзак лично занимался контрактами с парижскими издателями Лявокатом и братьями Гарнье, равно как и рекламой «сочинений» герцогини. Его сотрудничество с Лорой долгое время оставалось в тайне, но когда пришел успех, он попробовал к нему присоединиться. Но, натолкнувшись на решительный отпор в ответе на свой вопрос о том, почему Лора не хочет оставить ему хоть немного заслуги в успехе этого произведения, он не особо настаивал.

А. Моруа по этому поводу замечает:

> «Герцогиня д'Абрантес преподала ему урок макиавеллизма в миниатюре. Она заставила Бальзака изрядно поработать над ее „Мемуарами“, а когда они принесли ей успех, беззастенчиво отрицала какую-либо его причастность к этому».

На эти недоуменные вопросы она очень жестко ответила:

— Я вынуждена так действовать. Как можете вы желать, чтобы я позволила отнять у себя те небольшие достоинства, какими, возможно, отличаются мои произведения?

— Но, мадам… — попытался возразить Бальзак.

Герцогиня прервала его, приложив свой пальчик к его губам.

— Заклинаю вас, будьте серьезным человеком и никому не повторяйте этих своих слов. Вы ведь заботитесь о своей

репутации, подумайте же, что ваше поведение недостойно и граничит с пошлостью.

Впрочем, герцогиня не была такой уж корыстной и неблагодарной. Раз сотрудничество — значит, сотрудничество. В ответ она тоже оказала Бальзаку ряд услуг, которые коренным образом изменили всю его жизнь и фактически сделали его тем, кем он остался в истории мировой литературы.

Глава шестая. Дамба прорвана

Я достиг огромных успехов в своем творчестве по всем направлениям.

Из письма Бальзака Лоре Сюрвилль

Начнем с того, что опытная герцогиня дала Бальзаку ряд советов, без чего, на ее взгляд, невозможно было сделать себе писательскую карьеру. Впрочем, почему только писательскую? Советы эти были бы полезны любому, кто хотел бы взять всю свою жизнь под полный контроль.

Как-то в самом начале их знакомства она заявила Бальзаку:

— Послушайте, друг мой, посмотрите, как вы выглядите: неуклюжий, неловкий, растрепанный, неряшливо одетый. Поверьте, вы производите самое невыгодное впечатление. Ваш взгляд сверкает умом, но все это буквально тонет в этом вашем медвежьем облике. Если вы желаете добиться успеха, если хотите, чтобы вас принимали и уважали в кругах, частью которых вы хотите стать, вы должны выглядеть победителем. Запомните одно правило: если вы человек с будущим, старайтесь не выглядеть так, словно у вас его нет.

Это был первый урок герцогини, который постарался усвоить Бальзак.

Чуть позже она ему сказала:

— Оноре, позвольте вам заметить, что люди веселого склада всегда пользуются большим успехом в обществе, нежели те, кто постоянно жалуется на судьбу и критически смотрит на окружающий мир.

— Легко быть оптимистом, — возразил ей Бальзак, — когда все складывается хорошо.

— Ничего подобного, друг мой. На все нужно уметь смотреть оптимистично. Любую проблему нужно рассматривать с точки зрения наличия в ней какого-то положительного аспекта.

— Чего же, например, оптимистичного в том, что я так много работаю, но никак не могу выбраться из долгов? Мне никто не торопится платить за мой труд, меня все постоянно обманывают. Какой же в этом положительный аспект?

— Все очень просто, и я попробую вас в этом убедить. Вот вы хотели бы, например, получать много-много денег?

— Боже мой, герцогиня, — воскликнул Бальзак, — и вы меня

еще об этом спрашиваете! Конечно, хотел бы.

— А хотели бы вы для этого, — сказала герцогиня с улыбкой, — целыми днями сидеть в какой-нибудь наискучнейшей адвокатской конторе, перекладывая бумажки и выслушивая распоряжения какого-нибудь зануды?

— Нет, не хотел бы.

— Значит, если я вас правильно поняла, свобода для вас дороже?

— Конечно, дороже.

— И вы готовы были бы отдать часть своих денег за эту свободу?

— О, сударыня, без всякого сомнения, да я все отдал бы за это!

— Ну вот вам и положительный аспект — сейчас вы свободны и можете заниматься любимым делом. А ваше нынешнее материальное положение — это и есть та самая плата за вашу свободу.

И это был второй урок герцогини, который постарался усвоить Бальзак.

* * *

Прошло совсем немного времени, и дела Бальзака, следовавшего советам герцогини д'Абрантес, явно пошли на лад.

Для начала она пригласила его к себе, когда там собралось так называемое «общество». Это был первый серьезный выход Бальзака в свет, и он очень волновался. Мы располагаем подробным описанием подобного же появления у герцогини другого молодого человека, изложенном в книге «Жизнь, как она есть. Записки неизвестного», изданной Л. Брантом в Санкт-Петербурге в 1843 году. Описание это забавно само по себе, ибо достаточно красноречиво отражает царившие в то время салонные нравы, но для нас интересно оно и тем, что, похоже, то же самое мог бы рассказать о своем первом появлении на приеме у герцогини и Бальзак. Вот небольшой отрывок из этого описания:

> «В назначенный вечер я не преминул явиться к мадам Жюно и застал у нее довольно многолюдное общество, большею частью состоявшее из одних мужчин. Некоторые из них были в очках, и почти все с физиономиями, очень выразительно говорившими: „Мы люди мудрые, литераторы! В наших руках общественное мнение; мы законодатели ума и вкуса; что мы скажем, то

и свято!“ В числе этих мнимых представителей общественного мнения заметил я несколько лиц, которые с первого взгляда производили неприятное впечатление. Корыстолюбие, недоброжелательство, интрига, злость изображались в глазах их, как в верном зеркале, искусно освещенном. Тем не менее, они старались казаться справедливыми, беспристрастными, благонамеренными. Но, несмотря на все усилия, настоящая природа этих господ проглядывала в их речах и суждениях, невольных обмолвках и даже в самых внешних движениях, иногда очень удачно передающих движения внутренние».

— А вот наконец и вы, друг мой! — сказала герцогиня, встречая Бальзака посреди своей гостиной. Потом, отведя его чуть в сторону, она вполголоса прибавила:

— Видите, какой у меня собрался здесь ареопаг мужей великих и знаменитых, хотя, по чести сказать, без особенных на то причин, я охотно бы лишила себя удовольствия принимать этих господ. Между ними, скажу вам по секрету, только два или три человека заслуживают дружбу и уважение честных людей… Остальные же… Но сядемте, и я в нескольких словах постараюсь изобразить вам каждого из них…

После этого из уст словоохотливой герцогини, которая близко знала все закулисные сплетни, полился поток самых язвительных, самых едких эпиграмм.

— Одни из них злы по природе, другие сделались злы по обстоятельствам, вследствие привычки постоянно говорить неправду и все порицать; третьи не добры, не злы, а просто бесхарактерны, по недостатку чувства благородного стыда и уважения к самим себе. Таков, например, вот этот высокий журналист. Он воображает себя первым острословом в мире и в этом счастливом убеждении беспрестанно издевается над всем и всеми, вечно шутит и смеется. Сначала он привлекал к себе толпу, падкую на подобные фарсы, но скоро она отступилась от него и заклеймила его прозвищем уличного шута. На мой же взгляд, он не смешон, а жалок…

А вот, например, посмотрите налево, один из газетчиков. Он знает английский и итальянский языки, очень деликатно ходит, искусно кланяется и выражается отборным, сладким слогом, особенно когда обращается к прекрасному полу и думает блеснуть своею любезностью. Но я не буду слишком долго распространяться о нем. Он так ничтожен, что не стоит даже осуждения.

— Довольно, довольно, герцогиня! Если верить вашим словам, а я не смею им не верить, то всех этих господ стоило бы перевешать…

— На самой крепкой и узловатой веревке, потому что они изворотливы и скользки, как змеи…

Конечно, можно сказать, что это были злопыхательства «выпавшей из обоймы» светской львицы. Но можно посмотреть на это и по-другому: Лора д'Абрантес таким вот кардинальным способом лишала Бальзака иллюзий и повышала его самооценку. Словом, учила жизни.

У С. Цвейга читаем об этом:

> «Бальзак еще не пробился, он еще не знаменит, но одного он уже достиг: Париж заинтригован новоявленным юным писателем, этим месье Бальзаком. Его приглашают в свет, он вынужден заказывать своему портному роскошные фраки и замысловатые жилеты, герцогиня д'Абрантес представляет его мадам Рекамье, чей салон в те времена был подлинной литературной биржей. У конкурирующей фирмы — мадам Софи и Дельфины Ге — он знакомится со своими уже прославленными собратьями Виктором Гюго, Ламартином, Жюлем Жаненом, и теперь необходимо только последнее усилие, чтобы и второе его желание, которое он загадал, исполнилось — он хочет быть не только любим, но и знаменит».

* * *

Салон мадам де Рекамье! Здесь мечтал побывать хотя бы разок любой начинающий артист, художник или писатель. Мог ли юный Бальзак оказаться здесь без помощи герцогини д'Абрантес? На этот вопрос совершенно однозначно отвечает А. Мартен-Фюжье:

> «У нее оставались кое-какие светские связи; именно ей Оноре был обязан приглашением в салон мадам Рекамье».

В 1825 году уроженке Лиона Жюльетте де Рекамье было сорок восемь лет. Вдова крупного парижского банкира, разоренная, но все еще отличавшаяся удивительной красотой и ставшая европейской знаменитостью, она собирала у себя людей самых разных. И все они были знаменитостями.

Вот что рассказывает о ее салоне П. Сиприо:

> «Около пятидесяти завсегдатаев, политических деятелей и людей творческих профессий, посещали салон мадам де Рекамье по меньшей мере два раза в месяц, чтобы послушать, как писатели будут читать свои новые произведения. Музыканты играли приятную музыку, актеры декламировали стихи».

Из политических деятелей здесь бывали бывший министр иностранных дел Матье де Монморанси, все еще бывший в фаворе, и управляющий изящными искусствами виконт Состен де Ларошфуко, из людей творческих профессий — писатели Франсуа-Рене де Шатобриан (он был любовником хозяйки салона) и Бенжамен Констан, поэт Альфонс де Ламартин, журналисты Поль Дюбуа, главный редактор «Глоб», и Луи Бертен, основатель «Журналь де Деба», а также историк и филолог Жан-Жак Ампер, естествоиспытатель Александр Гумбольдт, дипломат Проспер де Барант. Иногда заходил знаменитый актер Франсуа-Жозеф Тальма и читал отрывки из Расина и Дюси.

Литератор и критик Этьен Делеклюз, бывавший у мадам де Рекамье, описывает ее приемы так:

> «Мадам Рекамье подготавливала вечера, на которых гости должны были развлекать друг друга одной только беседой, с настоящим искусством, с тех пор уже позабытым. Эти обычно многочисленные собрания, естественно, состояли из различных кружков людей, которых связывали схожие вкусы, а главное — общие политические убеждения… Чтобы было легче сводить друг с другом гостей по мере их прибытия, мадам Рекамье утром составляла из стульев пять-шесть кружков, довольно удаленных друг от друга, чтобы дамы могли сидеть, а мужчины — переходить между ними и останавливаться там, где им угодно».

По словам А. Мартен-Фюжье, этот «салон успел сделаться поистине легендарным», а великий Шатобриан писал, что «в этой бесподобной келье никто не бывал лишним».

Быть принятым божественной Жюльеттой де Рекамье значило удостоиться величайшей милости. Казалось, ее волшебные чары облегчали подъем по любой, даже самой крутой лестнице. Как отмечает А. Мартен-Фюжье, мадам де Рекамье умела «ставить на рельсы».

О том, что она действительно умела это делать,

свидетельствует тот факт, что именно здесь начинали свою писательскую карьеру Стендаль, Гюго, Ламартин, Мюссе и многие другие.

Герцогиня д'Абрантес, давняя подруга мадам де Рекамье, привела сюда Бальзака. Биограф мадам де Рекамье Ф. Важне, описывая его первое появление, называет его «симпатичным толстым юношей», который «придет в искренний восторг от оказанного ему приема». Очень важным нам представляется следующее замечание Ф. Важне:

> «Он пишет небольшой роман под заглавием „Шагреневая кожа". Его зовут Оноре де Бальзак, но кто тогда о нем знал».

Итак, никому не известный Бальзак впервые прочитал в салоне у мадам де Рекамье отрывок из своей «Шагреневой кожи». Отрывок получил благосклонное одобрение. Э. Делеклюз присутствовал при этом, и впоследствии так описывал Бальзака:

> «Перед гостями предстал коренастый молодой человек среднего роста. Черты его лица, хотя и простоватые, свидетельствовали о чрезвычайно живом уме».

Э. Делеклюз подчеркивал также «наивную радость» Бальзака, которую «можно было сравнить только с радостью ребенка». Он писал:

> «Этому человеку пришлось собрать остатки своего рассудка, чтобы не броситься в объятия всем присутствующим».

Это преувеличенное выражение радости А. Моруа находит вполне естественным:

> «Страстное желание попасть к мадам Рекамье и долгое ожидание этого дня оправдывали непомерную радость Оноре».

Лора д'Абрантес представила Бальзака своей влиятельной подруге:

— Прошу вас, Жюльетта, внимательно присмотритесь к этому молодому человеку с пылающим взглядом и черными как смоль волосами. Обратите внимание на его нос, а главное — на рот, особенно когда какая-нибудь лукавая мысль приподнимает уголки этого рта. Что видите вы в этом взоре? Презрение?

Насмешку? Нет, в нем светится доброта, когда он обращен на друзей. Этот молодой человек — месье Бальзак. Он очень талантлив, но совсем неопытен.

— Отрывок, который вы прочитали, очень неплох, месье Бальзак, — сказала мадам де Рекамье, одобрительно улыбаясь. — Это у вас что, роман? Он у вас закончен? Интрига, должно быть, блещет новизной, а чувства героев трактованы своеобразно? Так всегда бывает в первых романах, если, конечно, их написал не законченный графоман.

— Да, это роман, мадам. Он еще не закончен, но не мне судить о его красотах и недостатках.

— Молодой человек, — рассмеялась мадам де Рекамье, — сразу видно, что вы весьма неопытны в подобного рода делах. Ну да ничего. Мы вам быстро нарисуем общую картину нашей парижской литературы со всеми ее нравами и бесчисленными представителями. Что же касается своего суждения, то его нужно иметь всегда. Тем более когда речь идет о вас. И это суждение обязательно должно быть положительным.

— Простите, но не могу согласиться с вами, мадам. Хвалить себя — это занятие весьма щекотливое, можно показаться нескромным. К тому же я и правда не уверен, что мой роман хорош.

— Вы правы, скромность украшает молодого человека, но не начинающего писателя. Ему излишняя скромность может только повредить, ведь если у него, знающего свое произведение вдоль и поперек, нет уверенности в его достоинствах, то откуда же такая уверенность появится у других, у тех, кто этого произведения пока и в глаза не видел?

— Но ведь вы, мадам, отметили, что мой отрывок неплох…

— Да, неплох. И именно поэтому я хотела бы вывести вас из заблуждения. Я видела много неплохих начинающих писателей, но, поверьте моему опыту, из них пробились наверх только очень уверенные в себе люди. Запомните, никогда не надо упускать случай лишний раз подчеркнуть свою состоятельность и востребованность. Как говорится, сам себя не похвалишь — никто не похвалит.

— Но ведь общество, для которого…

Мадам де Рекамье остановила мысль Бальзака движением руки:

— Так называемое общество, молодой человек, у нас большей частью злое, ядовитое, гадкое снаружи и внутри. Не стоит ждать от него милостей, нужно все брать самому.

— Но мне кажется, что хорошую книгу унизить трудно, и истинное дарование рано или поздно, несмотря ни на что,

узнается и признается всеми…

— О, без всякого сомнения! Но из этого не следует, однако же, что истинное дарование должно скромно сидеть и ждать. Поверьте мне, молодой человек, посмертная слава не имеет никакого смысла, с ней надо жить.

Этот их первый разговор длился всего несколько минут, но последние слова мадам де Рекамье, как и уроки герцогини д'Абрантес, Бальзак постарается запомнить на всю жизнь.

* * *

После успеха в салоне мадам де Рекамье Бальзак самым невероятным образом вдруг «встал на рельсы», что дало повод А. Моруа написать:

> «Оноре начал встречаться с представителями света, то есть двух или трех тысяч лиц, которые знакомы между собой, бывают друг у друга и, обладая необходимым досугом, уделяют очень много внимания чувствам».

Для начала он был принят в музыкальном салоне графини де Мерлен. Потом писательница Софи Гэ (урожденная Нишо де Лавалетт), в салоне которой блистали молодые романтики, также пожелала видеть у себя Бальзака.

Конечно, Бальзак был счастлив. Еще вчера о подобном он не смел и мечтать. Но, посещая все эти салоны, он испытывал одновременно и простодушную радость оттого, что его приглашали как одного из избранных, и некоторую горечь, ибо он догадывался, что это пока происходило лишь благодаря протекции герцогини д'Абрантес.

Юные щеголи во фраках, сшитых за 5000 франков, транжиры родительских состояний и любовники земных богинь свысока посматривали на пока еще неизвестного чужака; а он оценивал их и завидовал, завидовал, завидовал.

О своих переживаниях в то время Бальзак писал:

> «Я страдал всеми фибрами души, страдал так, как только может страдать человек; лишь изгои да женщины умеют остро наблюдать, потому что их все ранит, а душевные страдания обостряют наблюдательность».

Наблюдая за мужчинами, Бальзак многому у них учился. Что же касается женщин, восхитительных и недоступных, то Бальзак любовался ими, ни на что не надеясь. И все же как он хотел быть

похожим на первых, что же касается последних — как он их всех желал!

* * *

Сотрудничество с герцогиней д'Абрантес начало становиться взаимовыгодным. Бальзак сменил гардероб, стал выглядеть более уверенным в себе, завел в Париже массу полезных знакомств. Всем этим, по словам С. Цвейга, он был обязан своей новой связи, «в которой было не столько истинной любви, сколько взаимного чувственного влечения и любопытства ума». Ироничный С. Цвейг еще называл их отношения «своеобразным товариществом». Оба они долго были в долгах, оба отличались жадностью до жизни, оба продолжали еще длительное время «по-товарищески помогать друг другу, хотя кратковременная страсть их уже давно отпылала».

После того как Бальзак стал своим человеком в королевстве под названием «герцогиня д'Абрантес», в королевстве изящной словесности ему тут же начала улыбаться удача.

В сентябре 1825 года в свет вышел его роман «Ванн-Клор». Пока еще под псевдонимом Орас де Сент-Обен. Но зато его издатель уже разговаривал с Бальзаком вполне уважительно, а потом замолвил за него слово перед одним из своих постоянных авторов, Анри де Латушем, который пользовался определенным весом в газетах.

— Вот книга мужественного молодого человека с большим будущим, — сказал он. — Вы пользуетесь влиянием и должны оказать ему услугу, написав о нем несколько одобрительных слов.

Месье Латуш редактировал «Фигаро», и с января 1826 года Бальзак начал сотрудничать с этой газетой.

* * *

Мадам де Берни, которой в мае 1826 года исполнилось сорок девять лет, конечно же, была информирована о связи Бальзака с герцогиней д'Абрантес, бывшей на семь с половиной лет моложе ее. Возможно, ее осведомила об этом мадам Бальзак, которая, будучи в гостях у Сюрвиллей, узнала о новом любовном приключении сына и, видимо, не без ехидной задней мысли проявила нескромность.

Тем не менее благородная женщина по-прежнему продолжала помогать своему юному другу, что вызывало у отца Бальзака

чувство признательности к ней. Супруги Бальзак простили «даме с околицы» ее грехи, ибо она искупала их, вкладывая деньги в деловые начинания их Оноре. Однако мадам де Берни сильно страдала из-за неверности своего возлюбленного. Чтобы хоть как-то успокоиться, она придумала себе иллюзию, что молодому человеку это было нужно для его карьеры.

Бальзак же, который, похоже, уже «вырос» из материнской любви и нуждался в любви женщины, более плотской и более откровенной, без труда переносил разлуку с Лорой де Берни. Не то чтобы ему совсем не хотелось увидеться с ней, нет, но желание это угасало, едва возникнув. Расстаться с ней без сожалений? Нет, этого ему тоже не хотелось. Он еще был привязан к ней какими-то невидимыми нитями. Его все еще влекло к ней прежнее чувство, которое он сам еще совсем недавно именовал любовью. Но любовь ли это была? А если и нет? Если это и был всего лишь обман, ведь она сама согласилась на него.

* * *

Неразрешимая дилемма! По этому поводу А. Труайя замечает:

> «Ветреный любовник не знает, на что решиться: одна возлюбленная хранит воспоминания о наполеоновских походах, другая — искренне любит, да и ее финансовая поддержка никогда не будет лишней».

Любовная связь с герцогиней д'Абрантес льстила Бальзаку, отношения с ней были для него очень полезны. Но и Лора де Берни никак не оставляла его. Одна Лора, другая Лора… Как было сохранить одну, не потеряв в то же время другую? Периодически наступали моменты, когда его первая Лора одерживала верх, и он начинал отдаляться от второй. В ответ на это она разражалась яростными и презрительными посланиями.

Вот, например, что писала ему герцогиня д'Абрантес в самом начале 1826 года:

> «Ваше упорное нежелание приехать более чем смешно. Чтобы успокоить Ваши опасения, говорю без всякого гнева: полное безразличие сменило в моем сердце все, что было в нем прежде. Говоря „безразличие“, я именно это и имею в виду, так что не страшитесь ни сцен, ни упреков. Однако мне необходимо Вас увидеть; как ни странно, но так оно и есть. Если бы

тут не были затронуты интересы моей семьи, моего будущего, да и Ваши, поверьте, я бы согласилась считать недействительными все отношения между нами — прошлые, настоящие и грядущие.

А посему соблаговолите не забывать, что я женщина, и проявите ко мне хотя бы ту простую и необходимую вежливость, какую всякий мужчина проявляет к самой последней из нас. Неужели Вы настолько слабы, что боитесь ее ослушаться, бедняга! В таком случае это еще более достойно сожаления, чем я думала.

Соблаговолите прислать мне книги, которые Вам выдавали по моей просьбе: библиотекарь Версаля напоминал мне о них уже, по крайней мере, раз десять».

После таких писем Бальзак вновь возвращался к герцогине д'Абрантес — как и большинство мужчин, он был не в силах противостоять соблазнам.

Виделись они тайком, в уединенном флигеле в Версале. Облокотившись на подоконник, они вместе любовались «чудесными колдовскими звездами» и наслаждались «величавой тишиной, нисходившей на душу». Мягкие летние ночи были так милы любовникам, не стремившимся быть увиденными.

А. Моруа пишет об их отношениях так:

«Как все стареющие женщины, она говорила о своих горестях, о том, что к ней до времени пришло увядание, о разбитых надеждах. Меланхолия — весьма действенная форма кокетства. Как все молодые люди, Оноре утешал герцогиню; сам не веря тому, что говорит, он утверждал, будто многие женщины, которым гораздо больше лет, чем ей, вновь живут прекрасной и сладостной жизнью. Она укоряла его за то, что он принес ее в жертву „ради своих старых оков". Он произносил торжественные и лживые клятвы, обещал видеться с нею чаще, но прибавлял: „Надо только, чтобы моя сестра ничего не узнала"».

Врать женщине — дело нужное и полезное. Без этого редко можно построить с ней нормальные отношения. Ну что, казалось бы, сложного в том, чтобы пообещать не видеться больше со своей «бывшей»? Элементарно. Главное, чтобы ложь была понятна женщине и отвечала ее внутренним чаяниям. А еще неплохо, чтобы она была изложена красиво и уверенно, тогда есть больше шансов, что женщина поверит.

* * *

Его «старым оковам» — мадам де Берни — было уже за пятьдесят, но она все еще оставалась страстно влюбленной в Бальзака. Ах, как она отличалась теперь от той великолепно владевшей собою и чуть насмешливой женщины, какой она была в начале их знакомства! Ныне она любила своего слишком молодого возлюбленного с совершенно безумным пылом; она восхищалась в нем всем, и прежде всего — его постепенно встающим на ноги гением.

Вот пример одного из ее писем Бальзаку:

> «О, мой дорогой! Мой божественный! Все, что я могу, — это пребывать в экстазе, погружаясь в свои воспоминания. Как передать тебе, до чего я счастлива! Чтобы понять, ты бы должен был познать самого себя, а это невозможно, главное же — тебе невозможно постичь, что ты значишь для меня.
>
> Если бы в безумных грезах у меня явилось желание быть любимой так, как любят лишь на небесах, и если бы это желание полностью осуществилось, то даже тогда мое блаженство ничего бы не стоило в сравнении с тем, какое даруешь мне ты. О, что бы мне такое сделать? Где найти силу, могущество — все, что мне необходимо, все, чем я хотела бы заплатить за такую любовь?..
>
> Тебе мой привет, любовь и хвала!»

В другой раз она писала:

> «Уже рассветает, прими же мой привет, милый, прими от меня привет, мой нежный властелин!»

Одного только она не понимала: как может человек с такой возвышенной душой скрывать что-либо от той, которая так обожает его? Она знала, что Оноре продолжает встречаться с герцогиней д'Абрантес.

Видясь со своей первой Лорой, Бальзак уклончиво отвечал:

— Как можешь ты требовать, Лора, чтобы я вот так разом порвал с ней? Как могу я не заплатить свой долг особе, которая так много сделала для меня?

В постели с ней он был готов обещать все что угодно, однако, предоставленный самому себе, тут же отправлялся в Версаль и работал там над рукописями герцогини, которая вслед за этим вознаграждала его на свой лад. И ей он говорил те же слова:

— Как можешь ты требовать, чтобы я вот так разом бросил ее? Ведь она так много для меня сделала и так по-матерински привязана ко мне. Это было бы жестоко.

В 1828 году Бальзак бежал из дома на улице Марэ-Сен-Жермен, который осаждали кредиторы, и снял себе квартиру на третьем этаже в доме № 1 на улице Кассини, возле Обсерватории. В те времена квартал Обсерватории находился, казалось, на краю города, и сразу за домом начинался Люксембургский сад, огромный, как лес.

Бедная мадам де Берни, догадываясь, что ее любимый в Париже, приходила на улицу Кассини пешком (ближний свет!), а соседи каждый раз сообщали ей, что Бальзака нет дома. Бедная женщина понимала, что ее Оноре в Версале, с другой. Компенсируя обиду, она наказывала его церемонным «вы»:

> «Очень прошу Вас сообщить, могу ли я, невзирая на солнце или дождь, прийти на улицу Кассини в три часа? Прощай, милый, прощай».

Любой моралист, не задумываясь, осудил бы такое поведение Бальзака, но сам он даже пытался его оправдывать. Например, в своей статье «О художниках» он написал:

> «Человек, превративший свою душу в зеркало, где отражается целый мир, где возникают по его воле картины стран с их нравами, образы людей с их страстями, такой человек неизбежно оказывается лишен того рода логики, того упрямства, которое принято называть характером. Он немного беспутен (да простят мне это выражение). Он увлекается, как дитя, всем, что его поражает… Он может любить свою любовницу до обожания и покинуть ее без всякой видимой причины…»

Как видим, Бальзак просто провозглашал право художника на непостоянство.

О его отношении к мадам де Берни у А. Моруа читаем:

> «Короче говоря, он различал два вида любви и еще третий, где они переплетались. В молодости приятели, с которыми он встречался в кафе, привили ему вкус к сомнительным любовным похождениям. „Природа наделила нас желанием; надо поститься как можно меньше… Любовью следует заниматься в согласии с законами общества, не выпуская из рук кодекса и следуя этикету. К ней нужно относиться как к танцам, пению

или фехтованию“. Любовь такого сорта уже по самой своей природе неверна; она готова удовольствоваться любой доступной женщиной с бело-розовым телом.

Но вожделение и страсть — это еще не любовь. „Мужчины и женщины могут, не боясь обесчестить себя, питать страсть к нескольким людям сразу: ведь так естественно стремиться к счастью! Но подлинная любовь всегда одна в жизни“. Эту единственную любовь он испытывал к мадам де Берни.

Одновременно чувственная, благоразумная и нежная, она была для него „точно ангел, сошедший с небес“. Она угадала его талант, помогла ему сформироваться, направляла его. Не будь этой женщины, гений Бальзака, может быть, никогда не расцвел бы. И он это знает».

Его отношение к Лоре де Берни было соткано частично из желания иметь некий «заменитель» матери, частично из юношеского влечения к особе противоположного пола, частично из подлинного чувства. Когда дело касалось влечения плоти, он был не слишком постоянен, но чувство его, как это ни парадоксально, оставалось неизменным и верным.

Но ведь женщина тоже не бесполый ангел. Плоть ее тоже порой начинает предъявлять свои права, и тогда даже удивительная самоотверженность не может преодолеть тот антагонизм, который существует у мужчин между страстью к женщине и стремлением к успеху. Этот антагонизм раздирает душу любого творца. Успех — это великое наслаждение, и кто сказал, что оно не может быть сильнее телесного наслаждения с женщиной? Успех — это дитя дерзости или холодного расчета, но в любом случае не добродетели. Всякая женщина, которая рискнет полюбить творца, достигшего успеха, обрекает себя на муки, которые она рано или поздно испытает.

* * *

Между тем, в семье у Бальзака дела шли не слишком-то хорошо. Его отец, Бернар-Франсуа, тяжело заболел. Никогда не признававший докторов и сам себя лечивший, старик начал медленно угасать, и помочь ему было невозможно. К концу апреля 1829 года врачи объявили, что ему, надеявшемуся прожить до ста лет, жить осталось от силы месяц-другой; у него нашли абсцесс в области печени, а это по тем временам был

приговор. Ему сделали операцию, но неудачно.

Бернар-Франсуа Бальзак умер 19 июня 1829 года, месяц не дожив до восьмидесяти трех лет. Отпевание состоялось два дня спустя в церкви Сен-Мерри, похороны — на кладбище Пер-Лашез.

Сказать, что Бальзак переживал, — это значит ничего не сказать. У мужчин почему-то не принято показывать свое горе на людях (недаром термин «плакальщица» не имеет мужского рода). Вот и Бальзак переживал свое горе внутри себя. С другой стороны, он понимал, что восемьдесят три года — это серьезный возраст, и ничего тут не поделаешь. Вообще, когда умирают близкие люди, начинаешь по-другому оценивать и свою жизнь, приходит осознание того, что жизнь коротка и твоя очередь может быть следующей, а еще так много надо сделать.

Вот что пишет по поводу отношения Бальзака к отцу А. Труайя:

> «Смерть отца его глубоко взволновала. Посмеиваясь над старческими причудами Бернар-Франсуа, уловками и заботами в попытке избежать болезней, сын испытывал к нему благодарность: своеобразие, оптимизм, наивность этого человека даже в воспоминаниях продолжали очаровывать, контрастируя с жесткостью и авторитарностью матери. Рядом с ним он никогда не испытывал неловкости, в ее присутствии нередко ощущал себя чужаком в доме».

* * *

В 1829 году у Бальзака (ему в этот год исполнилось тридцать) были опубликованы два первых произведения, подписанных его собственным именем, которые наконец-то принесли ему славу и открыли перед ним двери самых престижных издательств. Это был роман «Шуаны» и трактат «Физиология брака».

С. Цвейг по этому поводу рассказывает:

> «Путь еще не свободен, но дамба уже прорвана, и со всей мощью запруженного потока низвергается подобно каскаду безмерная творческая сила Бальзака. С тех пор как Париж заприметил разностороннее дарование этого молодого писателя, который в одно и то же время может испечь в одной духовке столь солидный пирог, как исторический роман, и столь пикантный пирожок, как „Физиология брака“, Бальзак „почти обезумел от успеха и от избытка заказов“».

Роман «Шуаны» вышел в четырех томах в издательстве Урбэна Канеля, все расходы по публикации взял на себя Анри де Латуш. Первоначальный тираж «Шуанов» должен был составить тысячу экземпляров. Бальзак, зная, что роман впервые выйдет под его фамилией, хотел видеть его совершенным и несколько раз испещрял корректуру всевозможными поправками и дополнениями. От этого Латуш приходил в ярость, ведь все эти бесконечные улучшения стоили очень дорого.

— Чем, черт побери, вы забиваете себе голову? — кричал он.

— Мне нужен еще месяц для окончания книги, — убеждал его Бальзак.

Но и через полтора месяца он все еще продолжал заниматься улучшениями, а заодно потребовал два десятка авторских экземпляров для родных и знакомых.

Латуш выходил из себя:

— Вы сошли с ума! Расходы и так уже выросли на пятьсот франков, а это полфранка на книгу! Все сроки сорваны, а теперь мне еще придется бесплатно отдавать вам экземпляры из моей тысячи, то есть фактически из моего кармана! Если бы я знал, что так будет, поверьте, я ни за что бы не стал связываться с этим делом!

Работа над «Шуанами» еще не завершилась, а к Бальзаку ворвался издатель Левассёр и напомнил ему в довольно резкой форме о том, что он, Левассёр, год назад выплатил ему, Бальзаку, аванс в 200 франков за «Руководство для делового человека». Бальзак, увлеченный «Шуанами», и думать забыл об этой сделке, но Левассёр настаивал и угрожал.

Не желая прерывать работу над первым серьезным романом ради сочинения какой-то случайной поделки, Бальзак предложил Левассёру такой вариант: у него среди рукописей завалялся другой текст, и если издатель согласен, он переработает его и тем самым покроет свой долг. Левассёр, видимо, хорошо представлял себе, что выцарапать наличные в такой ситуации практически невозможно, а посему согласился. Так появилась «Физиология брака».

Роман «Шуаны» — это исторический роман «про войну». Очень качественный роман, но женщины подобного рода произведения не читают. А ведь именно они во все времена составляли основную читательскую аудиторию, обеспечивая издателям вожделенные тиражи, а писателям — не менее вожделенные гонорары.

Трактат «Физиология брака» — это совсем другое дело. Он имел в Париже просто феноменальный успех. Эта блестящая и поразительно откровенная книга была написана «юным

холостяком» на основе признаний и рассказов мадам де Берни и герцогини д'Абрантес. Однако стиль повествования, одновременно лирический и циничный, целиком и полностью принадлежал Бальзаку. Главную мысль книги можно свести к простой формуле: брак отнюдь не вытекает из природы человека, а супружество — это бесконечная междоусобная война, требующая своего особого оружия, своей тактики и стратегии, и победа в ней (то есть свобода) достается лишь наиболее ловким.

Естественно, автор трактата выступал на стороне женщин, впрочем, а могло ли быть иначе, если его консультантами выступали две его любовницы, имевшие на него огромное влияние? Не менее естественно и то, что женщины буквально сметали эту книгу с прилавков.

Успех, который имели «Шуаны» и, главным образом, «Физиология брака», открыл перед Бальзаком двери многих известных домов. Каждая парижская дамочка просто мечтала видеть у себя скандально популярного автора, чтобы выразить ему свою признательность за понимание «бесправного положения, на которое их обрекает общество и слепота мужей». Каждая хотела получить на книге его автограф, чтобы потом показывать «трофей» подругам. Каждую среду, по вечерам, у художника Франсуа Жерара, в такой же мере светского человека, как и артиста, Бальзак встречался с людьми из парижской элиты, и все они цокали языками, выражая тем самым свое восхищение молодым писателем.

Впрочем, находились люди, которые открыто критиковали Бальзака за его «Физиологию брака». Так, например, умнейшая женщина Зюльма Карро была просто шокирована содержанием книги и прислала ее автору негодующее письмо. Бальзак ответил ей:

> «Чувство отвращения, которое Вы испытали, мадам, прочтя первые страницы подаренной мною книги, делает Вам честь и свидетельствует о такой деликатности, что ни один умный человек, если он даже автор произведения, не может этим оскорбиться. Ваше чувство доказывает, что Вы чужды лживому и коварному свету, что Вам незнакомо общество, позорящее все и вся, и что Вы достойны того возвышенного одиночества, в котором человек всегда обретает величие, благородство и чистоту.
>
> Пожалуй, для автора весьма печально, что Вам не удалось преодолеть это Ваше первое чувство. Я полагаю, что в дальнейшем Вы примирились бы с писателем,

прочтя несколько убедительных наставлений и пламенных доводов в защиту добродетели женщины; но могу ли я поставить Вам в упрек это отвращение, которое только делает Вам честь».

Такова уж судьба любого популярного произведения: всегда найдутся интеллектуалы, которым оно категорически не понравится. Судя по вышеприведенному письму, Бальзак это прекрасно понимал и не обижался. Всем понравиться невозможно. Зато факт оставался фактом: еще четыре года назад никому не известный писатель, выпустив только две книги, стал предметом соперничества издателей и баловнем книготорговцев. Далее все пошло как по маслу. В 1830 году вышел сборник новелл «Сцены частной жизни», а в 1831 году — знаменитый роман «Шагреневая кожа», в котором рассказывалось о том, как эгоистическая воля человека, материализованная в куске кожи, уменьшавшемся после каждого исполненного желания, пожирала его жизнь.

Роман «Шагреневая кожа» — это первый настоящий роман Бальзака, дающий представление об истинном размахе его таланта. Этот роман в двух томах Бальзак продал издателям Шарлю Гослену и Урбэну Канелю за 1125 франков. Неплохо, если вспомнить, что десять лет назад его отцу была назначена пенсия в 1695 франков в год, или чуть больше 140 франков в месяц.

Кроме того, Бальзак пообещал Канелю «Сцены военной жизни». Никакая работа не пугала его, а обещания тем более. Главное, подписать договор и получить аванс, а там видно будет. Все-таки работоспособность у него была удивительная.

В эти годы Бальзак написал также бесчисленное множество статей, которые довольно хорошо и быстро оплачивались.

С. Цвейг, сам известный и весьма плодовитый писатель, не может скрыть своего восхищения:

«Едва только имя его приобрело некоторую известность, как Бальзак за два года — 1830 и 1831 — опубликовал такое множество новелл, небольших романов, газетных статей, легкой журнальной болтовни, коротких рассказов, фельетонов, политических заметок, что в анналах литературы почти что нет подобных примеров. Если подсчитать одно только количество страниц в семидесяти бесспорно принадлежащих ему публикациях за 1830 год (возможно, что наряду с этими он писал еще и другие, под чужим именем) и в семидесяти пяти за 1831 год, то окажется, что он каждый день писал почти шестьдесят страниц, не считая работы

над корректурой. Нет ни одного обозрения, ни одной газеты, ни одного журнала, в которых внезапно не обнаруживалось бы его имя. Он пописывает в „Силуэте“, „Волёре“, „Карикатуре“, „Моде“, „Ревю де Пари“ и в десятках других разношерстных газетах и журналах. Он еще болтает порой в фельетонном стиле своих прежних „кодексов“ о „философии туалета“ и „гастрономической физиологии“. Нынче пишет он о Наполеоне, а завтра о перчатках, прикидывается философом в рассуждениях „о Сен-Симоне и сен-симонистах“ и оглашает „Мнения моего бакалейщика“, изучает особенности „Клакера“ или „Банкира“, разбирает по косточкам „манеру вызывать мятеж“, а потом набрасывает „моралите бутылки шампанского“ или „физиологию сигары“».

* * *

Действительно, Бальзак развил кипучую деятельность. Газеты и журналы с лестной для автора настойчивостью просили у него все новые и новые статьи, новеллы, повести.

— Вы теперь просто нарасхват, — говорил ему, хлопая по плечу, Луи Верон, издатель журнала «Ревю де Пари».

К ноябрю 1831 года его известность достигла таких масштабов, что пробудила в литературных кругах враждебное отношение к нему. Шарль Рабу, сотрудник «Ревю де Пари», предостерегал Бальзака против зависти собратьев по перу и предупреждал его, что очень влиятельный критик Жюль Жанен намерен остановить его стремительное восхождение, сама внезапность и скорость которого казались ему оскорбительными для остальных:

— Он сумел убедить в этом редакцию «Журналь де Деба», и там вас теперь ненавидят всеми фибрами души. Поднялась целая буря. Ну ничего! Сплотим свои ряды, черт побери!

Так Бальзак понял, что слава писателя отнюдь не доставляет удовольствия его «друзьям». Людская злоба не раз и не два пыталась преградить ему путь к успеху. Так, например, пресловутая частица «де» давала превосходный повод для насмешек. Он не сразу прибавил ее к своей фамилии: «Шуаны» и «Сцены частной жизни» были подписаны просто «Оноре Бальзак». В апреле же 1831 года писатель рискнул (по совету герцогини д’Абрантес) написать на обложке одной политической брошюры «Оноре де Бальзак», но недоброжелатели тут же прибавили к этому имени «д’Антраг», чтобы поставить его в смешное

положение[9].

Это дало повод А. Моруа написать:

> «Ему было суждено всю жизнь служить мишенью для самых нелепых, самых несуразных, самых клеветнических нападок на его личность и на его творчество. Зависть умеряет свое бешенство, только вдоволь насладившись своей низостью».

* * *

1831 год, принесший Бальзаку литературный успех, казалось бы, должен был принести ему и финансовое благополучие. Он получил 1125 франков за «Шагреневую кожу», 3750 франков за «Сцены частной жизни», 5250 франков за «Философские повести и рассказы» и «Озорные рассказы», 4166 франков за статьи в журналах и газетах. В сумме это составило более 14 000 франков, то есть гораздо больше, чем нужно было холостяку, чтобы жить на широкую ногу.

Между тем долг Бальзака не только не уменьшился, но, наоборот, даже увеличился на 6000 франков: он достиг 15 000 франков, не считая суммы в 45 000 франков, которую плодовитый писатель был должен матери после провала авантюры с приобретением типографии. Как же такое могло быть?

Все очень просто. Бальзак не умел противостоять соблазнам.

У А. Моруа можно найти этому объяснение:

> «Долгое воздержание рождает стремление к излишествам… Бальзак многие годы мечтал о пышных пирах, об экипаже с мягким сиденьем, о великолепных лошадях. Теперь он хочет превратить эти грезы в действительность».

Он устраивал роскошные обеды с шампанским, заказывал себе новые туалеты, в том числе три белых халата с позолоченными кистями на поясе (халат служил ему своего рода рабочей одеждой: в нем он писал), разорялся на перчатках (гонорара за одну новеллу хватало на дюжину пар из желтой замши и одну из оленьей кожи), книгах и переплетах. Он купил себе двух лошадей и кабриолет. Он даже завел грума Леклерка, которому заказал роскошную ливрею у Бюиссона.

Расходы Бальзака в тот период были поистине огромны. Для того чтобы успешно работать, он должен жить в хорошо обставленных комнатах, где на полках стояли бы книги в дорогих

переплетах и бронзовые статуэтки, а полы были бы застланы пушистыми коврами. Золотых дел мастер Лекуэнт присылал ему не только столовое серебро, но и две трости: одна была украшена красным сердоликом, набалдашник другой имел инкрустацию из бирюзы. Вообще трости Бальзака — трости с набалдашниками из золота, из кости носорога, украшенные драгоценными камнями, — приобрели широкую известность. Дельфина де Жирарден даже назвала один из своих романов «Трость месье Бальзака»: в нем писательница притворялась, будто сама верит, что трость эта волшебная, что она позволяет писателю становиться по своему желанию невидимкой, чтобы удобнее было наблюдать скрытую жизнь человеческих существ.

Но все это были лишь декорации, сон наяву, мир феерии. Бальзаку нравилось задавать такие пиры, чтобы гостям казалось, будто хозяин владеет талисманом, делающим его обладателем несметных богатств, повелителем времени и пространства. Но когда после очередного пышного обеда, на котором Россини громогласно объявлял, что даже у монархов он ничего подобного не видел, не пил и не ел, Бальзак вновь принимался за работу, он опять вступал в мир суровой правды. И в этом мире писатель становился самим собой.

Время от времени он делал попытку перенести в реальную жизнь блестящие замыслы своих персонажей, но без успеха, ибо, как только внешний мир начинал оказывать сопротивление, Бальзак тут же укрывался в своем внутреннем мире. А задуманное им дело переставало быть выгодным начинанием и становилось темой для очередного романа.

Стремится ли он к роскоши из тщеславия? Нет, все было гораздо сложнее. Это как бы часть монументального вымысла Бальзака, героем которого был он сам, и вымысел этот существовал не только в его голове, писатель пытался воссоздать его и в реальном мире. Бальзак никогда не умел провести четкую границу между воображением и действительностью. Если он давал обед, то каждая бутылка вина на столе должна была иметь свою историю. Вот это «Бордо», например, трижды объехало вокруг света, а вон тот ром был налит из бочки, которая целый век плавала по морским волнам. Чай, заваренный для гостей, собирала при свете луны дочь китайского императора.

Иногда доверчивый собеседник спрашивал:

— Неужели, это все правда, месье Бальзак?

В ответ Бальзак разражался заразительным детским смехом:

— Во всем этом нет ни словечка правды.

* * *

Как это обычно и бывает, довольно скоро денежные затруднения вынудили Бальзака расстаться с этими атрибутами денди. Уже в 1832 году он писал матери:

> «Если можешь продать лошадей, продай; если хочешь, откажи от места Леклерку, рассчитайся с ним и уволь его».

Лора де Берни продолжала помогать ему. Об этом Бальзак рассказывал своей матери так:

> «Рано или поздно литература, политика, журналистика, женитьба либо какое-нибудь грандиозное начинание помогут мне, в конце концов, разбогатеть. Нам уже немного осталось страдать. О, пусть бы я страдал один! Ведь если бы не мадам де Берни, то за минувшие четыре года я бы уже раз двадцать потерпел полный крах».

Оказывая материальную помощь, Лора де Берни (ей уже исполнилось пятьдесят пять лет — возраст для возлюбленной довольно солидный) требовала, чтобы Бальзак жил вдали от Парижа. Этим она хотела «убить двух зайцев»: сократить траты своего любимого и нейтрализовать герцогиню д'Абрантес. В апреле — мае 1832 года ей удалось добиться своего и увезти Бальзака в Сен-Фирмен, в дом, расположенный на опушке леса Шантийи. Там, в великолепном порыве вдохновения, он написал «Турского священника» и закончил «Тридцатилетнюю женщину».

* * *

В 1830 году Бальзак опубликовал роман «Гобсек», на следующий год — роман «Шагреневая кожа». Потом пошли повести «Турский священник», «Тридцатилетняя женщина», «Луи Ламбер» и «Полковник Шабер» (1832), романы «Евгения Гранде» (1833) и «Отец Горио» (1834). За ними появились повести «Поиски абсолюта» (1834), «Брачный контракт» и «Серафита» (1835), «Обедня безбожника», «Дело об опеке», «Фачино Кане» и роман «Лилия долины» (1836), повесть «Гамбара» и роман «История величия и падения Сезара Бирото» (1837), повести «Банкирский дом Нусингена», «Выдающаяся женщина» и «Торпиль» (1838), роман «Беатриса» (1839), драма «Вотрен» (1840) и т. д., и т. п.

В 1844 году, составляя каталог, включающий написанное и

то, что еще предстояло написать, Бальзак, кроме 97 произведений, назвал еще 56. А после смерти писателя, изучая его архив, французский ученый Ш. де Ловенжуль опубликовал названия еще 53 романов, к которым следовало бы прибавить более сотни набросков, существующих в виде заметок.

Французский бальзаковед М. Бардеш замечает:

> «Подумать только, сколько в воображении Бальзака кишит названий, сколько персонажей, вырастающих, словно грибы, сколько сюжетов, — право, тут есть что-то от плодовитости и расточительности самой природы».

Многотомной эпопеи, подобной Бальзаковской «Человеческой комедии», мировая литература еще не знала. Это понимал и сам Бальзак:

> «Запасшись основательным терпением и мужеством, я, быть может, доведу до конца книгу о Франции девятнадцатого века, книгу, на отсутствие которой мы все сетуем и какой, к сожалению, не оставили нам о своей цивилизации ни Рим, ни Афины, ни Тир, ни Мемфис, ни Персия, ни Индия».

Автор статьи о Бальзаке Е. Петрова пишет:

> «Автор „Человеческой комедии“ действительно подобен демиургу, творящему свой собственный поэтический мир, соперничая с самой природой. И поскольку этот мир, подобно природе, обладает способностью (практически беспредельной) к саморазвитию, „Человеческая комедия“ не была бы закончена, проживи Бальзак еще хоть целый век».

Произведения Бальзака этого периода поражают не только своим количеством, но и жанровым разнообразием. Кто бы мог предположить, что автор, например, серьезной повести «Поиски Абсолюта», в которой говорилось о поисках философского камня, в жертву которым химик-маньяк готов был принести свое собственное счастье и счастье своей семьи, может быть и автором разгульных, почти скабрезных «Озорных рассказов», написанных в духе Франсуа Рабле?

Кстати сказать, первый десяток «Озорных рассказов» был выпущен в свет издателем Шарлем Госленом в апреле 1832 года. Критика встретила их враждебно. Газета «Ревю де Дё Монд», в частности, написала:

«Забавны ли „Озорные рассказы“? Говоря по правде, нет. Они непристойны, но даже не исполнены сладострастия».

Подобное можно объяснить только одним: попыткой Бальзака испытать самого себя, желанием увидеть, существует ли предел его фантазии.

Похоже, у Бальзака этого предела не существовало.

Произведения выходили из-под его пера одно за другим, в них он отражал все стороны человеческой жизни, выводил бесконечную вереницу самых разнообразных типов. В этом он был как рабочий у конвейера. Он не ждал вдохновения (он просто не мог себе этого позволить), а работал по пятнадцать-восемнадцать часов в сутки, садясь за стол после полуночи и почти не оставляя пера до шести часов следующего вечера, прерывая работу только для принятия ванны, завтрака, а особенно для кофе, которым он поддерживал в себе энергию.

Реализация невиданного дотоле замысла потребовала огромного количества персонажей. Их в «Человеческой комедии» более двух тысяч.

Многие из них стали нарицательными, обозначая те или иные стороны человеческой натуры. Вот уже почти два столетия при слове «Гобсек» сразу приходит на ум аналогия — ростовщик, человек-автомат, само олицетворение золота; при слове «Растиньяк» — человек, делающий карьеру ценой своей нравственной гибели; при слове «Гранде» — гений наживы, превративший спекуляцию в искусство, отрекшийся ради этого от всех радостей жизни и лишивший счастья всех своих близких; при слове «Горио» — славный человек, лишивший себя всего ради дочерей и умирающий как собака.

Эти имена-символы нетленны, они окружают нас и сейчас, ведь люди-то нисколько не изменились.

Неутомимый фантазер Бальзак осуществил реформу литературного стиля. Созданный им принципиально новый стиль отличен от просветительского и романтического. Главная суть его реформы — в использовании всех богатств общенационального языка. Многими из современников эта суть была либо не понята, либо не принята. Ссылаясь на многословие, шероховатость, «вульгарную патетику» Бальзака, они упрекали его за «дурной стиль», в котором будто бы сказалось его «страшное бессилие» как художника. Однако уже в ту пору раздавались голоса и в защиту языкового новаторства Бальзака.

Поэт и литературный критик Теофиль Готье, например, пишет:

> «Бальзак был вынужден выковывать для своих нужд особый язык, в который вошли все виды технологии, все виды арго, науки, искусства, закулисной жизни. Вот почему поверхностные критики заговорили о том, что Бальзак не умеет писать, тогда как у него… свой стиль, превосходный, фатально и математически соответствующий его идее».

А еще Бальзак был очень отважным человеком. Вот, например, повесть «Луи Ламбер». Сам писатель искренне считал ее своим шедевром. Но как же тяжело она ему давалась! Несколько раз он переделывал эту книгу, постоянно что-то добавляя и переписывая. Мадам де Берни, которой он послал первый вариант этого произведения, с тревогой вернула ему рукопись:

> «Боюсь, что ты взялся за дело, которое невозможно осуществить».

Оказалось, что возможно, ибо нечеловеческий гений, которым писатель наделил своего Луи Ламбера, не был ли он сродни его собственному гению?

А потом будут еще романы «Кузен Понс» и «Кузина Бетта», пьеса «Мачеха», десятки рассказов, очерков и статей. Будут закончены знаменитые «Утраченные иллюзии» и «Блеск и нищета куртизанок». Пройдет каких-то несколько лет, и вся Франция — да что там Франция, вся Европа! — будет читать Бальзака.

Бальзак вступил в Общество литераторов, а в 1839 году стал его президентом. Бальзак блистал в салонах мадам Гамелен, мадам Виржини Ансело, барона Франсуа Жерара. В читальных залах нетерпеливо ждали его новых книг. Издатели буквально охотились за ним.

Бальзак много бывал в свете, он подружился с известным щеголем, романистом Эженом Сю, и с любовницей этого денди, Олимпией Пелиссье, умной и красивой куртизанкой; в ее салоне бывали пэр Франции герцог Эдуард де Фиц-Джеймс (он состоял в родстве с династией Стюартов, а частица «Фиц» перед его фамилией означала, что ее обладатель — незаконнорожденный потомок члена королевского дома), герцог Амадей де Дюрас, художник Орас Верне, композитор Россини. Оноре любил это остроумное общество и блистал в нем. Он встречал этих людей в «Кафе де Пари», у Тортони, в «Турецком кафе».

Бальзак получил доступ в «хорошее общество». Бальзак ездил в Женеву, в Вену, в Италию, на Корсику.

И когда только он все это успевал?

Ответ на этот вопрос попытался дать А. Труайя:

> «Суматошная, бурная жизнь Бальзака, словно пружина, после мгновений немыслимого напряжения требовала ослабления, чтобы вновь вернуться к работе. Иногда он не мог думать ни о чем, кроме своего творчества, потом, не задумываясь, тратил время на визиты, спектакли, ужины, светские рауты. Любовь к жизни, жизненная энергия мешали ему сосредоточиться на одной какой-то деятельности, женщине, книге».

* * *

Лишь с романом «Сельский врач» вышел скандал. Бальзак обещал рукопись этого романа издателю Луи Маму за 1000 франков. Когда все сроки прошли, Мам потребовал рукопись себе, но Бальзак заявил ему, что отдельные главы романа еще нуждаются в доработке. Это стало началом длительного конфликта между писателем и издателем. В июне 1833 года Мам устроил Бальзаку вызов в суд, где необязательный писатель, естественно, дело проиграл. В отместку за это Бальзак поступил по-ребячески: он отправился в типографию и рассыпал набор готовых страниц романа.

Мам порвал с Бальзаком все отношения и объявил ему войну, в которой писатель был обречен на поражение, ибо право было не на его стороне. Тогда он попросил герцогиню д'Абрантес, которая в свое время и представила его Маму, вмешаться. По уверениям мадам д'Абрантес, она защищала Бальзака, «как сестра защищала бы любимого брата». Она убеждала издателя, что «Сельский врач» — самая прекрасная книга на свете. В награду она хотела, чтобы Бальзак навестил ее. Она писала:

> «Приезжайте же поскорее, а главное — рассчитывайте на меня, как на лучшего своего друга».

Но он не приехал и даже не поблагодарил ее, а, напротив, начал высказывать претензии, очень обидевшие не привыкшую к подобному обращению герцогиню:

> «Вы оказали мне дурную услугу, заговорив о моем произведении с этим отвратительным мучителем, носящим имя Мам. На его совести кровь и разорение многих, теперь он хочет прибавить к слезам обиженных им людей горести еще одного бедного труженика.

> Разорить меня он не может, ибо у меня ничего нет, но он попытался меня очернить, причинить мне боль. Я не еду к вам потому, что не хочу встретиться с этим висельником. Каторжникам отменили клеймо, но перо навсегда отметит печатью бесчестья этого скорпиона, принявшего человеческое обличье».

Герцогиня д'Абрантес ему на это ничего не ответила…

В сентябре 1833 года роман «Сельский врач» все же был опубликован. Это был серьезный роман, в нем не было и следа бальзаковского остроумия, и как раз это обстоятельство и отвратило от книги читателей и критику. Женщины не нашли в ней того, что привыкли искать у автора «Физиологии брака» и «Озорных рассказов».

Возмущенный Бальзак писал по этому поводу мадам Ганской:

> «Все здешние газеты нападают на „Сельского врача". И каждая из них норовит вонзить кинжал».

* * *

Можно было подумать, что новеллы, статьи и романы сами собой зарождались в мозгу молодого писателя. Казалось бы, вот оно — счастье. Вот оно — то, о чем он так мечтал: не ходить каждый день на работу в какую-то жалкую контору, не зависеть от «кнута» и «пряника» какого-то начальника, сидеть дома и с утра до вечера заниматься любимым делом. Казалось бы, вот она — свобода в самом абсолютном ее проявлении. Но так ли все обстояло на самом деле?

В марте 1830 года Бальзак писал в статье «О художниках»:

> «Художник не посвящен в загадку своего дарования… Он не принадлежит себе. Он — игрушка в высшей степени своевольной силы… Таков художник: жалкое орудие деспотической воли, он подчиняется своему господину. Когда его считают свободным — он раб».

А ведь это он писал о самом себе…

Чем больше у него было заказов, тем больше ему необходимо было творить. Творить, творить, творить… Абсурдное, казалось бы, сочетание слов «творить» и «по заказу». Но для Бальзака это стало повседневной реалией его жизни. Необходимость как бы пришпоривала его гений. За одну ночь он мог написать новеллу,

которая потом оказывалась подлинным шедевром.

Работать, работать, работать! Постоянно работать! Лихорадочно работать днем и ночью. Но где же здесь та самая свобода, ради которой все, собственно, и задумывалось…

* * *

Бальзак писал и писал, без пауз, без остановок, отвлекаясь лишь для того, чтобы перекусить и дать немного отдохнуть глазам.

Биограф Бальзака С. Цвейг описывает это так:

> «Фантазия его, однажды запылав, горит не угасая. Она, как лесной пожар, перебегает от ствола к стволу, все жарче и все неистовее, все быстрее, все яростнее — и, наконец, огонь охватывает все вокруг. Перо в его нежной женственной руке так быстро мчится по бумаге, словно буквы едва поспевают за мыслью».

Но разве может подобное продолжаться долго? Конечно же, нет. Во-первых, опять начали ужасно болеть глаза. Даже не глаза, а все лицо вокруг глаз, как будто кто-то насыпал туда толченого стекла. Доходило до того, что написанное сливалось перед его померкшим от усталости взором в какое-то серо-голубое пятно, в котором невозможно было разобрать ни слов, ни букв. Во-вторых, периодически схватывало спазмом руку, и тогда перо начинало казаться неподъемной дубиной, что вызывало необходимость прерывать работу и отмачивать руку в тазу с горячей водой.

Чем больше Бальзак писал, тем больше он не дописывал слова. Мысль опережала возможности ее изложения. Быстрее, быстрее, быстрее… Не задерживаться, не прерывать полета фантазии…

О жизни Бальзака в это время С. Цвейг рассказывает следующее:

> «Час, два, три, четыре, пять часов, шесть, иногда семь и даже восемь. Ни один экипаж больше не катится по переулку, ни шороха в доме и в комнате; разве только тихое скрипенье пера да изредка шелест отложенного листа. Снаружи уже светает, но Бальзак не знает этого. Его день — только этот маленький кружок от свечи, и нет никаких людей, кроме тех, которых он только что создал, — никаких судеб, кроме тех, которые он придумывает в процессе творчества; нет пространства,

нет времени, нет вселенной, кроме той, что покоится в его собственном космосе».

Но так недолго и «сломаться», ведь даже самая мощная и надежная машина может иногда застопориться. Но у машины все относительно просто: дать ей «отдохнуть», смазать, протереть, заменить ту или иную деталь — и она уже снова работает, как ни в чем не бывало. С человеческим организмом все обстоит гораздо сложнее. Даже самая безграничная воля ничего не может поделать, когда исчерпан естественный запас сил. Наступает такой момент, когда не помогает даже сон, ведь постоянные мысли о работе все равно не дают мозгу расслабиться.

Попав в водоворот подобного «творчества», Бальзак чувствовал, что уже больше не может. Правая рука висела как плеть, глаза слезились, кровь оглушительно стучала в висках, голова раскалывалась от боли. Перенапряженные нервы сдали окончательно. Любой другой на его месте прекратил бы работу, уехал бы куда-нибудь за город, отвлекся, отоспался, подышал свежим воздухом. Но не таков был Бальзак, этот демон воли. Такие люди не сдаются. Они сражаются до конца, до победного конца. Они всегда приходят к финишу, пусть даже для этого придется насмерть загнать рысака… Или самого себя…

Единственной отдушиной для него на протяжении долгого времени был крепкий кофе. Сам он придавал силы, а процесс его приготовления позволял делать перерывы в этой поистине каторжной работе.

С. Цвейг по этому поводу замечает:

> «Кофе — вот черная нефть, вновь и вновь приводящая в движение этот фантастический робот, и поэтому для Бальзака, который дорожит только своим творчеством, кофе важнее, чем еда, сон, чем любое другое наслаждение. Он терпеть не может табака, ведь табак не стимулирует энергию, не помогает ей достичь того безмерного напряжения, которое служит для него единственной мерой вещей».

Однако временами наступали моменты, когда и кофе не помогал, и тогда у Бальзака начиналась депрессия. Вот что, например, он писал Эвелине Ганской 7 ноября 1837 года:

> «Я в глубокой печали. Кофе мне ничуть не помогает: оно не в состоянии вызвать к жизни мой дух, остающийся в своей темнице из костей и плоти… Я с трудом работаю. Я не верю в то, что именуют моим

талантом, и предаюсь отчаянию все ночи напролет. „Банкирский дом Нусингена“ лежит передо мною в корректуре, а я не могу заставить себя приняться за него, хотя это — последнее звено цепи, и ценою трехдневной работы его можно было бы разорвать. Мой мозг бездействует. Я выпил две чашки крепкого черного кофе, право, с тем же успехом я мог бы выпить воды! Надо попробовать переменить обстановку».

* * *

Работал Бальзак мучительно. Есть писатели, которые в уме продумывают каждую фразу, а потом лишь переносят ее на бумагу; другие — создают из фраз отдельные «кирпичи», из которых потом при помощи ножниц и клея формируют текст; третьи — покрывают каждую страницу массой «стрелочек» и «звездочек» (это слово — туда, а этот абзац — сюда). Бальзак же еще со времени написания «Шуанов» взял себе за правило рассматривать любой свой набросок лишь как канву для будущего произведения, а основную правку он уже делал в корректуре.

А. Моруа отмечает:

> «У писателя был очень неразборчивый почерк, поэтому первые гранки для него набирали старинными литерами — так называемыми „гвоздями“. Затем следовало столько корректур, что издатели относили их на счет автора».

Молодой литератор Ж.-Ф. Шамфлёри свидетельствует:

> «Наборщик типографии, беря в руки корректуру Бальзака, чувствовал себя каторжником, отрабатывающим „урок“; справившись с нею, он потом отдыхал, исполняя более легкую работу».

Несмотря на постоянно «поджимающие» сроки и нехватку денег, Бальзак ни при каких обстоятельствах не поступался качеством своих произведений. Он по десять-двенадцать раз просматривал уже написанный текст. Очень часто работникам типографии приходилось подолгу ждать упрямого писателя, а потом вдруг получать от него сразу две сотни листков, лихорадочно исписанных вдоль и поперек за несколько ночей.

Ж.-Ф. Шамфлёри описывает это так:

«Его манера известна. Это — черновой набросок, хаос, нечто апокалипсическое, какая-то китайская грамота. Типограф бледнеет. Времени в обрез, почерк неслыханный. Постепенно чудище принимает пристойный вид; его мало-помалу переводят на общепонятный язык… Автор присылает первую, а затем вторую корректуру, они расклеены на громадных листах, каких-то афишах, ширмах!.. От каждого типографского значка, от каждого набранного слова берет начало оперенная стрела, она змеится и сверкает, а в конце рассыпается светящимся дождем из фраз, эпитетов, существительных — подчеркнутых, зачеркнутых, перечеркнутых, беспорядочно налезающих друг на друга. Ни с чем не сравнимое зрелище!

Представьте себе четыреста или пятьсот таких арабесок, переплетенных, слившихся, карабкающихся одна на другую, переползающих с поля одного листа корректуры на поле другого, устремляющихся с севера на юг. Представьте себе дюжину географических карт, где смешаны в кучу города, реки и горы. Клубок, перепутанный кошкой, иероглифы династий фараонов или бенгальские огни двадцати праздников сразу!.. Приходится работать наугад, полагаясь на милость Божию».

Так работал Бальзак, неделями и месяцами, не зная перерывов, не разрешая себе даже малейшей остановки, пока труд его не будет завершен. Но даже и после этого он разрешал себе только самый короткий отдых. Ведь его уже ждала новая работа.

С. Цвейг констатирует:

«Битва следует за битвой, произведение за произведением, словно стежок за стежком, в той необъятной ткани, которая является результатом труда всей его жизни».

Порой ему начинало казаться, что за этой «работой адовой» он упускает настоящую жизнь, которая проходит мимо, протекает, как вода, сквозь пальцы и безвозвратно уходит куда-то в песок. А он остается, мучимый жаждой, весь в цепях, которыми сам себя и сковал.

В октябре 1834 года он писал Эвелине Ганской:

«Вот уже три месяца, как я не видел мадам де Берни. Ах! Если бы я был любим, моя возлюбленная могла бы

спать совершенно спокойно: у меня не остается времени не только для измен, но даже для помыслов о них».

В другом письме ей, написанном в то же время, он жаловался:

> «При таком образе жизни мне удастся погасить пожирающие меня, словно пламя, долги и завершить обещанные мною произведения. Без этого — мне нет спасения, нет свободы. Черт побери!»

Как же надоела ему вся эта его «свобода»! Оказалось, что и любимая работа, если она становится необходимостью, может поработить человека.

В августе 1835 года Бальзак писал Эвелине Ганской:

> «Вальтер Скотт писал по два романа в год, и считалось, что удача сопутствует ему: его плодовитости дивилась вся Англия. А посмотрите, что за этот год напишу я: „Отца Горио“, „Лилию в долине“, „Воспоминания новобрачной“, „Сезара Бирото“. Я подготовлю три книжки „Этюдов о нравах“ для мадам Беше и три книжки „Философских этюдов“ для Верде. Наконец, я закончу третий десяток „Озорных рассказов“ и „Серафиту“. Но останусь ли я в будущем году в живых, сохраню ли рассудок? В этом я сомневаюсь. Временами мне кажется, что мой мозг воспламеняется. Я, верно, паду жертвой этого непрерывного напряжения ума. И, однако, все эти усилия не спасают меня от денежного кризиса. Ужасающего количества книг, оказывается, было недостаточно, чтобы расплатиться с долгами».

Говорят, что лучший отдых — это смена вида деятельности. Бальзак тоже так думал. Он думал, что, переходя от одной рукописи к другой, он избавит себя от ощущения монотонности. Ему казалось, что разнообразие работы, не нарушая ее непрерывности, может избавить от «озверения», от ощущения просто какой-то животной ненависти к своему собственному тексту, переписываемому в двадцать первый раз. Но это ему только казалось…

Глава седьмая. Утраченные иллюзии

Я заблуждался на свой счет; больше того, я заблуждался во всем, что касается моей жизни. Я стану тешить себя воспоминаниями, иллюзиями, мечтами, стану жить воображаемой жизнью; впрочем, отчасти я уж давно так живу.

Из письма Бальзака Лоре де Берни

А еще Бальзаку очень хотелось печатать свою собственную газету, чтобы иметь возможность, не унижаясь перед капризными издателями, писать о том, что казалось важным ему самому. Писать так, как ему того хотелось, а не так, как требовал пресловутый «формат» того или иного печатного органа, напрямую связанный с интересами тех, кто вкладывал в него деньги.

Всем известно, что создавать газету «с нуля» крайне сложно. Гораздо проще ее у кого-либо перекупить.

Как раз в это время в Париже продавалась газета «Кроник де Пари», небольшой печатный листок, почти не имевший читателей. Газета эта принадлежала человеку сомнительной репутации, Уильяму Дьюкетту (парижанину ирландского происхождения), печатали ее типографы Максимилиан Бетюн и Анри Плон.

24 декабря 1835 года Бальзак вместе с Бетюном и Дьюкеттом образовал акционерное общество по изданию «Кроник де Пари». Дьюкетту принадлежала восьмая часть акций, Бетюну — столько же, шесть восьмых оставил за собой Бальзак.

А. Моруа по этому поводу просто недоумевает:

> «Надо сказать, что газета была приобретена всего за сто двадцать франков, ибо, не имея ни подписчиков, ни материальных ценностей, она, по существу, ничего не стоила. Но Бальзак принял на себя обязательство предоставить оборотный капитал в размере 45 000 франков для издания газеты: нечего и говорить, что такой огромной суммой он не располагал».

Судя по всему, эта затея была делом совершенно

безнадежным, но в мечтах Бальзака она тотчас же превратилась в самое блестящее из начинаний. Во-первых, он каждый месяц собирался давать в газету свой рассказ, что не может не привлечь подписчиков. Во-вторых, в новом печатном органе станет сотрудничать такой же начинающий и не менее талантливый Виктор Гюго, с которым Бальзак познакомился в 1829 году в одном из салонов, где тот читал свою новую пьесу «Марион Делорм».

Бальзак вполне серьезно отнесся к «Кроник де Пари». Своя газета! Возможность для никем не ограничиваемого и направляемого самовыражения! Но главное состояло в том, что теперь-то уж золото точно потечет к нему рекой, и он будет иметь по крайней мере 20 000 франков в год, ибо Бальзак-директор станет по-королевски расплачиваться с Бальзаком-редактором, а Бальзак-автор станет получать, кроме того, приличные гонорары, суммы которых определит Бальзак-редактор. Таким образом, все его финансовые проблемы будут разрешены.

Оставалось только одно препятствие: как всегда, нужны были наличные деньги. Добрый ангел семьи Бальзак мадам Делануа в очередной раз ссудила Оноре крупную сумму, на этот раз 15 000 франков.

Она написала ему:

> «Я чувствую, что ум Ваш не знает усталости и что обычные занятия не принесут Вам успеха. Я люблю Ваш талант и Вас самого и не хотела бы, чтобы что-то стояло на пути Вашего таланта, а сами Вы мучились, когда я могу прийти на выручку. Помогла счастливая случайность: мне только что вернули деньги, я не успела их никуда поместить. С их помощью Вы сумеете заплатить долги…»

Как всегда, зараженный новой идеей, Бальзак и не задумывался над тем, как все это серьезно. А следовало бы, ведь ему уже было тридцать шесть лет. На самом деле на конец декабря 1835 года пассив его баланса составил уже более ста тысяч франков. Даже если исключить из них 45 000 франков, которые Бальзак был должен собственной матери, то все равно оставалось 60 000 франков долга посторонним лицам. Сумма невероятная! Для того чтобы заработать такую сумму, нужно было бы написать два-три десятка романов и при этом ничего не есть и не пить, ничего не покупать и не планировать. А это было невозможно…

Бальзак жаловался Зюльме Карро:

> «Доходы растут медленно, а долги неуклонно увеличиваются. Правда, ныне я уверен, что у меня будет большое состояние, но надо набраться терпения и работать еще года три… Какой неблагодарный, ни для кого не заметный труд, к тому же без ощутимых результатов».

В таких условиях продолжать занимать было не намного лучше, чем нищенствовать. Новый знакомый Бальзака Виктор Гюго по этому поводу писал:

> «Долг — начало рабства, даже хуже рабства, потому что кредитор неумолимее рабовладельца; он владеет не только вашим телом, но и вашим достоинством и может при случае нанести ему тяжкие оскорбления».

Вся надежда была на собственную газету, и первый номер его «Кроник де Пари» появился 1 января 1836 года. Писатели Виктор Гюго и Теофиль Готье, критик Гюстав Планш вошли в состав новой редакции. Анри Монье и Ипполит Домье обещали делать для газеты едкие карикатуры.

* * *

В январе — феврале 1836 года Бальзак работал как заведенный. В эти месяцы он опубликовал несколько новелл — одни были написаны специально для газеты, другие уже давно лежали в ящиках его письменного стола.

Сам Бальзак описывал свое состояние так:

> «Никогда еще уносящий меня поток не был столь стремительным; никогда еще столь чудовищно величественное произведение не овладевало человеческим мозгом. Я сажусь за работу, как игрок — за игорный стол».

А. Моруа продолжает недоумевать:

> «Казалось, газету ждал гарантированный успех. Поначалу число подписчиков росло „с чудесной быстротой“, утверждал Бальзак, всегда тяготевший к превосходной степени. Но слово „чудесный“ на поверку оказывалось только поэтическим вымыслом. В январе прибавилось сто шестьдесят подписчиков, в феврале —

сорок, в марте — только девятнадцать, а в июле — всего лишь семь. Но Бальзак все еще не пробуждался от грез».

П. Сиприо делает окончательный подсчет:

> «В июле у выходящей дважды в неделю „Кроник де Пари“ насчитывалось всего 288 подписчиков».

Реально же, для того чтобы газета стала рентабельной, их требовалось не менее двух тысяч. Но Бальзак ничего этого, казалось, не замечал. В полном восторге от своей предприимчивости он писал Эвелине Ганской:

> «Я вложил в это предприятие 32 000 франков, и, если число подписчиков превысит две тысячи, вложенный мною капитал будет приносить 20 000 франков годового дохода, не считая гонорара за статьи, которые оплачиваются очень хорошо, и жалованья редактора. Не правда ли, какое грандиозное начинание? Я стою во главе газеты три месяца, и с каждым днем ее влияние и авторитет возрастают».

Однако, несмотря ни на что, Бальзак вскоре вынужден был признать, что, хотя теоретически он был уже просто настоящим богачом, практически ему вновь никак не удавалось сводить концы с концами и он не мог даже выкупить из ломбарда заложенное туда столовое серебро.

Рекламодателей ему найти не удалось, да он особенно этим и не занимался, думая, что одних литературных достоинств его газеты для успеха будет достаточно.

Он писал:

> «Я должен заплатить 3000 франков, а у меня их нет. 31-го мне нужно иметь 8400 франков. До сих пор, чтобы с честью выходить из положения и расплачиваться со всеми, я пускал в ход последние свои ресурсы, но теперь они исчерпаны. Я — как Наполеон во время битвы при Маренго. Надо, чтобы подоспел Дезэ, чтобы Келлерманн бросился в атаку, и все разрешится».

Знание истории похвально: генерал Дезэ действительно подоспел вовремя и превратил в великую победу проигранное уже было Наполеоном сражение при Маренго. Но в данном случае не помог бы ни Дезэ, ни Келлерманн. Никто просто не хотел подписываться на новую газету, никто не хотел выкупать ее

акции, никто не хотел давать денег в долг.

20 марта 1836 года полный отчаяния Бальзак писал Эвелине Ганской:

> «Никогда еще я не чувствовал себя столь одиноким, никогда еще я так ясно не сознавал, что трудам моим не будет конца. Здоровье мое сильно пошатнулось, я уже не надеюсь вновь обрести тот моложавый вид, которым я имел слабость гордиться. Словом, теперь все ясно. Раз уж человек в моем возрасте не успел вкусить полное счастье без всяких оговорок, то если даже когда-нибудь в будущем ему представится возможность омочить губы в чаше блаженства, натура этому воспротивится! Седые волосы вряд ли приблизят час радости. Как видно, жизнь сыграла со мной весьма горькую шутку. Мои честолюбивые замыслы рушатся один за другим. Природа создала меня для любви и нежности, а по воле судьбы мне приходится только описывать свои желания, вместо того чтобы их удовлетворять».

В июле «Кроник де Пари» была ликвидирована. Когда газета перестала выходить, у Бальзака было 18 217 франков долга, который он должен был погасить в самый кратчайший срок. Кроме того, он остался должен 24 000 франков мадам Деланда и 5000 франков дядюшке Даблену. Цифры внушительные, и это не говоря о гигантском долге собственной матери!

Прекративший недоумевать А. Моруа констатирует:

> «Он упал на землю с позлащенных облаков своей фантазии, и падение было весьма болезненным».

Считается, что, если должник обязался вернуть деньги через месяц, это означает, что месяц — это именно тот срок, в течение которого кредитор не должен напоминать ему о долге. В случае с Бальзаком все обстояло иначе: кредиторы не просто напоминали, они требовали. Бальзак уже и не знал, куда от них укрыться. Он забаррикадировал двери своей квартиры на улице Кассини, но это не помогало. Тогда он перевез ночью самое ценное из мебели и книг в новую квартиру на улице де Батай, которую он снял на имя некоей «вдовы Дюран». Так же, как и на улице Кассини, там имелась потайная лестница, по которой он мог бы скрыться, если судебному исполнителю или какому-либо докучливому посетителю удалось бы прорваться к нему.

* * *

Между тем финансовое положение герцогини д'Абрантес в результате всех ее литературных успехов также не думало улучшаться. Режимы сменяли друг друга, ее небольшая пенсия мгновенно улетучивалась, а проблемы, как снежный ком, все возрастали и возрастали. Кончилось все тем, что она вынуждена была перебраться в некое подобие элитного приюта для престарелых в Аббе-о-Буа.

П. Сиприо по этому поводу пишет:

> «Она нашла временное пристанище в Аббе-о-Буа и прожила там с 1830-го по 1832 год. Аббатство располагалось недалеко от улицы Севр. В этом монастыре, обители монахинь, был построен жилой корпус, где селились дамы света, желавшие обрести покой».

Дети подросли и оставили Лору.

Старший сын — Наполеон-Андош — пошел по дипломатической стезе, но вследствие определенной эксцентричности поведения (он дурно себя вел и наделал множество долгов) в 1828 году был отозван с этой работы. Впоследствии он станет писателем и оставит несколько вполне посредственных пьес и романов, таких как «Будуары Парижа» или «Два сердца женщины». Все эти «вещицы» были написаны на потребу вкусам своего века, поэтому об их достоинствах мы умолчим.

Две дочери Лоры также приобщились к литературе, а старшая — Жозефина — вскоре получила вполне самостоятельную писательскую известность. В частности, ее перу принадлежат романы «Жизнь молодой девушки», «Этьенн Солнье», «Две сестры» и т. д.

Младший сын Лоры прожил гораздо более славную и достойную жизнь. Он не подался в литераторы, как его брат и сестры, а пошел по стопам отца, стал боевым офицером, адъютантом маршала Мак-Магона (будучи подполковником, он погибнет в 1859 году, получив смертельное ранение в кровопролитном сражении с австрийцами при Сольферино).

Для уже ставшего популярным Бальзака нищая герцогиня д'Абрантес не представляла больше никакого интереса. Она послужила ему неплохим трамплином: дальше сын простого армейского интенданта Оноре де Бальзак (откуда вдруг взялась эта дворянская приставка «де», мы можем только догадываться)

уже мог двигаться сам.

В 1838 году ему было тридцать девять лет, а Лоре — пятьдесят четыре. Разница немалая, и в конце концов более молодой предпочел общество более близкой себе по возрасту маркизы Анриетты де Кастри, которая была всего на два с небольшим года старше его.

* * *

Эта кокетливая и уверенная в себе дама была богата и еще очень привлекательна, если бы не два обстоятельства ее жизни, которые изрядно подпортили ее внешний вид и репутацию (о них мы расскажем ниже).

Познакомился Бальзак с маркизой следующим образом. В сентябре 1831 года ему пришло письмо, явно написанное женской рукой, в котором таинственная корреспондентка упрекала писателя за цинизм его «Физиологии брака» и за несправедливость его суждений о женщинах. В ответном письме Бальзак написал:

> «Мое утешение, сударыня, в искреннем одобрении, которое я нахожу в критике дружеской и доброжелательной, такой, как ваша; поэтому не думайте, что Ваше письмо, полное трогательных жалоб, естественных для женского сердца, оставило меня равнодушным. Чувства симпатии, вызванные на расстоянии, — это сокровище, в них все мое богатство; это самые чистые мои радости…
>
> Простите, сударыня, эту попытку восстановить себя в Вашем мнении, но Вы поставили меня в ложное и неловкое положение: Вы создали себе представление обо мне по моим книгам».

Тронутая таким ответом, корреспондентка открыла Бальзаку свое настоящее имя.

Анриетта де Кастри была настоящей маркизой, обладавшей преемственным правом на титул герцогини. В противоположность мадам д’Абрантес, герцогине, испеченной относительно недавно волей Великого корсиканца, она была самых что ни на есть голубых кровей: отец маркизы — герцог де Майе де Ла Тур-Ландри — был маршалом Франции и имел родословную, восходившую к XI столетию, а ее мать — герцогиня де Фиц-Джемс — происходила из самих Стюартов и, следовательно, была особой королевского рода. Да и муж ее — маркиз Эдмон де Кастри —

был внуком прославленного маршала де Кастри и сыном герцогини де Гиз.

С. Цвейг по этому поводу пишет:

> «Душа Бальзака — этого патологического аристократомана — должна была прийти в священный трепет при виде столь роскошно разветвленного генеалогического древа. Да и возраст маркизы вполне соответствует бальзаковскому идеалу. Ей тридцать пять, и, следовательно, она может считаться „тридцатилетней женщиной“, и даже сугубо бальзаковского типа».

«Аристократоман» — великолепное и очень точное определение! Но что имел в виду известный биограф под женщиной «сугубо бальзаковского типа»? Тут все обстоит предельно просто: во-первых, это женщина более старшего возраста; во-вторых, чувствительная; в-третьих, несчастная; в-четвертых, разочарованная, только что пережившая роман, печально нашумевший в парижском обществе. По всем этим показателям маркиза де Кастри действительно была близка к бальзаковскому идеалу.

Все дело в том, что в возрасте двадцати двух лет юная маркиза, тогда одна из прелестнейших аристократок Франции, познакомилась с Виктором фон Меттернихом, очаровательным юношей романтического склада, сыном всемогущего австрийского канцлера. Маркиза страстно влюбилась в молодого человека, который унаследовал от отца красоту и светское обаяние, но отнюдь не его несокрушимое здоровье.

Французская знать в те времена еще была верна традициям просвещенного XVIII века, и супруг ее был готов делать вид, что не замечает пламенных чувств этой юной пары. Однако с решимостью, поразившей все парижское общество, влюбленные отвергли любые компромиссы. Мадам де Кастри оставила дворец своего супруга, а молодой Меттерних — свою блестящую карьеру. Что им было до света, что им было до общества, если они хотели жить лишь друг для друга, упиваясь своей любовью!

Романтическая пара начала странствовать по Европе, и вскоре (в 1827 году) от этой связи у них родился сын, которого назвали Роже и которому по просьбе канцлера, деда мальчика, австрийский император даровал титул барона фон Альденбурга.

Предоставим дальше слово С. Цвейгу:

> «Но это счастье слишком полное, чтобы быть длительным. Катастрофа разражается неожиданно, как гром среди ясного неба. Маркиза на охоте упала с

лошади и сломала позвоночник. С тех пор она вынуждена большую часть дня проводить, лежа пластом в шезлонге или в постели, а Виктор фон Меттерних недолго облегчает ее жребий своими нежными заботами, ибо вскоре после несчастья с ней он в ноябре 1829 года погибает от чахотки. Эта утрата поражает маркизу де Кастри еще тяжелее, чем ее недуг. Не в силах оставаться одинокой в тех краях, которые казались ей раем, лишь озаренные светом счастливой любви, она возвращается в Париж, но уже не в дом своего супруга и не в общество, суждения которого она столь вызывающе оскорбила. Маркиза проводит теперь дни свои в родовом наследственном дворце де Кастеллан в полном уединении и расставшись с прежними друзьями, и только книги ее единственное утешение».

Такая женщина просто не могла не привлечь внимания внука крестьянина Оноре Бальзака. Это же просто «женщина-мечта»! Не то что неродовитая мадам де Берни или аристократка-выскочка мадам д'Абрантес…

* * *

Уже во втором письме маркиза пригласила Бальзака нанести ей визит. 28 февраля 1832 года он ответил ей:

«В жизни редко встречаешь благородное сердце и подлинную дружбу. Я же в особенности не избалован искренним отношением людей, на поддержку которых мог бы опереться, и принимаю Ваше великодушное предложение, хотя боюсь, что много потеряю в Ваших глазах при личном знакомстве. Не будь я по горло занят срочной работой, я поспешил бы выразить Вам свое глубочайшее уважение с той сердечной откровенностью, какая вам так дорога. Однако, хотя я давно уже веду упорную борьбу против невзгод, которыми порядочный человек может только гордиться, мне надо сделать еще немного усилий, и лишь тогда я завоюю право на несколько свободных часов, когда не буду чувствовать себя ни литератором, ни художником, а смогу быть самим собой. Эти-то часы, если позволите, я хочу посвятить Вам».

В мыслях он уже лелеял самые безрассудные надежды. Еще

бы, стать любовником одной из самых недоступных аристократок — это же победа!

С. Цвейг описывает его мысли так:

> «Он станет теперь любовником, а может быть, и супругом доподлиннейшей герцогини из древнего галльского рода, преемником принца Меттерниха, он, который в объятиях герцогини д'Абрантес уже был преемником его отца, князя Меттерниха!»

Для человека такой фантазии, какой обладал Бальзак, заочно влюбиться в маркизу — это было делом, казалось, само собой разумеющимся. Для этого ему и не нужно было ее видеть, ибо все его чувства, совсем как чувства его персонажей, подчинялись самовластию его воли.

Недолго думая Бальзак надел новый фрак, сел в карету и поехал во дворец де Кастеллан. По пути он «накрутил» себя так, что прибыл на место уже совершенно влюбленным. Из неведомой ему пока еще мадам де Кастри он уже успел создать некий идеальный образ, которому в романе своей жизни он намерен был поручить главную роль.

Но действительность превзошла все его ожидания. Бальзак был просто потрясен маркизой. После злосчастного падения с лошади она с трудом передвигалась, но все еще сохраняла красоту и очарование. Больше же всего писателя поразили ее живые и умные глаза.

Скучавшей маркизе все тоже очень понравилось. Бальзак был первым писателем, с которым она познакомилась, человеком из другого мира, а посему ей с ним было очень интересно. Три часа волшебной беседы «обо всем на свете» пролетели незаметно, и она была не в силах не восхищаться этим необыкновенным человеком, ниспосланным ей судьбой.

На следующий день Бальзак написал маркизе:

> «Вы приняли меня столь любезно, Вы подарили мне столь сладостные часы, что теперь я твердо убежден: Вы и есть мое счастье!»

Отношения становились все сердечнее. В ближайшие недели и месяцы экипаж Бальзака каждый вечер останавливался у дворца де Кастеллан, и беседы затягивались далеко за полночь. Он сопровождал ее в театр, он писал ей письма, он читал ей свои новые произведения, просил у нее совета.

Это было весьма кстати, ведь в то время Бальзак стремился отдалиться от герцогини д'Абрантес, которая, по словам

А. Моруа, «хотела вновь заставить его работать на нее, а у него не было для этого ни времени, ни желания». Маркиза же пригласила его приехать в августе к ней на курорт в Экс-ле-Бэн, где она собиралась жить, а позднее сопровождать ее в поездке по Швейцарии и Италии.

Для одинокой женщины, которая уже много недель и месяцев предавалась скорби по умершему, эта духовная дружба означала своего рода счастье, для Бальзака же она означала страсть.

Роковым образом Бальзаку было мало одной только дружбы. Его мужское и, вероятно, снобистское тщеславие жаждало большего. Все настойчивее, все несдержаннее, все чаще он стал требовать, чтобы она подала ему надежду.

Одержимый гордыней, Бальзак отправился в Экс-ле-Бэн в самом лучезарном настроении. Наконец-то маркиза де Кастри будет ему принадлежать! Можно ли в этом сомневаться? Ведь она сама пригласила его и требовала соблюдения инкогнито; все вечера они будут проводить вдвоем. Но… Ох уж это пресловутое «но»…

Мадам де Кастри оказалась слишком женщиной, чтобы даже в своем несчастье не почувствовать себя польщенной любовью человека, чей дар она чтила и чьим гением восхищалась. Она прислушивалась к его словам, не пресекала холодно и свысока бурные проявления чувств пламенного поэта.

Бальзак в своей повести «Герцогиня де Ланже» писал:

> «Эта женщина не только любезно приняла меня. Она употребила против меня все ухищрения своего весьма обдуманного кокетства. Она хотела мне понравиться, и она приложила неописуемые усилия, чтобы поддерживать меня в состоянии опьянения и опьянять меня все больше. Она не пожалела усилий, чтобы вынудить меня, тихо и преданно любящего, объясниться».

Эта повесть, весьма, кстати, неудачная, явно посвящена пикантным подробностям его отношений с мадам де Кастри.

Однако как только ухаживания Бальзака приблизились к опасной черте, маркиза начала обороняться решительно и непреклонно. Может быть, она желала оставаться верной только что умершему возлюбленному, отцу своего ребенка, ради которого она пожертвовала своим общественным положением и самой честью? Может быть, ее сковывало полученное увечье, которого она стыдилась? Быть может, наконец, действительно плебейские и вульгарные черты в облике Бальзака вызывали у нее отвращение? А может быть, она опасается (и не без основания),

что Бальзак в своем тщеславии тотчас же разгласит повсюду о своей новой аристократической связи?

Как бы то ни было, Бальзак наткнулся на стену, и его свидания с маркизой ограничивались лишь светскими любезностями.

А. Труайя пишет об их отношениях так:

> «Ей не было равных в умении взглядом ли, обещающей улыбкой разжечь пыл того, кто ухаживал за нею, а потом замкнуться, словно вызванные ею волнение и возбуждение неприятно поразили ее. Как будто поощряла ухаживание, чтобы ее последующий отказ казался больнее, рвалась в бой ради отступления. Эта игра в прятки сводила Оноре с ума: он задыхался от желания, заметив кусочек ее кожи под манжетой над локтем, наблюдая за движением корсажа ее чересчур декольтированного платья, слыша глубокие вздохи, которые она роняла, прикрывшись веером. Ему требовалось почти болезненное усилие воли, чтобы не броситься на эту недоступную женщину, не начать раздевать ее, заставить покориться».

Мнение А. Моруа немногим отличается от вышесказанного:

> «Слава писателя ей льстила, его ум увлекал, а остроумие забавляло. Она восхищалась им и даже была по-своему к нему привязана, но не испытывала ни малейшего желания стать любовницей этого дурно воспитанного толстяка, подлинная, внутренняя красота которого от нее ускользала; вот почему она дарила ему только те милости, какие позволял иезуитский устав, по которому жило светское общество, „где в любви допускалось все, кроме того, что о ней свидетельствовало“».

Тем не менее Бальзак не терял надежды. Со свойственной ему сентиментальностью он попросил у нее разрешения называть ее именем, какое сам для нее выбрал. Это снова было имя «Мари» (удивительная зацикленность фантазии у писателя!). Она согласилась.

Прошло пять месяцев самых настойчивых домогательств, но, невзирая на свои ежедневные посещения, невзирая на всю свою активность, Бальзак по-прежнему оставался лишь другом-литератором, но отнюдь не возлюбленным маркизы де Кастри.

С откровенностью отчаяния он описывал это положение

Зюльме Карро:

> «Я гонюсь за особой, которая, наверно, потешается надо мной. За одной из тех аристократических дам, которые тебе, несомненно, кажутся отвратительными, за одним из тех ангельски-прекрасных лиц, которое якобы свидетельствует о прекрасной душе. Она наследная герцогиня, чрезвычайно снисходительна, чрезвычайно приветлива, изнеженна, остроумна, кокетлива. Она совершенно иная, чем все, кого я видел до сих пор! Она одно из тех созданий, которые избегают всяческого прикосновения. Она уверяет, что любит меня, но ей хотелось бы содержать меня под стражей, в подвалах своего венецианского палаццо… Женщина (видите, я рассказываю все как есть!), которая хочет, чтобы я писал исключительно для нее. Она из тех, которые требуют безусловного поклонения, которые хотят, чтобы перед ними стояли на коленях, и завоевать которую такое наслаждение… Не женщина, а мечта… Она ревнует меня ко всему!»

На это Зюльма Карро ответила ему:

> «Вы непрестанно жалуетесь на отсутствие женской привязанности, Вы, чьи самые плодотворные годы были освещены присутствием самой благородной, самой бескорыстной женщины. Посмотрите вокруг, найдите хотя бы трех мужчин, которым так бы благоволила судьба».

Говоря так, она явно имела в виду мадам де Берни.

* * *

Зюльма Карро. Мы уже несколько раз упоминали это имя, а значит, настало время объяснить, кто это такая. Она была на три года старше Бальзака. Это была некрасивая, хромая женщина, мужественная и стоическая, не любившая своего супруга, отставного майора, военная карьера которого не удалась. Но она питала уважение к его благородному характеру и глубоко сочувствовала ему как человеку, сломленному неудачами. Познакомился с ней Бальзак в доме сестры, и они быстро стали близкими друзьями.

Они оба отдавали себе отчет, что у нее нет женской

привлекательности, способной навсегда привязать молодого человека. Да, собственно, такой цели никто и не ставил: Зюльма Карро (урожденная Туранжен) просто по определению не могла обмануть своего мужа. А банальное кокетство ей не было свойственно вовсе.

Зюльма Карро

Лишь однажды Бальзак посмел сказать ей:

— Вы сладострастны, но противитесь этому.

Обиженная этим замечанием, она оттолкнула его; лишь одна мысль о том, что она может быть желанна, ее возмутила. Позже

она ему все объяснила:

> «Наши теплые отношения никак не были связаны с моим полом, а Вы нуждались в ином. Я же была слишком горда, чтобы стать избранной в силу именно этого обстоятельства. Вы рассчитывали подействовать на меня обещанием какого-то неизвестного счастья… Но Вы не поняли, что я слишком горда для этого! Вам незнакомы наслаждения добровольного воздержания».

Как ни странно, между ними завязалась дружба, «святая и добрая дружба», которой, как утверждают, не может быть между мужчиной и женщиной. Они перешли на «ты» и сразу договорились говорить друг другу только правду: Зюльма, угадав в Бальзаке великого человека, изнемогавшего под грузом мелочных забот, всегда откровенно высказывалась о произведениях Бальзака, а он был благодарен ей за критику и гордился знакомством с нею.

Бальзак понял и оценил душевное величие этой женщины. Как-то раз он признался ей:

> «Четверть часа, которые я вечером могу провести у тебя, означают для меня больше, чем все блаженство ночи, проведенной в объятиях юной красавицы».

* * *

Итак, маркиза так и не желала ему принадлежать. Правда, надо отдать ей должное, она выражала ему все, какие только мыслимы, знаки дружеского внимания. Снисходительно улыбаясь, она терпеливо слушала его восторженные излияния. В часы долгих вечерних разговоров она варила ему кофе по его любимому рецепту.

По определению П. Сиприо, их роман «развивался вяло».

Во время одной романтической прогулки дело все же дошло до сорванного украдкой, а может быть, и вполне дозволенного поцелуя. Но всегда, как только Бальзак начинал требовать последнего доказательства любви, так в последнее мгновение женщина, которую он жаждал, вновь и вновь превращалась в неприступную маркизу.

Лето уже было на исходе, и Бальзак находился в нерешительности: он прекрасно видел, в какое недостойное положение он попал благодаря своим вечным и напрасным домогательствам и ухаживаниям.

Однажды он взял и написал ей яростное письмо, полное суровых осуждений и упреков. Письмо это не понравилось мадам де Кастри, и она ответила:

> «Какое ужасное письмо Вы мне прислали! С женщиной, заслужившей его, больше не встречаются! Как не встречаются больше и с мужчиной, написавшим такое письмо! Вы причинили мне боль, и я еще должна просить прощения?»

В конце концов Бальзак сказал себе, что жизнь такого человека, как он, не должна быть привязана к женской юбке, а раз так, то нужно продолжать следовать своим путем и видеть чуть дальше, «чем до выреза женского корсажа».

После этого их «история» закончилась очень быстро. Маркиза де Кастри нашла себе другого писателя в исповедники и собеседники — Шарл-Огюстена Сент-Бёва. У Бальзака же за маркизой де Кастри последовала графиня Гидобони-Висконти.

* * *

Они познакомились в 1835 году на одном из великосветских вечеров.

А. Моруа описывает ее как молодую женщину лет тридцати с «нежным румянцем, пепельно-белокурыми волосами, стройным гибким станом и очами, достойными принцессы Востока». Странно, но С. Цвейг утверждает, что «она была высокой полной блондинкой исключительной красоты, непринужденной и чувственной». От «стройного гибкого стана» до «полной блондинки» — дистанция огромного размера. Это лишний раз подтверждает то, что истина — та еще кокетка, и ее лучи всегда преломляются призмою воображения. Примиряет эти два мнения мнение Л. Арригона, который оставил нам такой портрет графини:

> «Она была, пожалуй, чуть полновата, но эту легкую полноту скрадывала гибкая грация».

А. Труайя пишет о ней следующее:

> «Ей тридцать лет, у нее молочно-белая кожа, светло-пепельные волосы, изящная походка, дерзкий, обещающий взгляд. Все в ней говорило о готовности к приключениям, о том, что ей известна „наука страсти

нежной“. Поговаривали, будто у нее множество любовников и муж давно привык к ее похождениям».

С. Цвейг констатирует:

> «Но не только красота этой женщины очаровывает Бальзака. В своих влечениях он тоже остается вечным плебеем. Его всегда занимает социальное положение. Аристократическая фамилия женщины значит для него гораздо больше, чем ее личность. И достаточно ему услышать, что эта новая чужестранка не кто-нибудь, а графиня Гидобони-Висконти, чтобы воспылать!»

Еще бы, ведь Висконти были герцогами Миланскими, семейство Гидобони — одним из знатнейших аристократических семейств Пьемонта!

Впрочем, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что эта прекрасная чужестранка вовсе не урожденная графиня и не итальянка. В девичестве ее звали Фрэнсис-Сара Лоуэлл (домашние звали ее Фанни), и она появилась на свет в замке Коул-Парк под Лондоном в 1804 году. Происходила она из чрезвычайно странного, терзаемого сплином британского семейства, в котором, как говорили, самоубийства приняли чуть ли не эпидемический характер. Ее мать, Шарлотта Уиллис, тоже прославленная красавица, ощутив приближение старости, решила наложить на себя руки и утопилась. Так же завершили свой жизненный путь и оба ее брата: один перерезал себе горло, второй повесился. Младшая сестра Юлия страдала истерией и погрязла в пьянстве.

Прекрасная графиня была единственным относительно нормальным существом в этом экзальтированном семействе.

А. Моруа пишет:

> «Ее пылкий темперамент требовал любовников, а совесть прекрасно мирилась с таким поведением».

Ему вторит С. Цвейг:

> «Внешне холодная англичанка, светловолосая и невозмутимая, она без особых угрызений совести, но, впрочем, и без чрезмерного пафоса соглашается на любое приключение, которое кажется ей соблазнительным. При этом она склонна, очевидно, упускать из виду, что в лице графа Эмилио Гидобони-Висконти обладает законным супругом; но тихий,

скромный муженек-оригинал, с которым она обвенчалась во время какого-то путешествия, нисколько не докучает ей своей ревностью».

Граф Эмилио Гидобони-Висконти, человек незлобивый и бесхарактерный, был чудаком, знавшим лишь одну подлинную возлюбленную, одну всепоглощающую страсть — музыку. Целыми днями он играл на скрипке, а по вечерам ходил на концерты. Словом, он как будто создан был для роли обманутого мужа, который все знает и терпит.

У четы Гидобони-Висконти, кроме их парижского и венского дворцов, был еще дворец в Версале.

Когда Бальзака представили графине, он был одет столь нелепо, что та оторопела: белый жилет с коралловыми пуговицами, зеленый фрак — с золотыми, на пальцах — увесистые перстни.

Одна воспитанница графини Гидобони-Висконти так описывала Бальзака:

> «Господина Бальзака красавцем не назовешь, он маленького роста, тучный, коренастый. У него широкие квадратные плечи, большая голова, нос, словно резиновый, квадратный на конце, очень красивый рот, правда, почти без зубов, черные, как смоль, с проседью жесткие волосы. Но в его карих глазах — огонь, они столь выразительны, и вы, сами того не желая, приходите к выводу, что редко встретишь столь красивую голову. Он добр, добр к тем, кого любит, грозен в отношении тех, кто ему не нравится, безжалостен к смешным чертам сильных мира сего… У него железная воля и отвага. Ради друзей он готов забыть себя самого… Львиное величие и благородство сочетаются в нем с ласковостью ребенка».

С одной стороны, величие и благородство, с другой — маленький рост, тучность, рот без зубов… Графиня не могла не видеть этого; она восхищалась Бальзаком-писателем, но Бальзак-мужчина поначалу показался ей смешным ничтожеством.

Но Бальзак пошел к вожделенной цели со всей свойственной ему поспешностью и нетерпением. Вскоре все его свободные часы принадлежали исключительно семейству Гидобони-Висконти. Он посещал эту милую чету в Париже на Елисейских Полях, выезжал к ним в Версаль. А еще разделял с ними ложу в Итальянской опере и бывал там три раза в неделю.

Герцогиня д’Абрантес написала ему:

«Сержусь на Вас за то, что не пришли обедать… Нука, сделайте над собой усилие, приходите, а потом можете лететь на здоровье к своим Итальянцам».

В апреле 1835 года Бальзак признался Зюльме Карро:

«Уже несколько дней, как я поддался чарам совершенно восхитительной женщины. Я даже не знаю, как мне обороняться от них. Подобно бедным юным девушкам, я не нахожу в себе сил, чтобы отречься от того, что мне нравится».

Но графиня, как и ее предшественница маркиза де Кастри, не была пока склонна поддаваться натиску Бальзака. Правда, только что она дала отставку своему прежнему возлюбленному, русскому дипломату князю П. Б. Козловскому, но она еще не решила, не лучше ли ей сделать его преемником вовсе не Бальзака, а графа Лионеля де Бонваля, одного из роскошных львов парижского света.

Кстати сказать, Софья, дочь князя Козловского, вернувшегося в сентябре 1834 года в Россию, впоследствии писала отцу:

«Ты спрашиваешь меня об этом увлечении господина Бальзака госпожой Висконти. Госпожа Висконти умна, у нее хорошее воображение, свежие, интересные мысли, и господин Бальзак, человек в высшей степени необыкновенный, не может не получать удовольствия от беседы с ней, а поскольку он много написал и пишет до сих пор, то часто заимствует у нее ее оригинальные мысли, так что их разговор всегда невероятно занимателен и забавен. Вот и все увлечение».

Что касается графа Лионеля де Бонваля, родившегося в 1802 году, то он был тоже женат на англичанке, Каролине-Эмме Голвэй. Впоследствии его родственники говорили, что он сохранял верность своей жене только после ее смерти. Он отличался тонким вкусом, коллекционировал старинную мебель, бронзу, фарфор.

В августе 1835 года у Бальзака началось соревнование с этим Лионелем де Бонвалем за благосклонность прекрасной графини Гидобони-Висконти. Бальзак не устрашился соперничества и оказался прав. Победу одержал именно он, и его усилия дали свои плоды, причем как в переносном, так и в самом прямом смысле. Что мы под этим имеем в виду? Послушаем лучше двух самых известных биографов Бальзака, их мнения не слишком

категоричны, но зато почти идентичны.

С. Цвейг:

> «Бальзак одерживает победу, становится возлюбленным графини Висконти, и, по всей вероятности (если только можно верить подозрительно хорошо информированному анониму, накропавшему книгу „Разоблаченный Бальзак“), отцом того Лионеля-Ришара Гидобони-Висконти, который появился на свет 29 мая 1836 года — один из трех незаконных младенцев, не унаследовавших ни имени, ни гения своего отца».

А. Моруа:

> «В 1836 году она произвела на свет сына. И хотя никаких доказательств тому не имелось, говорили, что отцом его был Бальзак. Ребенка нарекли при крещении Лионелем-Ришар. Если бы Бальзак мог быть уверен в столь славном отцовстве, он, надо полагать, трубил бы о нем. Но недаром же новорожденный получил имя Лионель — в честь Бонваля!»

Еще менее категоричен в этом вопросе А. Труайя:

> «В 1836 году графиня Гидобони-Висконти произвела на свет сына. От Оноре? Какое это имеет значение! Одно из имен, данное ребенку, — Лионель, имя ее предыдущего любовника графа де Бонваля. Есть над чем поразмыслить».

Как же все-таки относилась к Бальзаку графиня? Несомненно, она привязалась к нему, долгое время поддерживала его в затруднительных обстоятельствах его жизни; ей нравились его веселость, энергия, его весьма непринужденные анекдоты и почти женская тонкость ума, благодаря которой он был не только любовником, но и поверенным многих женщин.

Вообще графиню Гидобони-Висконти, которая целых пять лет была возлюбленной Бальзака, во всех его жизнеописаниях несправедливо оттесняют на второй план. Впрочем, это происходит по ее же собственной вине. Ведь в жизни часто решающее значение имеет вовсе не то, кто как действовал и поступал, а только то, как он сумел потом представить свои действия. Графиня Гидобони-Висконти никогда не искала посмертной литературной славы, поэтому ее образ и оказался затенен несравненно более тщеславной, более целеустремленной

и энергичной мадам Ганской, которая с первых своих шагов добивалась роли «бессмертной возлюбленной» великого романиста.

Бальзак не был бы самим собой, если бы, охваченный страстью, не писал восторженных и полных обожания посланий и графине Гидобони-Висконти. Ему по-прежнему нравилось давать своим женщинам другие имена, но тут он не стал именовать ее Мари, как это уже было с ним дважды, он получил разрешение называть графиню Сарой, то есть ее вторым именем. Она не нумеровала его писем и не хранила их в шкатулке, чтобы напечатать в будущем. Может быть, тому причиной была лень? А может быть, самовластная гордячка не желала, чтобы их интимные отношения стали сюжетом для сплетен и фельетонов после того, как они оба умрут? Как бы то ни было, она сразу же отказалась от посмертной литературной известности, зато она всем сердцем, открыто и беззаботно отдалась живому Бальзаку.

По сравнению с той же Ганской, которая, как мы вскоре увидим, превратила их отношения в неискреннюю, холодную игру, преисполненную мелочной ревности, внешне безнравственная графиня Гидобони-Висконти даже кажется более благородной и независимой. В ней не было ни подозрительности, ни придирчивости, ни настороженности Эвелины Ганской. Как только она решила принадлежать Бальзаку, она отдалась ему безраздельно и страстно, и ей было глубоко безразлично, знает ли и болтает ли об этом «весь Париж».

Графиня Гидобони-Висконти вовсе не пыталась разыгрывать перед мужем мерзкую комедию супружеской верности. Граф был совсем не ревнивец, а она, в противоположность своей далекой сопернице, не докучала Бальзаку мелочными придирками и бездушной ревностью. Она никогда не лгала ему и не вынуждала его лгать так усердно, как по необходимости ему приходилось непрестанно лгать другим женщинам. Она была его настоящей возлюбленной, и в то же время она была его другом. Она ежечасно обнаруживала смелость, прямодушие, свободу, которыми обладает только женщина, не подчиняющаяся ни общественным предрассудкам, ни окостенелым обычаям и порядкам. Она свободно и открыто жила так, как повелевало ей ее сердце.

А. Моруа пишет о ней:

> «Когда она подарила Бальзаку свою благосклонность, то сделала это от всего сердца, открыто. Она не находила нужным считаться с мнением света и поэтому смело показывалась с Бальзаком в ложе

Итальянской оперы, но она не стремилась безраздельно завладеть им, она понимала, что художнику необходима свобода, и тихонько подсмеивалась над его приключениями».

Бальзак писал о ней мадам Ганской:

«Мадам Висконти, о которой вы упоминаете, — милейшая и бесконечно добрая женщина, наделенная тонкой красотой. Нежная и элегантная, она помогает мне влачить бремя моей жизни. Она добра и все же преисполнена твердости. Она непоколебима в своих воззрениях, неумолима в своих антипатиях. На нее можно положиться. Но она была не слишком счастлива в жизни. Вернее, обстоятельства, в которых находятся она и граф, не вполне гармонируют с великолепным именем, которое они носят…

Дружба с мадам Висконти утешает меня во многих горестях. Но, к сожалению, мы видимся очень редко…

Я вижу мадам Висконти в две недели раз и, право, очень сожалею, что бываю в ее обществе так редко, потому что только у нее и у моей сестры я встречаю душевное сочувствие. Сестра моя сейчас в Париже, супруги Висконти — в Версале, и я их почти не вижу. Разве можно это назвать жизнью?..

Вечно мечтать, вечно ждать, знать, что проходят лучшие дни жизни, видеть, как у тебя волосок за волоском вырывают золотое руно молодости, никого не сжимать в объятиях и слышать, как тебя обвиняют в донжуанстве!

Вот ведь какой толстый и пустой Дон Жуан!»

Графиня Гидобони-Висконти хорошо понимала, что нужно Бальзаку-человеку. Она распознала первейшую потребность этого вечно затравленного, преследуемого, стонущего под бременем бесчисленных обязательств художника — его великую потребность в свободе. Она видела, как он устал, как обессилен, как стремится к покою. И вместо того чтобы ревниво держать его накрепко возле себя, она гениальным сердечным чутьем угадала то единственное, что способно было встряхнуть Бальзака и вернуть ему творческое настроение. Графиня устроила ему путешествие в Италию, которого Бальзак после своего злосчастного приключения с маркизой де Кастри так страстно жаждал; путешествие, кстати сказать, не стоило Бальзаку ни гроша, все профинансировал граф Гидобони-Висконти.

* * *

Но великодушие графини Гидобони-Висконти этим не ограничилось. Удивительно, но сама она с Бальзаком в Италию не поехала. Впрочем, удивительно не это, ведь она всего месяц назад стала матерью, удивительно другое — Бальзак согласился поехать в Италию за ее счет и без нее.

Но и это еще не все! Самое удивительное и неожиданное заключалось в том, что он поехал туда (а она не возражала) в сопровождении некоей Каролины Марбути, прехорошенькой и замужней женщины тридцати трех лет.

С этой Каролиной Бальзак познакомился несколько месяцев назад. По словам А. Труайя, она была «молодой женщиной, развязной и, кажется, несколько не в себе». Она бросила своего мужа, секретаря суда в Лиможе, и прибыла в Париж, рассчитывая на литературный успех. Под псевдонимом ей удалось опубликовать какой-то невнятный автобиографический роман, но ее это не устраивало; она искренне считала, что заслуживает большего. Теперь ее главной целью было найти себе в столице выдающегося человека, который влюбится в нее и посодействует ее писательской карьере.

Дабы избежать скандала, Бальзак предложил Каролине Марбути переодеться в мужской костюм и стал выдавать ее за своего секретаря Марселя.

31 июля они уже были в Турине и остановились в гостинице «Европа». «Секретарь» расположился в роскошном номере, а «хозяин» довольствовался более скромным, по соседству.

История эта потрясает своим цинизмом и одинаково плохо характеризует всех ее участников. Лучше всего составить собственное мнение о ней можно по весьма откровенному письму, которое 2 августа 1836 года Каролина Марбути написала из Турина своей матери:

> «Дата и место отправления моего письма, конечно, удивят тебя, дорогая матушка. Ты ведь и не подозреваешь, что я в Италии, в двухстах лье от моего обиталища. Сейчас я все объясню, но только тебе одной. Лишь ты одна будешь посвящена в тайну моего путешествия, и я рассчитываю, что ты не выдашь меня…
>
> Мы получили приглашение Бальзака пообедать у него. Я замыслила так, что в тот день, когда мы встретимся с ним, я должна его обольстить. Вся моя воля была напряжена, и мне это удалось — я его магнетизировала.

Несколько дней спустя он навестил меня; он собрался поехать в Турень, а по возвращении — в Италию… В Турени он жалел, что меня с ним нет, и, вернувшись в Париж, предложил мне поехать с ним в Турин, оттуда в Геную, а может быть, и во Флоренцию. Я долго колебалась, но уступила.

Какое прекрасное путешествие! Выехать из Парижа в почтовой карете и через пять дней оказаться в Турине…

Я одна с Бальзаком, без слуги. Мне пришлось одеться мужчиной, и мужской костюм, который, кстати сказать, мне к лицу, восхищает меня. В нем никто меня не узнает, в нем чувствуешь себя бесконечно свободно и можешь позволять себе очаровательные вольности, которые нам, женщинам, в новинку.

Все это мне, оригиналке, по душе. В Турине я слыву секретарем Бальзака. Он очень меня любит и окружает заботами… Как и все выдающиеся люди, Бальзак очень занят своими идеями и не отличается любезностью. Но у него столько внутренней силы, такой могучий ум, столько превосходства во всем его существе, что он мне нравится. Наружность у него нехороша, лицо красиво своей одухотворенностью, но очень странное.

Живем мы по-княжески. Бальзак рекомендован депешами из посольства, благодаря чему он завязал отношения с самым лучшим обществом… У меня великолепные комнаты, и уход за мной превосходный. Все это тем более замечательно, что у Бальзака нет ни гроша, что он весь в долгах и только ценою невероятного труда поддерживает свое положение на грани роскоши и финансового краха, ежедневно угрожающего ему…

Я оговорила себе право на свободу. Нас должна связывать только простая и чистая дружба. Остальное будет зависеть от прихоти, если мне вздумается…

Во мне нет восторженности. Мои взгляды на любовь очень изменились с тех пор, как я узнала действительность, а также характер, потребности и натуру выдающихся людей. Любовь вызываешь только в том случае, когда умеешь подавлять свои чувства и сохранять ясность ума. Как раз это и произошло со мною в нынешних обстоятельствах. Но буду ли я всегда достаточно владеть собой? Вот вопрос.

У Бальзака добрая душа, ровный характер и порядочность, присущая выдающимся людям, но он больше занят будущим и больше поглощен честолюбием,

чем любовью и женщинами. Любовь для него — физическая потребность. А вне этого вся его жизнь в труде. Всегда ли мне будут приятны такие условия? А главное — удовлетворят ли они мою жажду любви? Боюсь, что нет. Но такова жизнь, и надо принимать ее такой, какая она есть…»

Маскарадный костюм «секретаря» писателя интриговал туринцев, но обмануть не мог — истинный пол «Марселя» был очевиден всем. 21 августа 1836 года Бальзак вернулся в Париж, и этой весьма странной парочке сразу же пришел конец. Бальзак, опасаясь, что пойдут пересуды о его «секретаре» с широкими бедрами и представительной грудью, решил положить конец этой невинной эскападе. Через шесть лет Каролине Марбути будет посвящен рассказ «Гренадьера».

А. Труайя по этому поводу не может удержаться от восклицания:

«Кто был большим безумцем, соглашаясь на эту проделку, — Бальзак или Каролина? Оноре никак не мог согласиться с тем, что ему уже тридцать семь и что поведение зрелого человека никоим образом не должно напоминать похождения литературного персонажа».

* * *

А 27 июля 1836 года умерла Лора де Берни. В тот же день ее сын Александр де Берни написал Бальзаку:

«Шлю скорбные известия, дорогой Оноре: после десятидневных, очень острых нервных болей, приступов удушья и водянки матушка скончалась сегодня в девять часов утра…

Врачу она твердила только одно: „Я хочу дожить до завтра“. По ее просьбе я поехал за Вами, но не отыскал Вас в Париже, Вы уехали в Италию. Она ждала Вас. Из окон своей спальни она могла видеть лишь деревья и кусочек голубого неба, но радовалась и этому. Она часто требовала зеркало и щетку, чтобы убрать свои волосы, хотя и знала, что очень изменилась…

Вашу книгу она держала у себя в постели и перечитывала почти до последнего часа, и я счастлив от сознания, что это служило ей утешением. Быть может, она незримо ощущала Ваше присутствие, и ей

совершенно не о чем было сожалеть».

Прочитав это письмо, Бальзак с ужасом осознал, что, когда так любившая его женщина умирала, он весело проводил время с другой женщиной, переодетой мужчиной. Он не знал, куда деться от отчаяния.

До самой смерти Лора де Берни не переставала писать Бальзаку, и часть ее писем сохранилась. Вот, например, одно из них:

> «Я не хочу докучать тебе стенаниями, но, мой обожаемый, мой любимый, если бы ты знал, как мучительно, как невыносимо жить, цепляясь за человека, которому твоя жизнь больше не нужна! Меня может утешить лишь то, что было время, когда я обладала юным, целомудренным существом, нежным, прекрасным и чутким, которым ни одна женщина на свете не будет больше обладать… Я хочу, чтобы ты знал, что моя любовь настолько сильна, что я предпочту твое счастье своему, и если ты колеблешься в выборе между мною и кем-то еще, то я возвращаю тебе полную свободу, ибо теперь, почти на закате жизни, мне кажется, что сладостнее все же оставаться в плену прошлого, где еще нет горечи слез, страшных теней смерти, злостной холодности самых обожаемых и родных».

А вот так Лора де Берни отзывалась о новых произведениях Бальзака:

> «Твои „Сцены частной жизни“ совершенно очаровали меня, но одна беда — редактор из меня слишком плох, я вся во власти милых воспоминаний и я слишком к тебе пристрастна!
>
> Я помню, при каких обстоятельствах ты читал мне тот или иной отрывок и что ты о нем говорил; я помню, друг мой, какие слова любви рождались при этом; и тогда я находила сладостный приют в твоей душе и на твоей груди… Помнишь, милый? Я по-прежнему чувствую себя твоей возлюбленной и в мыслях предаюсь нашим нежным ласкам. Целую тебя бессчетно».

Она гордилась им, предчувствуя скорую смерть:

> «Теперь я могу умереть спокойно, я уверена, что Ваше чело уже увенчано венком, о котором я столь долго

мечтала для Вас! „Лилия долины“ — возвышенное произведение без единой погрешности и изъяна, и пусть даже несколько сотен женщин Вам скажут, что это — „не совсем то“, я знаю, что роман Ваш — истинная „лилия долины“, и ничто не замутит свежести и чистоты восприятия этой чудесной книги моим усталым и благодарным сердцем».

Эта женщина, пожалуй, была единственной, кто искренне любил Бальзака. По-своему любил ее и он. Да вот только слишком уж «по-своему». После ее смерти он написал матери такие строки:

«Ах, милая матушка, я вне себя от горя. Мадам де Берни умерла! Один только я да Господь Бог знаем, как велико мое отчаяние. А ко всему еще надо работать!»

Она была Бальзаку больше чем любовницей, больше чем матерью. Она всегда поддерживала его словом и делом. Она открыла в Бальзаке писателя и очень гордилась этим. Почувствовав, что конец близок, она попросила сына предупредить Оноре и привезти его к ней. Она всем говорила: «Я хочу дожить до завтра». Она ждала своего Оноре. Но назавтра сын возвратился один. Он не смог его найти. Знала бы несчастная, что ее возлюбленный в это время развлекался в Италии с другой женщиной…

Все было кончено, больше они друг друга уже никогда не увидят. Перед самой смертью, теряя последние силы, она позвала сына и прошептала:

— Найди в моем секретере сверток, несколько раз перехваченный грубой шерстяной ниткой. В нем письма Оноре. Сожги их…

Сын выполнил это ее последнее желание, бросив в огонь любовную переписку, длившуюся пятнадцать лет. Должно быть, Бальзак, даже в день ее смерти думавший о своей работе, потом очень сожалел, что таким образом исчезли, возможно, лучшие свидетельства его творческих усилий. Как хорошо их можно было бы использовать в его новых романах! Впрочем, у него наверняка сохранились черновики, ведь ни одно слово, написанное гением, не должно пропасть зря…

* * *

После возвращения из Италии отношения Бальзака с

графиней Гидобони-Висконти, не требовавшей от него верности, так и не стали более теплыми. Хоть она по-своему и любила Бальзака, но она очень уставала от его беспокойной жизни, от его постоянных долгов и кредиторов, осаждавших его со всех сторон. Да, похоже, и Бальзак уже почти исчерпал все возможные радости этой любовной связи.

Впрочем, нет, не все. Бесплатное романтическое путешествие в Италию — это, конечно, здорово, но она еще не одолжила ему большой суммы денег.

В начале 1837 года такой случай ей представился. В это время финансовое положение Бальзака стало просто катастрофическим. Чтобы ускользнуть от кредиторов, он даже вынужден был скрываться на чужих квартирах. Великодушная графиня Гидобони-Висконти также согласилась на время приютить Бальзака в своих апартаментах на Елисейских Полях. Но судебные приставы нашли его и тут, однако графиня приказала слугам говорить, что месье Бальзак здесь не живет. Тогда власти прибегли к хитрости: один из приставов переоделся в форму служащего почтовой конторы и заявил, что он пришел не для того, чтобы требовать деньги с месье Бальзака, наоборот, он сам принес ему посылку и 6000 франков. Такой уловки оказалось достаточно, чтобы выманить Бальзака из-за двери. Там же мнимый почтовый агент схватил его за полу халата и закричал:

— Именем закона, я арестую вас, месье Бальзак, если вы не уплатите мне сейчас же 1380 франков и сумму новых судебных издержек!

Дом уже успели оцепить, бежать было некуда. Надо было или сейчас же выполнить это требование, или идти в тюрьму. Как всегда, в критический момент Бальзака выручила женщина. На сей раз, как нетрудно догадаться, это была мадам Гидобони-Висконти, одолжившая ему 10 000 франков.

Отметим, что в дальнейшем эта странная женщина не только не потребовала возврата этих денег, но и в 1846 году дала ему еще 12 000 франков, что не помешало ему в письмах к мадам Ганской называть ее «старухой-англичанкой». Право же, неблагодарность — дочь корысти и тщеславия — ожесточает даже самые наилучшие умы, а неблагодарных людей на свете не так много лишь только потому, что не так много и людей, способных на щедрость.

* * *

Но вернемся в 1838 год. Бальзак, увлеченный делами,

надолго уехал из Парижа, а Лора д'Абрантес осталась один на один со своей популярностью. Но этого у нее всегда было в достатке, не хватало только тривиальных денег. Говорят, что нищета не порок. Правильно говорят — это гораздо хуже! Совсем больная, Лора продолжала писать, лежа в постели. Ее перо ничто не могло остановить. Она сама мужественно сражалась с издателем Лявокатом, чтобы вырвать хоть какие-то гонорары из тех, которые тот был ей должен.

Продолжая иногда появляться в парижских салонах, Лора тешилась последней надеждой выйти замуж. Но ее выбор в который раз оказался неудачным. Маркиз де Кюстин обладал огромным состоянием, но его репутация была не столь завидной. Напрасная надежда: маркиз в последний момент улизнул, унеся с собой последние надежды на материальное спасение.

Теперь Лора жила в бедной квартирке на улице Наварэн. Но кредиторы и там разыскали ее, чтобы продать последние остатки ее недвижимости. Это уже было последней каплей: Лора совсем слегла. Некоторые бывшие друзья иногда вспоминали о ней. Мадам Рекамье приходила посидеть у ее постели. Наконец, она нашла приют в частном пансионе на улице Шайо, где и умерла 7 июня 1838 года, прикованная к постели на жалкой мансарде.

Друзья умершей хотели похоронить ее на кладбище Пер-Лашез и поставить там памятник, но муниципалитет отказался отвести участок для могилы, а министр внутренних дел отказал в глыбе мрамора для памятника.

О реакции Бальзака на ее смерть С. Цвейг пишет так:

> «Постепенно герцогиня д'Абрантес исчезает из жизни Бальзака, и, когда долгие годы спустя он повествует о кончине своей подруги — эта безнадежная расточительница была найдена мертвой в убогой каморке на парижском чердаке, — мы чувствуем по его испуганному тону, что он давным-давно позабыл ее, что эта встреча была только мимолетным и пламенным эпизодом его юности».

Через пару месяцев после смерти Лоры д'Абрантес Бальзак написал Эвелине Ганской:

> «Из газет вы, вероятно, узнали о печальной участи бедной герцогини д'Абрантес. Она кончила так же, как кончила Империя. Когда-нибудь я расскажу вам об этой женщине. Мы проведем с вами славный вечерок».

А. Моруа по этому поводу восклицает:

«Какое забвение! Какой урок! Жизнь возлюбленной, когда-то страстно желанной, станет предметом уютной беседы в „славный вечерок“. Но ведь Бальзак никогда не любил Лору д’Абрантес так, как любил Лору де Берни. Первая пользовалась его услугами, вторая преданно служила ему».

Задолго до смерти герцогиня д’Абрантес поняла, что потеряла Бальзака как возлюбленного, к этому она была готова, но ей хотелось сохранить его как друга. Она писала ему:

«Моя старая дружба не обидчива. Бог мой! Старая дружба и молодая любовь — радость душе».

И все же она пыталась хоть как-то повлиять на Бальзака, остановить его, предостеречь от грозящих ему опасностей. Она писала:

«Мое дорогое дитя, я для Вас как настоящая сестра. Верьте мне, не вставайте на эту дорогу, она плохая».

* * *

Но дорога, выбранная Бальзаком, была затягивающей, и завершилась она романом с Эвелиной Ганской, имя которой мы уже не раз упоминали в нашем повествовании.

История эта почти уникальная. В феврале 1832 года Бальзак получил письмо из Одессы. Оно было подписано: «Чужестранка». Почерк и слог письма явно выдавали «женщину из высшего общества». В конце года Чужестранка вновь прислала ему письмо, но и на этот раз она не пожелала назвать себя. Смущаясь и не решаясь открыть своего имени, она просила Бальзака подтвердить через газету «Ля Котидьенн» свое желание переписываться с ней.

Заинтригованный Бальзак в декабре 1832 года дал в этой газете короткое объявление:

«Месье Б… получил предназначенное ему письмо. Он только сегодня может известить об этом при посредстве газеты и сожалеет, что не знает, куда адресовать ответ».

Эвелина Ганская

После этого таинственная корреспондентка, тогда еще и не подозревавшая, что написанное от скуки послание французскому литератору станет для нее началом длительной любовной интриги, написала ему:

> «Я с радостью получила „Ля Котидьенн“ с вашей запиской. К моему большому огорчению, могу написать Вам очень коротко, хотя мне есть что сказать Вам… но я

не свободна! К несчастью, почти все время я пребываю в рабстве… Я не хотела бы и впредь оставаться в неизвестности о том, что касается моих писем, и потому попробую придумать способ свободно переписываться с Вами, полагаясь на Ваше честное слово не искать встречи с той, что будет получать Ваши письма. Если узнают, что пишу Вам и получаю от Вас письма, — для меня все пропало».

Некоторое время спустя завеса тайны приоткрылась: Чужестранка рассказала, кто она. То была графиня Эвелина Ганская, урожденная Ржевузская, принадлежавшая к знатному польскому роду, тесно связанному с Россией. В 1819 году она вышла замуж за Венцеслава Ганского. Этот предводитель дворянства на Волыни был на двадцать два года старше ее.

Вот что рассказывает об этом А. Труайя:

«Ему принадлежат 21 000 гектаров земли и 3035 крепостных, его состояние оценивается в миллионы рублей, чету обслуживает сонм слуг. Французские состояния — мелочь в сравнении с этой восточной роскошью! Кажется, там все не знает границ — и души, и земли, и счета в банке, и страсти. Рядом с великолепной полькой Ганской маркиза де Кастри становится едва различимой».

Так начался «роман по переписке», который длился четырнадцать лет.

Через некоторое время Бальзак и мадам Ганская встретились. Для этого Бальзаку пришлось поехать в Швейцарию, в Невшатель, куда Эвелине Ганской удалось уговорить своего мужа вывезти ее для посещения родного города их гувернантки Анриетты Борель. Кстати сказать, вся их переписка шла через эту самую гувернантку (чтобы сохранить все в тайне, мадам Ганская предложила Бальзаку запечатывать письма в два конверта, указывая на верхнем имя мадам Борель), а встречи до поры до времени проходили в присутствии пожилого мужа, ничего не подозревавшего и польщенного вниманием известного писателя.

Эвелина, показавшаяся Бальзаку состоящей из одних достоинств, поразила его в самое сердце, и 12 октября 1833 года он написал своей сестре:

«Я нашел в ней все, что может польстить безмерному тщеславию животного, именуемого человеком, а ведь поэт, разумеется, наиболее тщеславная его

разновидность; но почему я вдруг заговорил о тщеславии, нет, оно тут ни при чем. Я счастлив, бесконечно счастлив, как в мечтах, без всяких задних мыслей. Увы, окаянный муж все пять дней ни на мгновение не оставлял нас…

Но главное — это то, что нам двадцать семь лет, что мы на удивление хороши собой, что у нас чудесные черные волосы, нежная шелковистая кожа, какая бывает у брюнеток, что наша маленькая ручка создана для любви, что в двадцать семь лет у нас еще совсем юное, наивное сердечко…

Я уж не говорю тебе о колоссальных богатствах. Какое они имеют значение, когда их владелица — подлинный шедевр красоты!.. Я был просто пьян от любви».

И все-таки Бальзак не зря заговорил о тщеславии, ибо не только внешность Эвелины Ганской привлекла его.

У С. Цвейга по этому поводу читаем:

«Он, всегда мечтавший о любовном приключении с аристократкой, действительно нашел в ней женщину большого света, культурную, воспитанную, начитанную, владеющую языками, весьма образованную, как доказывают ее письма к брату, и с великолепными манерами, которые чрезвычайно импонируют Бальзаку-плебею. И потом — снова восторг: она отпрыск одного из знатнейших дворянских родов Польши, и Мария Лещинская, королева Франции, приходится ей чем-то вроде двоюродной бабки».

Бальзак решил поставить на эту «карту» все.

Сначала мадам Ганская в полную противоположность Бальзаку, нетерпеливо стремившемуся связать ее с собой всеми возможными узами, вовсе не хотела, чтобы эти отношения, в которых она невольно зашла слишком далеко, налагали на нее какие бы то ни было обязательства. Ее чувства к Бальзаку оставались весьма зыбкими, ибо она по-разному воспринимала его: с одной стороны, она восхищалась Бальзаком-писателем, с другой — видела все слабости и недостатки Бальзака-человека.

Восхищаться Бальзаком-писателем — это одно дело, но, в отличие от той же мадам де Берни, мадам Ганской недоставало бескорыстного восхищения писателем. В их переписке не чувствуется душевного согласия. Эвелина только и делала, что порицала, проповедовала, рассуждала о том, что хорошо, а что

плохо, а он все вздыхал, что их разделяют и взгляды на жизнь, и расстояние.

В разлуке со своей новой возлюбленной Бальзак мечтал о ней, надеялся найти у нее и любовь и сочувствие, какие дарила ему мадам де Берни. Увы!

Мадам Ганская вела себя как суровый судья, не знакомый с законами нужды. Бальзак чувствовал, что она то уязвлена, то горько обижена, а то и почти враждебна к нему. Их переписка то затихала, то разгоралась с новой силой. При этом они годами не виделись.

Чужестранка была так далеко, и вот однажды он дерзнул пожаловаться на ее молчание:

> «Вот уже три месяца нет писем от Вас… Ах, как это мелко с Вашей стороны! Я вижу, что и Вы обитаете на нашей грешной земле. Ах так! ВЫ не писали мне потому, что мои письма стали приходить редко? Ну что ж, скажу откровенно: письма мои приходили редко, потому что у меня не всегда бывали деньги на оплату почтового сбора, а я не хотел Вам этого говорить. Да, вот до какой степени доходила моя нищета, а бывало и хуже. Это ужасно, это печально, но это правда, как и то, что существует Украина и Вы там живете».

Но ни мадам Ганская, ни Бальзак не в силах были забыть друг о друге. Что касается Эвелины, то, пожалуй, можно утверждать, что в своей аристократической гордыне она больше любила переписку с Бальзаком, чем его самого. Этим она истерзала ему сердце.

С. Цвейг характеризует ее так:

> «Исполненная дворянской спеси, властная, самовлюбленная, капризная и нетерпеливая, уверенная в своем общественном превосходстве, Ганская требует любви как непременной дани, которую она вправе милостиво принять или отвергнуть. Ее жертва — и это можно проследить по ее письмам — ограничена бесчисленными условностями. Она с первой же минуты взирает на Бальзака сверху вниз. Она снисходит к нему, и Бальзак всегда занимает подчиненное положение, в которое она его поставила. Он именует себя „мужиком“, ее „крепостным“ и „рабом“. Он всегда стоит перед ней на коленях, восторженно превозносит ее до небес. Он готов окончательно отказаться от себя, от своей личности. Даже самый беспристрастный человек, читая письма

Бальзака к мадам Ганской, порою невольно испытывает чувство неловкости».

* * *

Хорошо известно, что разлука для любви все равно что ветер для костра — маленький затухает, а большой разгорается еще ярче. Но это если рассуждать теоретически. На практике же разлука способствует кристаллизации любви, если воспоминания еще полны жизни; слишком долгая же разлука иногда отнимает у любви всю ее сущность. Короче говоря, любовь и разлука находятся в отношениях неоднозначных, и, на наш взгляд, гораздо вернее другое утверждение, которое хоть и выглядит парадоксально, однако лучше отражает правду жизни: настоящая любовь та, что выдерживает не долгие годы разлуки, а долгие годы близости.

До 1841 года Бальзак по пять-шесть раз в год писал своей Еве (так он называл Эвелину) и посылал ей свои книги. Делать это приходилось с некоторыми предосторожностями, так как граф Ганский мог потребовать, чтобы ему показали переписку. Мадам Ганская читала книги и письма, отвечала с большими промежутками (раз в полгода, в десять месяцев) и, по-видимому, умом и сердцем держалась от Бальзака на расстоянии.

Кончилась вся эта корыстно-романтическая история тем, что Венцеслав Ганский скончался 10 ноября 1841 года. Уж теперь-то Бальзак был в полной уверенности, что удача не уйдет от него. Несмотря на большую радость, вдове он написал со всей доступной ему тактичностью:

> «Что касается меня, дорогая, обожаемая Ева, то, хоть случившееся событие и дает мне возможность достичь того, чего я горячо желаю вот уже скоро десять лет, я могу перед Вами и перед Богом отдать себе справедливость и сказать, что никогда в сердце у меня не было ничего, кроме полной покорности, и я ни разу не запятнал душу злыми пожеланиями.
>
> От иных невольных порывов невозможно удержаться. Часто я говорил себе: „Как легко бы мне жилось с нею!“ Невозможно сохранить свою веру, свое сердце, все свое существо, не питая надежды. Два эти чувства, которые церковь считает добродетелями, поддерживали меня в борьбе. Но я понимаю сожаления, выраженные Вами в письме…»

Но Эвелина никуда не торопилась. Сначала нужно было соблюсти траурные приличия, потом нашлись какие-то неотложные дела, а потом тяжело заболел Бальзак.

Обладая фантазией писателя, он не мог понять, что его Ева искренне жалела о старике-муже. Он был для нее заботливым покровителем, понятливым супругом, а после его смерти ей предстояло столкнуться с ужасными трудностями. В имущественных ее делах далеко не все шло гладко. При заключении брачного контракта граф Ганский предоставил жене в пожизненное пользование все свое состояние, но родня мужа, которую П. Сиприо называет «сворой наследников», протестовала против этого. Русский император недолюбливал крамольное украинско-польское дворянство, и со стороны мадам Ганской в ее положении было достаточно малейшего промаха, чтобы впасть к нему в немилость и вообще лишиться всего имущества.

Мадам Ганская с тревогой спрашивала Бальзака, где письма, которые она писала ему. Будет ли эта объемистая переписка в безопасности, если адресат внезапно умрет? Он поклялся, что на ларец, где хранятся письма, он наклеил обращение к своей сестре Лоре, в котором отдал ей распоряжение «бросить все в огонь, ничего не просматривая».

В феврале 1844 года Бальзак писал Ганской:

> «Вы, дорогая моя Лина, возвращаете меня в милое детство, которого у меня не было; Вы явились, чтобы отомстить всем тем, кто заставил меня страдать; Вы единственная моя любовь; Вы будите во мне ту необъяснимую страсть, которую некоторые мужчины испытывают к женщинам и которая влечет их к ним, невзирая на любые пороки и измены… Но прежде всего и более всего, Вы — та женская половина моей души и тела, которой мне недостает. Вы принадлежите к тем святым, благородным и преданным созданиям, к ногам которых хочется с чистой решимостью приложить всю свою жизнь, все свое счастье, весь свой успех. Вы — маяк, Вы — счастливая звезда».

Давно Бальзак не выражал своих чувств столь красноречиво, но его «счастливая звезда» оставалась холодной.

Летом 1847 года Бальзак тяжело заболел.

П. Сиприо определяет сваливший Бальзака недуг следующим образом:

> «Это был симптом болезни Кушинга — неизвестного тогда заболевания гипофиза, при котором происходит

> постепенная атрофия нижних конечностей при увеличении размеров торса и головы. Бальзак все больше становился похожим на собственное карикатурное изображение в виде перевернутого туза пик».

Потом на изнуренный организм посыпалось все подряд: желтуха, бронхит, перешедший в воспаление легких, «болотная лихорадка», как тогда называли нарушения в работе головного мозга…

Лишь после этого Эвелину, уверенную в том, что уж теперь-то Бальзак не сможет промотать слишком много денег, посетило чувство сострадания (точь-в-точь как у знатных дам, когда они узнают, что их преданный дряхлый слуга находится при смерти), и она разрешила ему приехать.

Конец 1848 года и весь 1849 год Бальзак прожил в Верховне, поместье Ганских на Украине.

Об увиденном Бальзак писал сестре во Францию следующее:

> «Дом у них — настоящий Лувр, а поместье величиной с наши департаменты. Невозможно себе представить, какие тут просторы, как плодородна земля».

В доме Ганских ему отвели спальню, гостиную и кабинет. Изо всех окон можно было видеть бескрайнее хлебное море. Повсюду лежали дорогие ковры, все было украшено вазами, фарфором, серебром. И все это богатство Эвелина собиралась отдать своей дочери в обмен на пожизненную ренту, ибо только передача имения давала ей возможность вступить в новый брак.

Он так тяжело болел, что совершенно не мог работать. Его преследовали головные боли, он едва мог держаться на ногах. Целый месяц писатель не выходил из своей спальни — не мог даже поднять руку, сразу начиналось удушье и страшный кашель.

Мадам Ганская понимала, что, если их свадьба не состоится, это убьет ее возлюбленного. В результате не столько любовь, сколько жалость взяла верх над всеми сомнениями, и она сказала Бальзаку «да».

14 марта 1850 года они наконец обвенчались. На следующий день счастливый Бальзак написал Зюльме Карро:

> «У меня не было ни счастливой юности, ни цветущей весны, но у меня будет самое солнечное лето, самая теплая осень».

В этом он очень сильно ошибался, жить ему оставалось всего

несколько месяцев.

30 апреля 1850 года новоявленная Эвелина де Бальзак писала своей дочери Анне:

> «Меня очень беспокоит его здоровье: приступы удушья у него случаются все чаще, да еще крайняя слабость, совсем нет аппетита, обильный пот, от которого он все больше слабеет. В Радзивилове нашли, что он ужасно переменился, что его с трудом можно узнать… Я его знала семнадцать лет, а теперь каждый день замечаю какое-нибудь новое его качество, которого я не знала. Ах, если бы вернулось к нему здоровье! Прошу тебя, поговори о нем с доктором Кноте. Ты и представить себе не можешь, как он мучился эту ночь. Я надеюсь, что родной воздух пойдет ему на пользу, а если надежда обманет меня, поверь, участь моя будет печальна. Хорошо женщине, когда ее любят, берегут. С глазами у него, бедного, тоже очень плохо. Я не знаю, что все это значит, и минутами мне очень грустно, очень тревожно…»

* * *

Срочные дела вдруг потребовали присутствия писателя в Париже, и Бальзак вынужден был покинуть Верховню. Эвелина поехала с ним и дала ему 90 000 франков на деловые расходы. Впервые в жизни, несмотря на плохое самочувствие, он был совершенно счастлив.

27 мая Бальзак с женой приехали в Париж. Врачи нашли у него сильный бронхит, сердечные припадки, удушье, перитонит, водянку, гангрену ноги. Короче говоря, это был «полный букет» болезней, справиться с которым мог бы только очень сильный организм.

Три тяжких месяца Эвелина так и не могла быть женой Бальзака, лишь сиделкой, очень терпеливой и мужественной. Ей он диктовал свои последние письма. Врачи говорили, что у мадам де Бальзак «благородное, великодушное и возвышенное сердце». Сестра Лора писала о ней матери:

> «Она ведет себя героически».

Умирающий не слышал от своей Евы ни грустных стонов, ни жалоб — только слова: «Ты будешь жить». Она даже научилась сама ставить ему пиявки, а в минуты просветления говорила с

ним о его будущих романах.

18 августа 1850 года Бальзак скончался. Ему был всего пятьдесят один год.

Заупокойная служба состоялась в церкви Сен-Филипп-дю-Руль в среду, 21 августа, в одиннадцать часов, и была самой скромной. Никаких официальных соболезнований, флагов, военной музыки. Но присутствовавших было много: писатели, журналисты, друзья, несколько типографских рабочих, которые набирали книги покойного.

На кладбище Пер-Лашез Гюго произнес речь, которая была встречена прочувствованным молчанием. Он сказал:

— Человек, которого только что опустили в эту могилу, был из тех, кого сопровождала боль человечества. Имя Бальзака станет частицей света, оставленного нашей эпохой будущему… Месье де Бальзак принадлежал к числу самых великих, был одним из лучших… Все его книги — это одна книга: живая, светлая, глубокая. Она полна чего-то пугающего, ужасающего, связанного с реальностью, в которой мы живем, со всей современной цивилизацией, лучшая книга, которую сам он назвал «Комедией», а я бы назвал «Историей»… Вот что он нам оставил: высокое, прочное творение, мощное нагромождение гранитных пластов, памятник! Творение, с вершины которого сияет теперь его слава. Великие люди сами создают себе пьедестал, о статуе должно позаботиться будущее… Увы! Этот могучий, неутомимый труженик, философ, мыслитель, поэт, гений жил среди нас в этой полной бурь, борьбы, ссор, сражений жизни, как любой гений во все времена. Теперь он покоится с миром. Споры и ненависть больше его не касаются…

Своеобразный итог жизни Бальзака подводит А. Труайя:

> «За свою короткую жизнь он хотел получить все: славу, любовь, деньги. Что осталось от этой бурной деятельности? Вдова, не знающая, что делать, слишком просторный особняк, дорогая мебель, которая пойдет с молотка… Одержимый жаждой жизни писатель преуспел только в своем творчестве».

* * *

После смерти писателя Эвелина печалилась недолго. Сначала она нашла утешение в объятиях молодого литератора Жюл-Франсуа Шамфлёри, изучавшего жизнь и творчество Бальзака (так и хочется добавить «по первоисточникам») и

дорабатывавшего последний недописанный роман Бальзака «Крестьяне» (это посмертное произведение появится в свет только в 1855 году).

Он нанес ей визит после похорон, так как не был в Париже в момент кончины писателя. Ход дальнейших событий А. Труайя описывает так:

> «Очаровательная чистота молодого человека, его прекрасные манеры понравились Еве, она предложила ему заняться бумагами покойного мужа. Шамфлёри был очень тронут и согласился. Во время беседы он все время жаловался на мигрень, мадам Бальзак положила руки ему на лоб, чтобы магнетическими пассами облегчить страдания. Она была на двадцать лет старше, но пьянила сама мысль стать преемником Бальзака в объятиях этой пышной, ослепительной польки — в ней угадывалось сладострастие и опыт, легкий славянский акцент волновал. Ей пленительным показалось юношеское восхищение ею, которое, казалось, возвращало молодость.
>
> В первых письмах она еще обращается к нему вполне официально, но очень быстро переходит на „дорогой малыш“. Она стала его любовницей и порой представлялась себе мадам де Берни рядом с юношей Бальзаком. Ева не испытывала ни малейших угрызений совести, хотя муж ее умер меньше девяти месяцев назад, а Шамфлёри она едва знала».

В одном из писем она признавалась ему:

> «С тех пор как у меня выросли крылья, я веду жизнь настоящей богемы, но только на свой лад — очень одинокую и чистую. У меня голова идет кругом от независимости и свободы. Я никогда больше не вернусь на родину. Мой дом — Елисейские Поля. Каждый вечер я хожу развлекаться в кафешантаны!.. Позавчера смеялась, как никогда в жизни. Боже, какое счастье никого не знать, ни о ком не заботиться, быть независимой, свободной и быть в Париже».

Скорый конец этой истории был предопределен. К словам А. Труайя нечего прибавить:

> «Молодому человеку изрядно надоели излияния чувств и любовные притязания властной и болезненно

ревнивой Евы, которая по малейшему поводу выходила из себя и осыпала его упреками. Он спрашивал себя, как мог Бальзак долгие годы выносить эту склонную к крайностям женщину и почему не порвал столь изнурительную связь. Сцены следовали одна за другой, все более бурные и грубые. В ноябре 1851 года они расстались».

В 1852 году Эвелина станет любовницей художника Жана Жигу, тот напишет ее портрет и выставит его в Салоне.

Дальнейшую судьбу вдовы А. Моруа в двух словах излагает следующим образом:

> «Этот художник, который писал в манере резкой, мужественной и полной условностей, покорил ее. Вероятно, в 1852 году они вступили в связь, оказавшуюся почти супружеством, так как она продолжалась до самой смерти Эвелины, которая скончалась 10 апреля 1882 года. Жигу, „ветеран“ с галльскими усами, „обремененный годами и славой“, пережил ее на двенадцать лет».

Вдова Бальзака по завещанию стала единственной его наследницей. Ей советовали отказаться от наследства, обремененного огромными долгами, но она заявила, что обязана как Эвелина де Бальзак уплатить все долги мужа. Кроме того, она взяла на себя содержание матери Бальзака, хотя у той были и другие дети.

* * *

Мать Бальзака так ничего и не узнает о похождениях «безутешной вдовы», она умрет 1 августа 1854 года. Ее кончина послужит причиной серьезных разногласий между Лорой Сюрвилль и Эвелиной. Прежде всего это будет связано с правами наследования.

В одном из посланий адвокату Эвелина будет возмущаться:

> «Четыре месяца я была не женой, а сиделкой месье де Бальзака. Ухаживая за неизлечимо больным мужем, я потеряла собственное здоровье, точно так, как и собственное состояние, когда согласилась стать правопреемницей его долгов и прочих затруднительных моментов. Если я соглашусь сделать что-то сверх этого,

поставлю под угрозу будущее собственных детей, для которых Бальзаки — чужие, впрочем, как и для меня после смерти моего мужа, которая столь страшно венчала наш горестный союз, длившийся четыре с половиной месяца».

От себя заметим, что подобное заявление правомерно лишь отчасти. Действительно, значительная часть состояния графини Ганской уйдет в руки кредиторов Бальзака. Она проживет в Париже тридцать два года до самой своей смерти и при этом заплатит 83 500 франков долга за усопшего мужа, будет платить 3000 франков ежегодно свекрови, примерно 130 000 франков вложит в дом на улице Фортюне. С другой стороны, внакладе она не останется, ибо тот же дом она успеет продать баронессе Ротшильд за 500 000 франков.

Как видим, Бальзака не стало, а вокруг его имени по-прежнему продолжали бушевать страсти: вопросы наследства, погашения долгов, любовная горячка, нереализованные надежды, упования на выигрыш, похороны, свадьбы, семейные распри. По меткому определению А. Труайя, «как будто мир реальный обезьянничал, пытаясь повторить мир его романов».

Послесловие

Слава — товар невыгодный.
Стоит дорого, сохраняется плохо.

Бальзак. Шагреневая кожа

Создается впечатление, что каждый, кто начинает писать книги, имеет какое-то особое благословление в виде гениальности. Или нужно знать какую-то волшебную формулу, доступную только гениям. Хорошая новость: это миф! Абсолютно разные люди начинают писать, и абсолютно разные люди в этом деле потом процветают. Не существует какого-то общего портрета писателя, не существует некоего писательского типа, нет набора общих характеристик, по которым можно заранее определить, кто будет писателем, а кто — нет. Писателями не рождаются, ими становятся.

В самом общем виде существует три категории пишущих:

Первые — это те, у кого нет ни идей, ни слога, но они пишут. Их еще называют графоманами. Это такие люди, которые испытывают потребность доверять свои мысли бумаге. Таким образом они как бы создают для себя островок собственного, пусть иллюзорного мира, избегая хоть на время жестокой реальности. Если говорить серьезно, то разница между писателем и графоманом очень проста. Писатели пишут — и их читают, графоманы пишут — и их не читают. Вот и все. Графоман — это настойчивость, трудолюбие плюс полное отсутствие таланта.

Графоманы — неплохие люди, а то, что они, грубо говоря, не могут не писать, это их личное дело. В конце концов, все люди когда-то что-то писали, но большинство в определенном возрасте прекратило этим заниматься. А вот графоманы не могут остановиться. Нельзя же их за это винить? Они же просто так ценят богатство своего внутреннего мира, что считают его интересным для окружающих, а потому и спешат вылить на бумагу все, что в них горит, кипит, клокочет.

Вторые — это те, у кого есть идеи и слог. Это творцы в душе. Для простоты понимания назовем их беллетристами (от французского belles lettres — в дословном переводе «красивые буквы», «красивые послания»). Беллетристы — это люди, умеющие красиво складывать буквы в слова, а слова — в предложения. Беллетристы — это повествователи, те, кто умеет хорошо и интересно рассказывать. Фактически беллетристы — это те же писатели, которые пишут не для себя, не наедине с

зеркалом, а для читателя, не забывая о нем ни на минуту.

И наконец, третьи — это те же беллетристы, то есть люди, обладающие и слогом, и идеями, но которые еще и делают на этом деньги. А вот это уже профессиональные писатели.

Итак, все три вышеперечисленные категории пишущих — это писатели. Разница между ними огромная, но нагляднее всего она проявляется в успешности. В этой области все обстоит так же, как и в психиатрии, где успех часто бывает единственной видимой разницей между гением и безумием.

По степени успешности графоманы стоят на низшей ступени (у них успеха нет вообще), профессионалы — на высшей. У них есть все компоненты успеха от морального удовлетворения и признания читателей до достойного за все это материального вознаграждения. Они знаменитые, они великие! Но если вдуматься, чем они отличаются от огромной армии вполне добротных беллетристов? Ответ на это вопрос предельно прост: как бы ни кичились «великие» своими деяниями, последние очень часто бывают следствием не великих замыслов, а простой случайности, какого-то удачного стечения обстоятельств.

Писательство в любом его виде — это чрезвычайно затратный процесс с точки зрения душевных и физических сил. Поверьте, графоман страдает над своим листом бумаги ничуть не меньше, а порой и больше, чем преуспевающий профессионал, часто «выезжающий» на голой технике.

Так что же нужно для того, чтобы стать «великим»? Практика показывает, что для этого нужно счастливое сочетание трех факторов.

Прежде всего, нужна некая искра Божья, именуемая талантом. Без этого можно быть графоманом, но писателем стать невозможно. Впрочем, без этого невозможно стать и композитором, живописцем, скульптором и еще много кем. Определений таланта множество, но ни одно из них не является всеобъемлющим, однако все и так понимают, о чем идет речь. Для писателя талант подразумевает воображение, которое рисует сюжеты и образы, разум, который позволяет их анализировать и сравнивать, вкус, который дает возможность отбирать, и некие литературные способности, при помощи которых можно исполнить придуманное, сравненное и отобранное.

Итак, «искра Божья». Это необходимое условие для того, чтобы стать известным писателем, но явно не достаточное. Сколько мы знаем людей, обладающих этой искрой, но даже и не мечтающих стать профессиональными писателями! Они могут виртуозно выдумывать, даже писать, например, потрясающие письма, но им никогда не стать великими писателями. Почему?

Потому что одного таланта для этого мало.

Для того чтобы стать великим или хотя бы известным писателем, нужно еще очень и очень много труда, нужна мощная выносливость и работоспособность. Один талант без труда никогда не возвысится над уровнем обычной виртуозности. Без труда талант — это фейерверк: он может на мгновение ослепить, но потом ничего не останется.

Есть такое определение гения: «Гений — это человек, который знает о своем выдающемся таланте, но все равно продолжает работать». Очень верно подмечено. Даже более того — трудолюбие может в определенной степени компенсировать нехватку таланта. Это сказал, кажется, великий Бернард Шоу, а он знал и о том, и о другом не понаслышке.

Итак, «искра Божья» плюс терпение и труд. Это необходимое сочетание для того, чтобы стать известным писателем, но, к сожалению, тоже не достаточное. Сколько мы знаем людей, обладающих и этой пресловутой искрой, и трудящихся в поте лица, но у них так и не получается стать известными писателями… Почему? Потому что одного таланта и трудолюбия для этого тоже, как выясняется, мало.

И вот тут мы подходим к самому главному. Помните, мы говорили, что для того, чтобы стать известным писателем, нужно счастливое сочетание трех факторов? Так вот, третьим фактором как раз и является та самая «случайность», некое благоприятное стечение обстоятельств, какой-то внешний толчок, трамплин, позволяющий талантливому и трудолюбивому человеку, как говорится, «попасть в обойму».

Конечно, нет покровителей надежнее, чем наши собственные способности, но… Как всегда, это пресловутое «но». Недаром же популярным афоризмом стала фраза о том, что талантам надо помогать, бездарности пробьются сами.

Бальзак, без сомнения, имел незаурядный писательский талант и просто чудовищную работоспособность. Ровно три десятилетия он занимался писательством, и все эти годы он не позволял себе ни одного месяца и, в сущности, ни одного дня праздности. Ночи напролет вынужден был он проводить за столом, исписывая страницу за страницей, создавая том за томом. У него не оставалось времени для удовольствий и развлечений. Он знал цену отречению, которого требовала его миссия. Он знал, что должен отдать ей свой мозг и свой сон, все свои силы, всю свою жизнь. Он не испытывал страха, ибо работа была для него одновременно и наслаждением.

Но это, как мы убедились, до поры до времени никак не помогало ему достичь главной цели его жизни, то есть стать

преуспевающим писателем и прославить свое имя.

Ему нужен был внешний толчок, трамплин. И этим «трамплином» для него могла быть только женщина. «Я таю в себе культ женщины», — признавался сам Бальзак. В самом деле, в его ближайшем окружении не было мужчин, ни с кем у него не было по-настоящему братских отношений, никому не мог он довериться, ни на кого не мог опереться. Удивительно, но у Бальзака не было ни одного товарища-мужчины. Помощь, привязанность и преданность в его случае шли только от женщин.

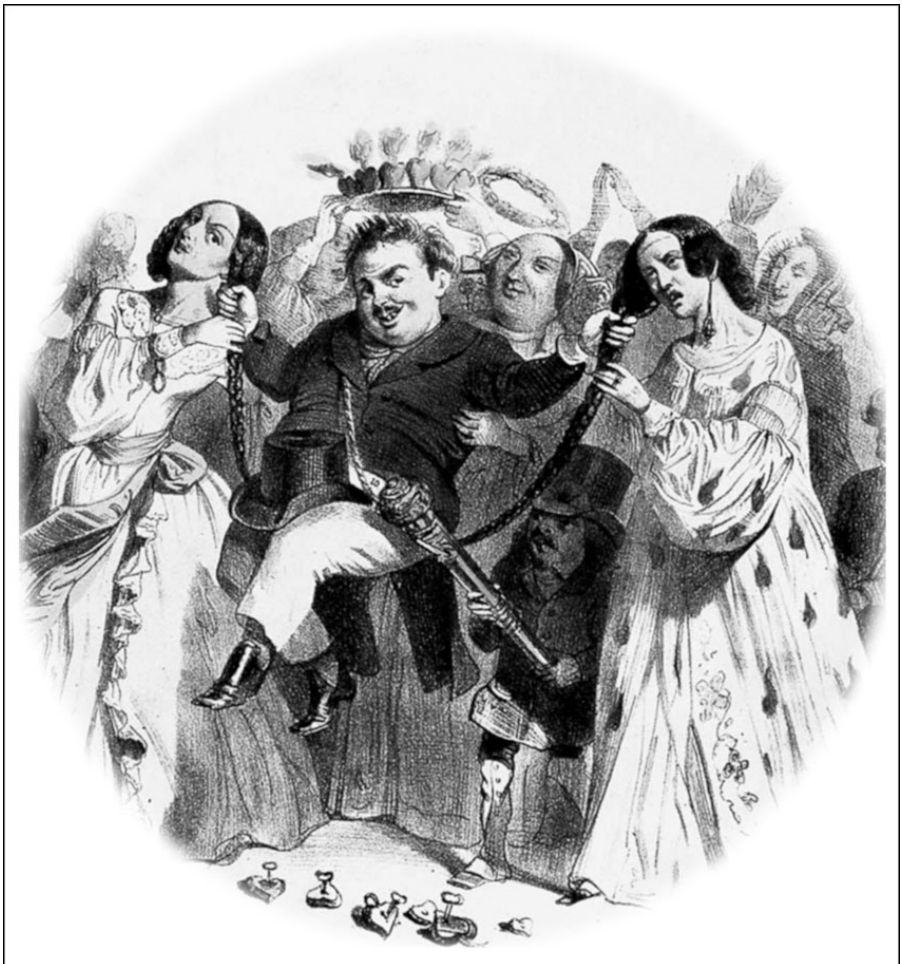
В его жизни было много женщин, и все они, как ни цинично это звучит, выполняли какие-то определенные функции (что поделать, если все люди, с которыми нас сталкивает жизнь, выполняют определенную функцию, несут какую-то информацию, играют определенную роль).

Были женщины, так сказать, «монофункциональные». С этим все просто. Например, Зюльма Карро была только верным и надежным другом. В ее честной и бескорыстной поддержке он мог быть уверен. Важно иметь в жизни такого человека? Конечно, важно. Достаточно этого для того, чтобы стать преуспевающим писателем? Конечно же, нет.

Также «монофункциональной» была в жизни Бальзака и Жозефина Деланоа — она была другом семьи и просто иногда выручала молодого человека деньгами. Важно иметь в жизни такого человека? Конечно, очень важно. Достаточно этого для того, чтобы стать преуспевающим писателем? Ответ снова отрицательный.

По сути, «монофункциональна» в процессе становления Бальзака как писателя была и его мать. Она тоже помогала ему деньгами. Впрочем, нет, она, сама того не желая, выполняла и еще одну немаловажную функцию: создав невыносимую обстановку в доме, она стимулировала молодого человека побыстрее стать писателем-профессионалом, чтобы иметь материальную возможность жить от нее отдельно.

Сестра Лора играла роль некоего противовеса оттолкнувшей сына матери. С раннего детства она понимала брата с полуслова, сочувствовала ему, как могла помогала. Примерно такую же функцию выполняла и младшая сестра Лоранс, но она, к сожалению, слишком рано и слишком неудачно вышла замуж, и ей стало не до писательских амбиций Бальзака.



Бальзак. Карикатура

Мадам де Берни — вот уж кто искренне любил Бальзака, понимал его, морально поддерживал. Преданная мадам де Берни: замена матери, любовница, помощница и заимодавец «в одном флаконе». Но она была совершенно из иного мира и никак не могла выполнить для начинающего писателя функции «внешнего толчка» или «трамплина».

Маркиза де Кастри — богатая, кокетливая и уверенная в себе особа, непреклонная хромоножка. Но она лишь играла с Бальзаком. По-своему она была к нему привязана, но не испытывала ни малейшего желания что-то для него делать, тем более обременять себя какой-то серьезной ролью.

Графиня Гидобони-Висконти в жизни Бальзака была женщиной гораздо более «функциональной». Она не докучала ему мелочными придирками и бездушной ревностью. Она была его настоящей возлюбленной, и в то же время она была его другом.

Она распознала первейшую потребность этого вечно затравленного, преследуемого, стонущего под бременем бесчисленных обязательств художника — его великую потребность в свободе. Она видела, как он устал, как обессилен, как стремится обрести покой. И она все это ему давала. Плюс, конечно же, помогала деньгами. Казалось бы, вот идеальный вариант подруги жизни. Но достаточно ли всего этого было, чтобы стать знаменитым писателем? Безусловно нет. Ведь графиня тоже была из иного мира и при всем желании не могла выполнить функции «внешнего толчка» или «трамплина».

Наконец, Эвелина Ганская. Это была дама «высокого полета». Она превратила отношения с Бальзаком в затянувшуюся холодную игру, преисполненную мелочных расчетов и ревности. К тому же она жила слишком далеко, чтобы можно было рассчитывать на ее конкретную помощь. Для Бальзака она была скорее мифом, предметом мечтаний, чем реальным человеком. На самом же деле она была недоверчива и вместо живого Бальзака все время выдумывала себе какое-то абстрактное существо, которое можно и нужно было постоянно журить, наставлять, обвинять.

Ну и, наконец, она появилась в его жизни, когда писательский успех уже был достигнут. Иначе бы она просто не обратила на него внимания. Делать подобный вывод нам позволяет тот факт, что она слишком уж долго взвешивала все «за» и «против».

Были в жизни Бальзака и вообще просто случайные существа типа Каролины Марбути. О них мы вообще не будем говорить, ибо их функция крайне однобока и не имеет никакого отношения к становлению молодого писателя.

Кто же остается? Остается только герцогиня д’Абрантес. Денег у нее не было, но и без них она подарила Бальзаку немало счастливых дней. Она воспитывала его, опекала, научила вести себя в обществе, ввела в круг нужных людей, дала массу ценных практических советов, без которых мы, возможно, так и не узнали бы такого писателя, как Бальзак. Она, как говорится, слепила его из того, что было.

С этой точки зрения, «функция» герцогини д’Абрантес оказалась уникальной и решающей. Биографы Бальзака явно недооценивают роль этой женщины, а зря, ведь правильно говорят: лучше самая малая помощь, чем самое большое сочувствие. Можно сколько угодно жалеть, хвалить и подбадривать надрывающегося под весом тяжеленной ноши человека, но лучшей помощью ему будут не слова. И даже не деньги. На эту тему есть замечательная китайская поговорка:

«Дай человеку рыбу, и ты накормишь его только раз. Научи его ловить рыбу, и он будет кормиться ею всю жизнь». Так вот, герцогиня д'Абрантес именно научила Бальзака, как становятся преуспевающими писателями. Она подтолкнула его в нужном направлении, послужила ему тем самым «трамплином», а дальше все уже зависело только от него самого.

Если бы конкретно-деловую герцогиню д'Абрантес можно было бы каким-то фантастическим образом слепить с тонкой и душевной мадам де Берни, вдвоем они фактически составили бы для Бальзака идеальную женщину, сочетавшую в себе все необходимые Бальзаку «функции». Но такого, к несчастью, не бывает. А может быть, к счастью, ведь если бы Бальзак не пережил того, что ему довелось пережить, не почувствовал бы на собственной шкуре, что жизнь полна жестокостей и несправедливостей, то мы, пожалуй, так и не узнали бы такого писателя. Как известно, сытость и благополучие никогда не способствовали становлению творца, и если талант дается от природы, то мировоззрение и характер, без которого добиться чего-либо невозможно, формируются только в бурных волнениях света.

Использованная литература

Абрантес Лора. Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, Революции, Директории, Консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов (перевод с французского). ТТ. 1–16. М., 1835–1839.

Бальзак Оноре. Собрание сочинений в 24-х томах (перевод с французского). М., 1960.

Важне Франсуаза. Госпожа Рекамье (перевод с французского). М., 2004.

Кирхейзен Гертруда. Женщины вокруг Наполеона (перевод с немецкого). Репринтное воспроизведение издания 1912 года. М., 1991.

Морозова Е. Юный Оноре де Бальзак, или Господин Орас де Сент-Обен. Эссе // «Новая юность», № 5(50), 2001.

Моруа Андре. Прометей, или Жизнь Бальзака (перевод с французского). М., 1967.

Нечаев С. Ю. Генерал Жюно: жизнь пополам. М., 2001.

Петрова Е. А., Петраш Е. Г. Французская литература // История зарубежной литературы XIX века (под ред. Н. А. Соловьевой). М., 1991.

Сиприо Пьер. Бальзак без маски (перевод с французского). М., 2003.

Труайя Анри. Оноре де Бальзак (перевод с французского). М., 2006.

Цвейг Стефан. Бальзак (перевод с немецкого). М., 1962.

Чичерин А. Оноре Бальзак (1799–1850) // Писатели Франции (составитель Е. Эткинд). М., 1964.

Balzac Honoré. Correspondance. Textes reunis, classés et annotés par Roger Pierrot. Paris, 1960.

Balzac Honoré. Lettres à L'Etrangère. Paris, 1899.

Balzac Honoré. Correspondance avec Zulma Carraud. Notes et commentaires par Marcel Bouteron. Troisième édition revue et augmentée. Paris, 1951.

Barberis Pierre. Balzac et le mal du siècle. Paris, 1970.

Bardeche Maurice. Balzac, romancier. La formation de l'art du roman chez Balzac. Genève, 1967.

Bellessort André. Balzac et son œuvre. Paris, 1946.

Dega Jean-Louis. La vie prodigieuse de Bernard-François Balssa, père d'Honoré de Balzac. Paris, 1998.

Dufresne Danielle. Balzac et les femmes. Paris, 1999.

Gengembre Gérard. Balzac, le Napoléon des lettres. Paris, 1992.

Gozlan Léon. Balzac en pantoufles. Paris, 1856.

Helm floyd Juanita. Les Femmes dans la vie de Balzac. Paris, 1926.

Lucas-Dubreton Jean. Junot dit «La Tempête». Paris, 1937.

Lumet Louis. Les origines d'Honoré de Balzac // «La Revue de Paris», 15 février 1923. — pp. 818–837.

Marceau Félicien. Balzac et son monde. Paris, 1955.

Picon Gaëtan. Balzac par lui-même. Paris, 1956.

Pierrot Roger. Honoré de Balzac. Paris, 1994.

Surville Laure. Balzac. Sa vie et ses oeuvres d'après sa correspondance. Paris, 1858.

Vicaire Georges & Hanotaux Gabriel. La Jeunesse de Balzac. Balzac imprimeur, 1825–1828. Paris, 1903.

notes

Примечания

1

Цвейг, Стефан (1881–1942) — известный австрийский писатель. С 1934 года жил в эмиграции (Великобритания, США, Бразилия). Не выдержав разлуки с родиной и отчаявшись перед лицом начавшейся войны, покончил жизнь самоубийством. Автор нескольких сборников новелл, а также биографических романов, эссе и очерков. Его биография Бальзака, над которой он работал около тридцати лет, была опубликована в 1946 году.

2

Моруа, Андре (1885–1967) — известный французский писатель (его настоящее имя — Эмиль Эрзог), член Французской академии. Автор новелл, литературно-критических эссе, книг по истории, а также романов «Превратности любви», «Семейный круг» и др. Всемирную известность он завоевал своими биографическими произведениями: «Байрон», «Тургенев», «Лелия, или Жизнь Жорж Санд», «Олимпио, или Жизнь Виктора Гюго», «Три Дюма» и др. Его книга «Прометей, или Жизнь Бальзака» была опубликована в 1965 году.

3

Вышеприведенный абзац — это отрывок из романа Бальзака «Лилия долины», который написан в жанре романа-исповеди и который вполне можно считать литературно обработанной автобиографией писателя.

4

Труайя, Анри (1911–2007) — известный французский писатель (его настоящее имя Лев Тарасов), член Французской академии, лауреат Гонкуровской премии. Автор более ста романов, а также серии «русских» биографий Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя и др. Его книга о Бальзаке была опубликована в 1992 году.

5

Сиприо, Пьер — современный французский журналист и издатель, автор многочисленных литературных радиопередач и биографических книг. Его книга «Бальзак без маски» была опубликована в 1992 году.

6

Псевдоним *de Viellerglé* происходит от перестановки букв в имени de Légreville, а псевдоним *R'hoone* является анаграммой имени Honoré.

7

Фамилия Монзэгль (Montzaigle) образована из двух французских слов: mont (гора) и aigle (орел).

8

Элиза де Берни родилась 28 июня 1806 года; ей в ту пору было шестнадцать лет.

Александрина де Берни родилась в 1813 году (ей девять лет).

Жанна де Берни родилась 10 апреля 1797 года (ей двадцать пять лет).

9

Анриетта де Бальзак д’Антраг (1579–1633) была любовницей французского короля Генриха IV и за первую ночь с ним получила 100 000 франков.